

**Закончилась
война... вчера**

УДК 82-3
ББК 84-4
В90

Издано Международным Союзом Русскоязычных Писателей
В рамках конкурса «Вчера закончилась война...»

Авт ЗН **Международный Союз Русскоязычных Писателей**
Вчера закончилась война... 2020 г. – 290 с.

ISBN 978-5-4498-5131-4

УДК 82-3
ББК 84-4

Редактор Ирина Коробейникова
Вёрстка А. Новиков

© **Международный Союз Русскоязычных Писателей, 2020 г.**

Оглавление

Вступление.....	9
Олег Русских	11
Стрекоза.....	11
Горловская Мадонна... совесть.....	12
Бача.....	14
Незабудка.....	17
Ирина Арсентьева	19
О фронтовой фотографии и семейной улыбке.....	19
Рауль для Итты.....	24
Я была.....	33
Наталья Резанович	35
Любовь непобедима.....	35
Дилян Димитров	41
Клятва.....	41
Людмила Иконникова	43
Боевые подруги.....	43
Анна Смотрина	44
Мой прадед.....	44
Мария Целуйко	46
Под Ржевской землей.....	46
Начало войны.....	47
Неотправленное письмо.....	48
Горячий снег.....	49
Пехота.....	50
Наталья Ермакова	51
Листая страницы жизни.....	51
Денис Ткачук	61
Представь, наступит день такой: излечит время боль и раны.....	61
Случай в горах.....	63
Татьяна Петрова	64
Фронтовые письма.....	64

Евгений Смирнов	67
Подвиг Подольских курсантов.....	67
Это День Победы.....	69
Николай Мудров	70
Я ничего не знаю о войне.....	70
Гордость семьи.....	71
Дорогие мои земляки.....	73
Андрей Антипов	75
Майские праздники.....	75
Надежда Майорова, Анастасия Гусева	76
Бессмертный полк.....	76
Виктор Бабарыкин	78
Встреча.....	78
Варда Корбаш	86
Яблоки для раненых солдат.....	86
А. Новиков	96
Ми-8.....	96
Владимир Бордюгов	101
На Сталинградский фронт.....	101
Я среди них. 1941.....	104
Прохоровка.....	105
Старшине.....	106
Повезло.....	107
Мы помним.....	109
Елена Завизион	110
Воин России.....	110
Наталья Еремеева	112
Блокада Ленинграда – 900 дней ада.....	112
Олег Александров	114
Мы расписались на Рейхстаге.....	114
Сам не застал, отец рассказывал.....	121
Помним.....	123
Было.....	124
О себе.....	125
Ольга Губина	127

Дед Тимофей.....	127
Мой дедушка.....	130
Тамара Тонина.....	133
Шумел сурово Брянский лес.....	133
<i>Глава 1. Моя бабушка, отец и мать.....</i>	<i>133</i>
<i>Глава 2. Я родился.....</i>	<i>140</i>
<i>Глава 3. Юрген.....</i>	<i>150</i>
Светлана Нагибина.....	157
Ваня Иванцов.....	157
Последний герой.....	160
О войне.....	161
Андрей Пучков.....	162
Дед.....	162
Лилия Кандыбович.....	178
День победы.....	178
Жди меня.....	180
Игорь Ильницкий.....	182
Погибшим в Афгане.....	182
Парк Победы.....	183
Солдат Победы.....	184
Ольга Кузнецова.....	186
Человек, не дай шанса войне!.....	186
Детка.....	187
Эх, люди!.....	187
Елена Белоусова.....	189
Светлая память.....	189
Анатолий Градницын.....	193
Победителям слава.....	193
Победа за нами.....	194
Татьяна Зубкова.....	195
Прощай, моя родная!.....	195
Наталья Воронова.....	203
Отчизне принес он Победы венец.....	203
Георгий Бурцев.....	211
Миронов и Дуся.....	211

Евгений Деденко	218
Про войну.....	218
Александр Петрухин	220
Далеко от войны.....	220
Шестой Герой Советского Союза.....	227
«Заповедник Геринга».....	229
Елена Кастерина	234
О вечном говорила боль в глазах.....	234
Кровавым заревом подёрнут небосвод.....	235
«Спасибо деду за победу!» –	236
Борис Калашников	237
Фронтовые фотографии.....	237
Были, есть мы и будем братьями.....	239
Вероника Богданова	240
На грани смерти.....	240
На грани неба и земли.....	241
Помолюсь.....	241
Победа.....	243
Баллада о матери.....	244
Их никогда не будет с нами рядом.....	246
Глаза Победы.....	247
Мы – прошлой войны нерождённые дети.....	248
Роман Челядинов	249
Помни.....	249
Еще вчера нам пели птицы.....	250
Я не верю, что есть атеисты.....	251
Ольга Дудолодова	252
Подвиг Матвея Кузьмича.....	252
Побег из плена.....	255
Памяти солдата.....	258
Владимир Касаткин	259
Солдат-победитель.....	259
Михаил Демиан	261
Победы вкус.....	261
Во имя мира и свободы.....	262

Прекрасный мир.....	263
Вам, наши защитники!	265
Мария Целуйко.....	266
<i>Исход</i>	266
<i>Уходил навсегда солдат</i>	267
Сергей Костин.....	268
<i>Ревело небо</i>	268
Татьяна Юдина.....	269
<i>Памяти защитников Родины</i>	269
Леля Панарина.....	270
<i>Пусть вспыхнут сорок сороков</i>	270
Анна Смотрина.....	271
<i>Господа офицеры</i>	271
Натали Давыдова.....	272
<i>Защитникам Отечества</i>	272
Галина Самусенко.....	273
<i>Деду</i>	273
Анастасия Мартюшева.....	274
<i>Герою Советского Союза В.А. Александрову</i>	274
Leonі Alexandrova.....	275
<i>Письмо сыну</i>	275
Анастасия Павленко.....	276
<i>Мы помним, мы гордимся!</i>	276
Елена Кастерина.....	277
<i>Безвременно ушедшие – живые</i>	277
Светлана Рожкова.....	278
<i>С Днём Защитников Отечества!</i>	278
Светлана Колина.....	279
<i>Последний бой</i>	279
Гульназ Гайрулина.....	281
<i>Защити меня</i>	281
Гульнур Зарипова.....	282
<i>В чем сила русского солдата?!</i>	282
Маша Халикова.....	283
<i>Ответственность, забота и любовь</i>	283
Рита Кашина.....	285
<i>Две солдатских кружки</i>	285

Полина Зайцева.....	286
<i>Герои нашего народа</i>	286
Елена Завизион.....	287
<i>Воин России</i>	287

Вступление

9 мая во всех уголках нашей необъятной страны и за ее пределами прогремят праздничные салюты. Залпы орудий и разноцветная россыпь огней возвестят о 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

За всю историю наш народ подвергся немалым испытаниям. Но именно Великая Отечественная война по своим масштабам, разрушениям и человеческим жертвам не имела себе равных за всю историю.

Тем значимее наша Победа!

Великая Отечественная война длилась 1418 дней и ночей. За годы войны погибло более двадцати семи миллионов человек и не только на полях сражений и в концлагерях, но и от голода, бомбёжек, артобстрелов, тяжких условий жизни и труда.

Все население России и бывшие постсоветские государства вот уже на протяжении 75 лет вспоминают те страшные события.

75-летие Великой Победы это 75 лет гордости за мужество, за огромные подвиги и самопожертвование великого народа!

Сегодня может показаться, что все страшные войны остались в далеком прошлом. Но это вовсе не так. Несмотря на то, что в XXI веке в результате военных действий гибнет гораздо меньше людей, чем в прошлые столетия, в разных регионах нашей планеты вспыхивают горячие точки. Вооруженные конфликты, военные кризисы – наверное, человечество никогда не сложит оружие.

15 февраля 1989 года последняя колонна советских войск проехала по Мосту Дружбы, завершив для нашей

страны десятилетнюю Афганскую войну. Не вернулись домой около пятнадцати тысяч советских солдат, числятся в списках пропавших без вести около трехсот человек. Было ранено и контужено более пятидесяти тысяч солдат. Потери в Афганской войне для нашей страны колоссальны. Подвиги в Афганистане сродни подвигам воинов Великой Отечественной войны.

Нагорный Карабах, Гражданская война в Таджикистане, Абхазо-Грузинский конфликт, Донбасс... Все эти точки на географической карте красного цвета. Там пролита кровь.

Международный литературный конкурс «Вчера закончилась война...» – это наша дань памяти защитникам Отечества, героям войны и труженикам тыла, участникам боевых действий в горячих точках.

В сборнике представлены произведения современных авторов, для которых «Война закончилась вчера...», а, значит, память о ней жива.

Организатор конкурса, составитель сборника, редактор – Ирина Коробейникова.

Олег Русских

г. Караганда, Казахстан

Стрекоза

*Я увидел во дворе стрекозу,
Дверь открыл и побежал босиком,
Громыкнуло что-то словно в грозу,
Полетело всё вокруг кувырком.*

*Пеплом падала моя стрекоза,
Оседал наш дом горой кирпича,
Мамы не было, а папа в слезах
Что-то страшное в небо кричал.*

*Зло плясали надо мной облака,
Мир горел, его никто не тушил,
Кто-то в хаки меня нёс на руках,
Кто-то в белом меня резал и шил.*

*Я, как мог, старался сдерживать плач,
Но когда, вдруг, в наступившей тиши,
Неожиданно заплакала врач,
Понял, что уже не стану большим.*

Умирает моё лето во мне,

**Мне так страшно, что я криком кричу,
Но кто в этом виноват, а кто нет,
Я не знаю... да и знать не хочу...**

**Мне терпеть уже осталось немного,
И когда на небе я окажусь,
Я, на всех на вас, пожалею Богу!
Я там всё ему про вас расскажу...**

Горловская Мадонна... совесть

*Кристине Жук и её дочке Кире,
погибшим при обстреле
Горловки посвящается...*

**Я не сволочь и не подонок,
Вроде так как и все живу,
Но... Где-то Горловская Мадонна
С дочкой падает на траву.**

**Где-то за километров тысячи
Танки залпами бьют в упор,
И осколками «градов» высечен
Чей-то маленький, мирный, двор.**

**Где-то звери в людском обличии
У людей отбирают жизнь,
А я дома сижу привычно...
Я... здоровый вполне мужик!**

Там девчонка двадцатилетняя

**Закрывает собою дочь,
И в глазах угасает свет... а я
Им ничем не могу помочь!**

**И приходит в ночи бездонной,
Из заоблачного далека
В сон мой Горловская Мадонна
С мёртвой дочкою на руках..**

**Обтирает дочурке раны,
Кровь.. И голос её дрожит:
«Пока ты тут давил диваны,
Нас убили... эх, ты... мужик...**

**Знай, у наших убийц найдётся
Мин и бомб сколько хочешь тонн,
И погибнуть ещё придётся
Многим сотням других Мадонн.**

**Но какая тебе печаль?
Ты живи себе, не тужи.
«День Защитника» отмечай
И гордись тем, что ты мужик...»**

**Где-то Горловская Мадонна
С дочкой, падает на траву...
А я живу себе, как живу –
И не сволочь, и не подонок..**

Бача

**Снова по садам алыча,
Набирает цвет.
Вот я и приехал, бача¹,
Через тридцать лет.**

**Ты уж на меня не серчай,
Нынче это сложно,
Между нами нынче, бача
Целых три таможни,**

**Нету над Кремлём кумача.
И Союза нет.
Сорок раз поставят печать,
Изомнут билет.**

**Извини, что я без цветов –
/как то непривычно.../
Но для нас привёз я зато
Из Москвы «Столичной».**

**Вот стакан, вот хлеба кусок
/чёрного краюха/.
Ну давай за встречу, браток,
Пусть тебе там пухом...**

**Как живу? Да словно во сне,
Чудится порой –
Не тебя – меня на броне
Привезли домой.**

1 Бача - подросток, парень. /афг/

*Наших триста лет не встречал,
/забываю лица/
Ведь куда ни ткнёшься, бача –
Всюду заграница.*

*Слышал, что в Ташкенте Хасен,
В Питере Мишаня,
Саня вроде спился совсем,
Да замёрз по пьяне.*

*А Серёга съездил к Али,
/Правда слишком поздно/,
Они в рукопашной сошлись,
У вокзала в Грозном.*

*Если они рядом сейчас,
Обними обоих,
Ведь Али такой же бача,
Как и мы с тобою.*

*А меня на «вывод²» зовут *
В школы походить,
Как бы поучить пацанву
Родину любить.*

*Но им мои рассказы, боюсь,
На хрен не нужны.
Им ведь, что Афган, что Союз –
Две чужих страны.*

² «вывод» - имеется в виду 15-е февраля, день вывода советских войск из Афганистана в 1989 году.

**Их же учат нас обличать,
Клеить ярлыки.
Мы для них с тобою, бача, –
Лохи да совки.**

**Слов таких, что нынче звучат,
Ты не слышал в жизни,
Мы с тобою жили, бача,
В тота... лита... ризме.**

**Помнишь, как мы были горды,
Тем, что перед строем
Тебе орден Красной Звезды
Дали как герою?**

**А теперь /не верь мне, бача!/
Вот за этот орден
В Киеве и Риге с плеча
Могут дать по морде.**

**Могут приравнять к палачам,
Русского солдата...
У нас теперь всё можно, бача.
И ничего не свято...**

**Сдали мы Союз сволочам,
/как воды напиток!/
Знаешь, сколько раз я, бача,
Думал застрелиться....**

*Как же так – я не был в плену,
Не погиб в бою,
Покорял чужую страну,
А потерял свою....*

*Ну пока, браток, не скучай,
Меня дома ждут.
Но я к тебе однажды, бача,
Навсегда приду.*

*А, что не так сказал сгоряча –
Не держи обиду...
Просто, если честно, бача,
...*

Я ТЕБЕ ЗАВИДУЮ.

Незабудка

*Я сегодня на всё
реагирую чутко –
У меня день рождения –
двадцатилетье.
И растёт прямо в сердце
моем незабудка.
Через круглую дырочку
в бронежилете...*

**Пробиваются к солнцу
«анютины глазки»
Сквозь Серёгин бушлат
и военный билет.
И какая-то пташка
у Пашки на каске
Нам поёт, как прекрасен
сегодня рассвет.**

**Как же здесь хорошо
в этом горном краю.
Поднимается солнышко,
пахнет весной.
Как же здесь хорошо,
здесь совсем как в раю.
Здесь совсем как в раю...
Только мне бы домой!!!**

**Дома мама, наверное,
ставит пирог –
Вдруг невеста моя
забежит на минутку...
Я вернуться обязан был к ним...
Но не смог...
Прямо в сердце моём
расцвела незабудка...**

Ирина Арсентьева

г. Караганда, Казахстан

О фронтовой фотографии и фамильной улыбке

Всех, кто мог хоть что-то рассказать об этой фотографии, уже нет. Да и фотография с трудом нашлась. Только свойственная мне черта содержать бумаги в надлежащем порядке, позволила после многочисленных переездов сохранить ее. Правда, это уже ее копия. Та, первая, присланная с фронта, была до такой степени желтой и морщинистой от старости, что едва удалось ее восстановить.

На фотографии вверху справа – мой дед – Меренчук Алексей Денисович.

Он происходил из семьи раскулаченных и сосланных в Сибирь зажиточных крестьян. Был он добрым и веселым парнем, поэтому легко покорило суровое сердце черноглазой красавицы Маши, моей бабушки. Жили они в Новосибирской области, на станции со смешным названием Мошково.

До войны у них родились две дочери-погодки Лидия (моя мама) и Тамара. Девочки были красивыми и пошли породой в мать, высокие статные.

Тамара, казалось, вообще не улыбалась, это была неприступная крепость, никогда на ее лице не отражалось ни одно человеческое чувство.

Лида была более открытой людям, и ее лучезарная улыбка, которая делала ее еще красивее, досталась ей от отца, а потом передалась по наследству мне, моей дочери и внучке.

Девочки были совсем крохами, когда началась война. В битве под Москвой 12 марта 1942 года погиб мой дед в возрасте двадцати восьми лет. Бабушка редко говорила о нем, поэтому моя мама ничего не рассказывала о своем отце, но фотографию всегда хранила. Еще у бабушки хранилась похоронка, которая от времени развалилась, да так и исчезла.

В День Победы, 9 мая, вот уже который год по улицам городов, поселков и деревень движутся потоки людей. словно сосуды, тонкие и побольше, они составляют настоящую систему, объединяющую людей разных возрастов и национальностей в любом уголке Земли. Эта система Памяти. «Бессмертный полк».

Запах вновь наступившей весны, нежная зелень листьев, алые лепестки грациозных гвоздик, горячие всполохи Вечных огней, торжественность военных маршей, слезы на морщинистых впалых щеках ветеранов, веселый смех беззаботных малышей и миллионы глаз на черно-белых портретах, плывущих словно стаи птиц, покинувших навсегда свою Землю... И слившиеся в едином порыве безграничной памяти потомки тех, кому они благодарны за эту и за все предыдущие весны, за чистую лазурь неба и лучи солнца, ласкающие лица счастьем и радостью...

«Бессмертный полк» заставил меня возобновить поиски фотографии моего деда и предпринять некоторые попытки узнать о его судьбе.

Так я оказалась на сайте «Мемориал». В первый год мне посчастливилось найти только краткие сведения. В списках погибших в Великой Отечественной войне значилось - «Красноармеец Меренчук Алексей Денисович погиб 12 марта 1942 года в битве под Москвой и похоронен в братской могиле».

Через год, как раз накануне Дня Победы, я продолжила свои поиски и, вы не поверите, они превратились в настоящее журналистское расследование. Правда, я никуда не выезжала и, сидя у компьютера в далекой Караганде, открывала одну за другой страницы истории своей семьи.

Вот как проходило мое расследование.

Вначале мною была найдена страница из книги регистрации убитых. Под номером 44 значился мой дед. Он был связистом. Был убит в бою в деревне Погорелки, Ржевского района, Калининской области. Похоронен был поблизости от места гибели, в братской могиле, расположенной на 800 метров северо-восточнее деревни Глядово. Здесь же я узнала его год рождения и даже домашний адрес, где остались жена и дочери.

№	Фамилия, имя, отчество	Ранг	Дата рождения	Место рождения	Дата вступления в армию	Дата гибели	Место гибели	Место захоронения
44	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
45	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
46	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
47	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
48	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
49	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
50	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
51	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
52	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
53	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
54	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
55	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
56	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
57	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
58	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
59	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово
60	Сонцов Александр Иванович	Связист	1918	Ржевский район, Калининская область	1941	1945	Деревня Погорелки, Ржевский район, Калининская область	Братская могила, 800 м северо-восточнее деревни Глядово

Затем на сайте «Победа-1945» я узнала, что несколько раз проводилось перезахоронение воинов в специально отведенное место, которое значится как «Воинское захоронение деревня Сухуша, Ржевский район, Тверская область» и находится в тридцати пяти километрах от города Ржева. В списках советских воинов, похороненных в деревне Сухуша, 4003 человека, из которых известны имена 3289 солдат и офицеров.

В учетной карточке этого объекта я нашла и своего деда, одного из двух миллионов погибших в Ржевско-Вяземской наступательной операции, которая продолжалась с 8 января по 20 апреля 1942 года и была самой многочисленной по количеству погибших.

На фотографиях, которые имеются на сайте, я нашла мемориальную доску, где значится и мой дед. Увидела, как выглядит братская могила и памятник, погибшим солдатам, молодым безусым мальчишкам. Они повзрослели в одночасье эти мальчишки, еще толком не видевшие жизни и любви, не испытывавшие счастья семейной жизни и радости отцовства, но встретившие бесчувственные бесцветные глаза войны и застывшие

навек от взгляда смерти, превратившись в гранитные и мраморные памятники.

Я не знаю, каким был мой дед, как он погиб, о чем думал, о чем мечтал, сколько писем отправил своим маленьким дочкам.

Знаю только одно, наша фамильная улыбка досталась нам от деда, молодого красноармейца Меренчук Алексея, защитившего грудью свою родную землю...

Вы можете подумать, что эта история ничем не примечательна. Скажете, что и истории-то никакой на самом деле нет. Но ведь очень важно, чтобы связь поколений не прерывалась, и, может быть, мне все-таки удалось найти утерянную нечаянно ниточку, которая свяжет во едино весь наш род.

Рауль для Итты

– Эй, Масленок, кончай шурфить, на сегодня хватит! Ты на небо глянь – солнце садится. Дернул ты сегодня не слабо! – крикнул крепкий, хорошо сложенный парень лет двадцати пяти в штормовке цвета хаки и такой же защитной фуражке. Он разжигал костер, устроившись на старом, повидавшем многое на своем веку, бревне. Подбрасывал в быстро разгорающееся пламя сухие сучья, и они, охваченные огнем, радостно трещали и брызгали во все стороны искрами. На руке «крепыша» красовалась татуировка «КРОТ».

– Новичкам всегда везет. Маленький, да удаленький. А у нас порожняк второй день, – складывая лопаты, шуп

и секаторы – обычный для копателей инвентарь, грустно ответил высокий худощавый юноша, наголо обрита голова которого выдавала в нем призывника.

– С этим не поспоришь, Шмайссер. Копанина у него зачетная, что и говорить. Курица и шпингалет. Редко кому сейчас такой хабар попадается. По всему видно лежачка выбил.

Солнце едва тронуло верхушки лесных зарослей, а подлесок уже погрузился в сумрак и тишину. Шмайссер и Крот расположились на траве у костра и начали готовить незатейливый походный ужин. Разложили нарезанный крупными ломтями хлеб, несколько помидоров и огурцов, пучок зеленого лука, вскрыли жестяные банки с надписями «Тушенка» и «Шпроты». Подвесили над огнем котелок с водой, в которую сразу же высыпали приличную порцию заварки. Плеснули в эмалированные кружки «беленькой» и нетерпеливо посмотрели в сторону задержавшегося Масленка. Он впервые выехал на коп и, увлекшись процессом, никак не мог остановить его.

– Эй, Масленок! Аллес!!! Сказали же тебе – заканчивай! После захода солнца долбить запрещено, – Крот возмущался на правах старшего. – Иди сюда, уже налито!

Невысокого роста паренек, который вполне мог сойти и за мужчину из-за густой щетины и длинных волос, схваченных на затылке резинкой, ковылял из зарослей, разглядывая что-то на ладони.

– Ептать! – радостный возглас Крота был доказательством ценной находки Масленка.

Все трое внимательно рассматривали наполовину истлевшую нашивку, которая обыкновенно размещалась на рукаве военной формы вермахта. На нетронутый вре-

менем ее части четко прорисовывался сине-бело-красный французский триколор.

– Мужики, а почему запрещено копать в сумерках? – любопытство разбирало Масленка и не давало ему присоединиться к общей трапезе.

– Духи погибших, говорят, приходят, – задумчиво произнес Крот и огляделся по сторонам. – Я сам никогда не видел. А вот у Дрозда в прошлом году чуть крыша не съехала. Всю зиму потом пил не просыхая. Он в потемках целое сражение видел, и голоса отчетливо слышал.

– Выдумки все это! – Шмайссер хохотнул и смачно опрокинул содержимое кружки.

– Не знаю, так говорят... – Крот, ковыряя ложкой тушенку, думал о чем-то своем и не заметил, как догорели последние отблески заката, и лес погрузился во тьму...

Ночные видения заставили всех троих вжаться в дно палатки и не сомкнуть глаз до рассвета...

...Сегодня Рауль уже в пятый раз обходил лагерь по периметру. Это был вверенный ему для охраны участок. За колючей проволокой было тихо. Заключенных загнали в бараки, и только сторожевые собаки изредка побрехивали, скорее для того, чтобы показать, как они исправно несут службу.

Сегодня Рауль впервые увидел Итту. Она была необычной для еврейки внешности – голубые глаза и светлые длинные волосы достались ей от русской матери, которая выйдя замуж за еврея, приняла иудаизм. Итта всегда считала себя еврейкой и на все главные праздники вместе с отцом ходила к раввину. Отец ее был учи-

телем французского языка и с детства разговаривал с ней только по-французски.

– Je dois dire que.., что Вы сегодня необычайно красивы! Mon cher! Впрочем, как и всегда, – отец гладил ее белокурую головку, продолжая ненавязчивый урок французского.

Итта крепко держала отца за руку и таинственно улыбалась от удовольствия. Видно было, что эти двое нежно и преданно любят друг друга...

В этом году Итте исполнилось семнадцать, и даже в сером лагерном платье, грубом и бесформенном, угадывались ее тонкая талия и маленькая, по-девичьи тугая, грудь. По всему было видно, что она работала в бараке, где сортировали вещи заключенных и упаковывали их в деревянные ящики для отправки в Германию. Она двигалась очень осторожно, и шагов ее не было слышно. Словно тень, ее силуэт переместился в самый дальний угол лагерной территории, где возвышалась груда всевозможной тары. Захватив два увесистых ящика и слегка согнувшись под их тяжестью, она не глядя по сторонам, так же тихо проследовала обратно в барак. Шла подготовка к утренней отправке эшелона в помощь солдатам Рейха, и заключенные работали всю ночь.

Рауль не мог отвести взгляда от Итты. Отчаяние и безысходность чувствовались и в ее глазах, устремленных в никуда, и в опущенных по-старушечьи плечах, и в повисших плетями тонких руках. Лицо ее, худое и бледное, отдавало голубизной, ровно такой же, какими были ее глаза. «Она совершенна в своей обреченности. Разве может человек в глубокой печали быть божественно красивым?» – размышлял Рауль, двигаясь вдоль ограждения и не сводя с девушки взгляда. – По-видимому, да.

Даже здесь, в этих диких условиях, красота имеет право на существование».

Через два дня он вновь увидел Итту. Казалось, что ноги совсем не держали ее. В огромных мужских ботинках без шнурков, она едва могла ими двигать. Слезы безмолвными ручьями стекали по ее посеревшим щекам. У Рауля сжалось сердце.

«Зачем мне жить?» – мысль о самоубийстве не покидала Итту. Так сделали уже многие в лагере. Сегодня, разбирая вещи заключенных, она увидела золотые часики своей матери с гравировкой «С любовью навсегда». Их подарил отец в день, когда родилась Итта. А позже Итте попало и платье младшей сестры Евы, которую вместе с матерью увели в Гетто неделей раньше, чем ее саму. Платье стало мало семилетней Еве, и мама надставила его кружевом, которое споролла с праздничной салфетки.

– Bonjour! – Рауль подошел к заграждению так близко, что Итта услышала его. Она вздрогнула всем телом. Что-то близкое и родное было в этой речи. Так говорил с ней отец...

– Comment vous appelez-vous? – продолжил Рауль короткий разговор.

– Итта, – одними губами прошептала девушка и, не глядя на охранника, пошла прочь. – Je dois y aller.

Она знала, что по правилам лагеря ей было запрещено разговаривать с кем бы то ни было. Но сегодня она чувствовала себя так одиноко, что вовсе не думала о каких-то правилах. Ей было все равно...

– A demain! – голос Рауля был спокойным и вселял некоторую уверенность в то, что завтра для Итты непременно наступит...

Завтра для Итты действительно наступило. Она шла и искала глазами Рауля. Он ждал ее на прежнем месте.

– Ne vous inquiétez pas!

Он уверенно просунул руку между колючими металлическими переплетениями, не задев их, и протянул Итте кусок хлеба, мягкого и белого. Цвет и вкус такого хлеба, казалось, навсегда был забыт.

– Ешь сама, никому не показывай.

Ночью под одеялом Итта откусывала маленькие кусочки, которые, возможно, могли спасти ее от голода и облегчить выполнение непосильной работы. Она пережевывала хлеб до тех пор, пока рот не наполнялся сладкой кашцей и только тогда проглатывала. Внутри хлебного ломтика она обнаружила маленькую, туго скрученную записку. От волнения тело ее охватила мелкая дрожь, которая долго не позволяла развернуть послание Рауля.

«Je crains de... не смогу поговорить с Вами в следующий раз, поэтому беру на себя смелость писать Вам, Mon cher! Если бы Вы только знали, как Вы мне дороги. Я хотел бы показать Вам мой Париж. Там, в самом центре, на улице Rue Fdolphé-Jullien, стоит уютная булочная моего отца. Запах свежее испеченных багетов, круассанов, бриошей и киши с самого утра манит жителей соседних домов в царство хлеба, где они могут ощутить его незабываемый вкус. Хлеб, который я передаю Вам, далек от того, что пекут мои родители. И все же я глубоко надеюсь, что он поддержит Вас и придаст сил. Ваш Рауль».

Итта решила жить. Француз занимал все ее мысли. Работа уже не казалась такой изнурительной, потеря близких не такой страшной, а ежедневная гибель тысяч женщин, детей, стариков не вселяла ледяной ужас. Смерть была повсюду, но в душе Итты жила любовь.

«Самую большую ошибку совершил я, записавшись в Легион французских добровольцев», – писал Рауль. – «Я был студентом и так же, как и многие мои друзья, был охвачен националистическими идеями. Если бы я только знал тогда, куда приведут эти идеи. Я не раз видел смерть на полях сражения. Но то, что вижу сейчас здесь, в концентрационном лагере, куда я попал, выполняя приказ, приводит меня к единственной мысли, смогу ли я исправить эту ошибку. Чем смогу искупить вину перед этими несчастными, к смерти которых я тоже причастен, к моему глубокому сожалению. Берегите себя, Mon cher! Ваш Рауль».

«Моя дорогая! Я полюбил Вас с той самой минуты, как впервые увидел. Я знаю, что глупо с моей стороны говорить Вам об этом сейчас. Но я говорю, потому что не в силах молчать. Вы – то светлое и чистое, что заставило пересмотреть всю мою жизнь. Вы дали мне надежду, и только ею я живу. Я знаю, что у любви на войне короткий срок, и все-таки я люблю Вас, моя Итта! Надеюсь, мои слова, как и этот кусочек хлеба, дадут Вам сил на завтрашний день. Ваш Рауль». Итта перечитывала письмо снова и снова. Она безмолвно шевелила губами, и глаза ее сияли.

Сегодня Рауль заметил, что за ним следят. Почувствовал спиной. «Стукачи», словно ищейки, рыскали повсюду в надежде уличить любого в измене и предательстве, тем самым надеясь продлить свое существование. «Не удастся сегодня принести Итте хлеба. Не буду испытывать судьбу, письма тоже писать не буду», – размышлял Рауль, заступая на дежурство. Он увидел Итту издали – она ждала его. Поравнявшись с ней, он торопливо заговорил:

– Сегодня я не смог принести Вам хлеба. Мне кажется, что за мной следят. Будьте и Вы осторожны. Мне не хотелось подвергать Вас опасности, но не в моих силах не видеть Вас.

Рауль нагнулся, быстро сорвал несколько чахлах незабудок, которым чудом удалось выжить на ежедневно обновляемой земляной насыпи. Он только было попытался передать их сквозь проволоку, как автоматная очередь пронзила его. Рука с голубыми цветочками лишь на секунду замерла в воздухе, и тело, лишившись последней связи с миром, обмякло и застыло...

Утром следующего дня Итта вместе с двумя сотнями заключенных шла по «Дороге на небеса», так ее здесь называли, к газовым камерам. Начальник лагеря, которого прозвали «Куклой» за красивое холеное лицо и элегантный костюм, только что сменил очередную пару обуви. Сожалея лишь о том, что обувь его вновь забрызгана кровью, он отдал приказ заводить моторы танка...

Туман рассеялся с первыми лучами солнца, и лес встретил новый день радостным щебетанием птиц и стрекотом кузнечиков.

Трое копателей молча сложили палатку, погрузили собранный инвентарь и так же, не произнеся ни слова, уселись в наскоро заведенную машину, которая, фыркнув, тут же скрылась за деревьями.

На старом, повидавшем многое на своем веку, бревне лежала оставленная половина буханки хлеба, маленький букетик незабудок и клочок бумаги, на котором корявым почерком было написано «Рауль для Итты»...

Узникам лагерей смерти...

Словарь

Шурфить – углубляться вертикально вниз.

Дернуть – выкопать, поднять.

Порожняк – кубометры земли, выкопанные впустую.

Зачетная – представляющая ценность.

Копанина – поднятое из земли.

Курица – эмблема частей вермахта в виде орла, держащего свастику.

Шпингалет – затвор.

Хабар – найденные откопанные артефакты.

Аллес – от немецкого – все, хватит.

Долбить – копать, откапывать.

Ептать – радостно-восклицательный возглас при находке.

Выбить лежачка – выкопать бойца.

Коп – процесс поиска, «поехать на коп».

Je dois dire que.. - Смею заметить...

Mon cher – Моя дорогая.

Bonjour! – Здравствуйте!

Comment vous appelez-vous? - Как вас зовут?

Je dois y aller - Мне нужно идти.

A demain! - До завтра!

Ne vous inquiétez pas! - Не волнуйтесь!

Je crains de... - Боюсь, что...

Rue Fdolphe-Jullien – улица Адольфа Жюльена –

инженера-железнодорожника, получила название в 1903 году.

Я была...

Я была... я жила...

Я хорошо это помню – я жила...

В тот день все было, как всегда, – утро, солнце в окно, молоко в блюдце... И рисовая каша опять подгорела... Маша, моя Маша... задумалась у окна... О чем она думает все время? Кашу нужно мешать, а она все думает...

Теперь все о чем-то думают... Теперь стало тихо. Стало очень тихо...

...Вначале громко играла музыка в радиоприемнике, и Маша была такая красивая – шелковое платье ее струилось, собиралось в складки, неожиданно взлетало – Маша танцевала у зеркала. Белые туфельки на каблучках крутились волчком. Теперь Маша все больше стоит у окна и думает...

...Потом радио завывало, и завывали все, кто слышал, как воеет радио... Вокруг выло, и все говорили шепотом... Среди всеобщего шепота громким было только одно слово «ВОЙНА»...

...Рисовая каша опять подгорела... А Маша все стоит у окна... А за окном опять что-то воеет...

Этот громкий звук, что это? Невозможно открыть глаза и в ушах нестерпимый гул... Я умерла?

Кажется, я живу...

А Маша?.. Моя Маша лежит под обломками и не двигается. А я зову ее, зову, кажется, так громко зову... а она все молчит... И не смотрит в окно, которого теперь почему-то нет...

И молока в блюдце нет уже много дней... Кажется, я уже не живу...

Кто-то берет меня на руки... Это не Маша... Не ее руки... Крепкие. Мужские. Пахнут металлом. А у Маши пахли молоком...

Десятки глаз смотрят на меня, улыбаются... Кажется, я живу...

Молоко в блюдец... Тысяча ног в сапогах... Они не танцуют у зеркала... Они не крутятся волчком на каблучках...

Теперь говорят громко, очень громко... и чаще других слов слышится одно – «ВОЙНА».

Крепкие руки... Руки меняются тысячу раз... Куда они деваются эти руки?... От них по-прежнему пахнет металлом... и молоком...

Крепкие руки надевают на шею что-то тяжелое... Пахнет металлом...

Я живу...

Я бегу...

Нужно бежать очень быстро, потому что вокруг опять что-то воеет. И много обломков вокруг...

Крепкие руки освобождают шею и гладят, гладят бесконечно... Молоко в блюдец...

Я снова бегу... Я живу...

Я буду бежать... снова и снова... сколько понадобится...

Сквозь вой и обломки...

Чтобы никогда не слышать единственного слова «ВОЙНА»...

Я жила... Я была... Помните обо мне...

Связная кошка Мурка.

Кошка Мурка была единственной кошкой, которая выполняла функцию связного в Великой Отечественной войне. Она переносила записки с информацией на ошейнике, перебегая улицу. Тогда Советская Армия вела бои за каждую улицу и каждый дом.

Наталья Резанович

г. Екатеринбург

Любовь непобедима

*Победы день, кругом салюты!
Парад, веселье, суета!
Крики толпы, гуляют люди!
Ведь красный день календаря!*

*А ты, от шума отстраняясь,
Стоишь у вечного огня.
Огонь святой, бросая пламя,
Напоминает, как вчера:*

*Как ты молоденькой девчонкой
Бежишь с экзамена домой,
И ветер раздувает чёлку,
А в мыслях парень молодой!*

*Все беззаботно, все беспечно:
Родители, семья, любовь!
Тебе казалось, будет вечно,
Но миг застыла в жилах кровь!*

**Война! Удар, и воздуха не хватит,
Чтоб передать все чувства до конца,
Война, и мир как на распятии!
И на распятии любящие сердца!**

**Ты помнишь, как ушёл любимый,
Нет сил кричать – все как во сне!
Отец уходит – страх невыносимый
Сжимает грудь и мечется в тебе!**

**Война, и мать слезла седая!
И ты не в силах что-то изменить,
И ты пока не знаешь, молодая,
Как это больно, близких хоронить!**

**И день за днём не в парке в платье лёгком,
А в сапогах кирзовых у станка
Несла ты непосильный груз девчонкой,
Чтоб немощная мать не умерла!**

**И каждый день ты с фронта ждёшь известий.
Как папочка, как там любимый твой?
Надеешься и веришь: «Скоро будем вместе!»
А папа и любимый завтра снова в бой!**

**Ты помнишь день, тогда светило солнце,
И ты пришла усталая домой,
И мама протянула треугольник:
«Вот весточку от папы принёс нам почтальон.**

**Прочти скорей, ведь я совсем не вижу.
Тревожно мне, скажи мне, что не так?»
Ты к маме подошла немного ближе
Взяла листок и вдруг окутал мрак!**

**Тот мрачный треугольник грязный, серый.
Написано не папиной рукой.
Внутри бумажка с названьем «извещение»
«Погиб в бою за Родину, Герой!»**

**Ты, зажимая рот, глаза закрыла,
Пытаясь страшный вопль свой унять.
А маме, собрав силы, процедила
Чтоб дать ей сил ещё не умирать!**

**«Ах, мамочка, он пишет: «Все прекрасно,
И очень скоро кончится война».
И он вернётся к нам, наш рыцарь седовласый.
Ещё он пишет, любит он тебя!**

**Бежала ты сквозь ночь, куда не зная,
И боль рвала на части изнутри.
«Проклятая война» надрывно ты кричала
«Верни мне папочку, прошу тебя, верни!»**

**И снова день, станок, боль, слезы, голод,
Страх, ненависть и в горле острый ком.
Но ты не сдашься, как и миллионы:
За мир и за любовь, за Родину, за дом!**

**Война такая длинная, жестокая такая!
Девчущку-ветку хрупкую из лап не выпускала!
И, как могла, она ее хлестала и пинала,
Давила, гнула и трясла, дышать ей не давала!**

**Ты вспоминаешь сон: осенним серым днём
Любовь и смерть сошлись в кровавой схватке.
Любовь победу одержала в нем,
Легко в душе так стало и приятно!**

**Но вдруг, открыв глаза, почувствовала холод,
И сердце хрупкое как током проняло.
И, вскрикнув: «Мама!», ты упала на пол,
И стало больно так, все в мире замерло.**

**Ты гладила ее и целовала:
Лицо в морщинах, седину волос.
«Прости меня, прости!» - ты ей шептала,
Как в детстве, в руки ей уткнув свой нос!**

**И полетело время ни радости, ни жизни.
Никто тебя не ждёт, кругом война.
Станок и сапоги, и преданность Отчизне,
И лишь один вопрос: «Где ты, любовь моя?!**

**Где ты родной мой, милый,
И на какой дороге,
Где ты - нить моей жизни,
Вернёшься ли ко мне?**

*Жить больше невозможно,
Жить больше нету смысла,
Война, прошу, пожалуйста,
Оставь хотя б его!»*

*Завод, станок, все как всегда, но чудо...
Вдруг объявление «Закончилась война»!
И все в слезах спешат обнять друг друга,
И с мыслью о любимом скорей бежит она!*

*И всюду по дорогам военные машины,
С солдатами: кто ранен, кто счастлив, а кто пьян!
В толпе она шныряя: «Ну, где же ты любимый?»
«Полина!» – раздаётся. Сосед ее – Иван.*

*«Иван, где мой любимый, ты можешь мне ответить?»
«Могу! Назад неделю был жив, писал тебе!
Прости, бежать мне нужно, хочу жену увидеть!
Не плачь, же ты, дуреха, твой не горит в огне!»*

*«Я буду ждать тебя, ты обещал вернуться!
Я буду верить, знаю ты живой,
Мы сможем снова в счастье наше окунуться,
Моя любовь однажды вернёт тебя домой!»*

*А он в последний день войны лежал в окопе,
Не помня ни названий, ни имен!
Проклятая война, зачем же так жестоко?
Ведь был всего на шаг от счастья он!*

***А ты ждала, любовь хранила осторожно.
Ждала так много долгих трудных лет...
Не молода, ждать, верить больше невозможно...
Вдруг на плечо легла рука – из прошлого привет!***

***Предчувствие по коже пробежало
«Всю жизнь тебя, любимая, мне очень не хватало»
В душе волной огромной вдруг что-то шевельнулось
Старушка одинокая тихонько обернулась:***

***Глаза в глаза, такие же, любимые, родные,
И пусть уже чуть тусклые, и пусть не молодые.
Пусть руки уж изрезали глубокие морщины!
Пусть, не это главное – Любовь непобедима!***

***«Пусть отняла война у нас так много лет!
С тобою рядом встречу я последний свой рассвет!»***

Дилян Димитров

г. Компьень, Франция

Клятва

*«От земли болгарской и
одного камня не отдам!»
Король Борис Первый*

*Похоронен клятвой –
Размытые слова.*

*Пал изгнанный народ мой...
Пустынный берег моря.*

*Потерянная вера
Блуждает в шквале горя.*

А мысли холодеют слезоточивым ядом ...

*Потемнели крыши.
Разбросаны дома.*

*Запястья веток рвутся
В разбитых стёклах окон.*

**«Откройте ворота!» –
В могилах шепот слышен.**

И каждой жгучей болью по памяти кайлом...

**Живое имя есть!
Его не истребить!**

**И камень – вот лежит!
Пulsирует, как сердце!**

**Пусть память навсегда!
Прощает то, что взято!**

В том будущего зов!

И это есть любовь – исполненная клятва!

Людмила Иконникова

г. Лангепас, ХМАО

Боевые подруги

*Боевые подруги... Там не меряны вёрсты
И нет счёта разлукам средь печалей и бед.
Ваши плечи – опора, ваши руки – простёрты,
Чтоб обнять тосковавших без душевных бесед.
Вы стирали портянки, галифе, гимнастёрки;
Щи солдатам варили, позабыв о тоске.
Вы в санбатах прожили, в блиндажах и каптёрках,
И строчили, и шили, позабыв о себе.
Вы пропахли карболкой. Звуки азбуки Морзе
И милей, и дороже всех других голосов!
Вы спасали дыханьем, отогрев на морозе.
И пайками делились у походных костров.
... Гладят с нежностью руки светлый, сбившийся ёршик
Непокорных, увитых сединою волос...
Нету преданней друга на просторах замёрзших
Там, где бед от недруга всем хлебнуть довелось...*

**каптёрка - склад имущества в воинской части.*

**карболка - дезинфицирующее средство.*

Анна Смотрина

с. Улеты, Забайкальский край

Мой прадед

*Как много сказано о тех,
Кто видел фронта пламя,
Кому наградой был успех,
Кто нес победы знамя.
Меж тем, хочу поведать я
О труженике тыла,
В стихах лежит история,
Ведь так оно и было...
Мой прадед был простым портным,
Не довелось служить,
Вот госзаказ он получил –
Солдатам форму шить.
Объем указан строгий был,
Назначен день и час,
В работу тут же цех вступил,
Чтоб выполнить заказ.
Швеи трудились день и ночь,
Не покладая рук,
Их ждали дома сын и дочь,
Им было недосуг.*

*Уставшие, голодные,
Они уйти хотели,
Но были несвободные –
Портной закрыл им двери.
- Поймите, родина зовет,
Не выпущу я вас,
Пока военный форму ждет.
Дошьем скорей заказ!
Разгневанные женщины
Схватили в руки нож:
- Раз не даешь ты нам уйти,
Тогда ты здесь умрешь.
Мой прадед голову склонил
И на колени встал.
Сражаться больше нету сил,
Готов принять удар.
Перед покорностью судьбе
Работницы застыли,
Катились слезы по щеке,
Объятия тоже были...
Собрались силами все вновь
И за один лишь час,
Смозолили все пальцы в кровь,
Но сделали заказ.
Хоть прадед не был на войне
И был простой портной,
Скажите же теперь вы мне,
Он разве не герой?
Почтим прадеда моего,
Вручим посмертно звезды,
От силы духа лишь его
Солдаты не замерзли...*

Мария Целуйко

г. Хабаровск

Под Ржевской землей

*В память о моем дяде –
Иване Скуратове,
погибшем в ВОВ подо Ржевом...*

*В дали затуманенной – дикорос канвой.
Я лежу не раненый под степной травой.
Слышу шелест колоса в песнях ветерка,
Словно гладит волосы матери рука.*

*Надо мною аленький цветик полевой.
Я, как будто маленький, только не живой.
И ушел не вовремя – в девятнадцать зим.
Сколько судеб сломлено! Здесь я не один.*

*За степями дальними – отчие края.
За мечтами давними – молодость моя.
Поле кровью полито: нашей и чужой.
Я засыпан болью той – Ржевскою землей.*

*У села Нелюбино наш стрелковый «щит»
Бил врага за Родину. Здесь я и убит...
Тут рассвет, как в пламени, и туман седой.
Я лежу не раненый... Вечно молодой.*

Начало войны

*Тепло, июнь. И видно за окном,
Как небо бусы – звезды нанизало.
На зелень трав, в безмолвии ночном,
Накрап росы прохлады расплескала.*

*Приятных снов сулила тишина,
И ночь была спокойная безмерно.
Вдруг протрубила сбор нежданная война
Тем ранним утром в сорок первом.*

*Месила всех железная волна,
В дыму пожаров гибла даль седая.
И самолетов, черная стена,
Гудела, смертью наседая.*

*Сквозь города и стоны деревень
Война катилась в грохоте орудий.
Кончалась ночь, и начинался день
Таким, каким его не ждали люди.*

*А на войне, совсем, как на войне.
Смеялась смерть в молниеносных вспышках.
Плечо к плечу в бою. Спина к спине.
Мы про войну читали только в книжках.*

Неотправленное письмо

*Рыжим светом горит лампадка.
И солдату уж не до сна.
Грёзы трогают душу сладко,
В каждой строчке его письма.*

*«Дорогая моя малышка!
Бьем врага... Нет тебя милей!
Поцелуй за меня сынишку.
Возвратиться бы к вам скорей!»*

*Беспокойство в войне несносной:
День сраженья в сплошном дыму.
Всё смешалось: бойцы и сосны....
И сознание ушло во тьму.*

*Терпкий запах полыни горек,
В небе скрытая бирюза.
Крап дождя так прискорбно стоек!
Как не выплаканная слеза.*

*Всплеск кровавый на дне заката,
Посылает лучи в окно.
Ждёт напрасно жена солдата
Неотправленное письмо.*

*Не стонал он... Но вздох глубокий,
Подхватила седая гать.
И окрасились кровью строки:
«Ты пиши мне... Я буду ждать...»*

Горячий снег...

*Сгущался снег в сплошные тени.
На всех фронтах печать войны:
Размах побед, боль поражений,
Момент неожиданной тишины.*

*Пусть тишина с войной в разладе...
И снова громы батарей!
Ради любви и жизни ради,
Ради сестёр и матерей.*

*Чтобы приблизить час Победы,
Познать всю тягость бытия,
В войне сражались наши деды -
Родной Отчизны сыновья.*

*Смерть всех подряд косою косила.
Зима пускала в пляс пургу.
И был Солдат – броня и сила,
И кровь пылала на снегу.*

*Война – горющее горе,
Тут не поможет оберег.
Свинцом разорванные зори,
И кровь ручьём на белый снег.*

*Война людей четвертовала,
Открыто смерть брала разбег.
Кровь на сугробах закипала.
И был горяч кровавый снег.*

**Метель окопы заметала,
Война грозила всем бедой.
И снег бугрился кровью ало,
И шли Сыны на смертный бой.**

Пехота

**В тот день, казалось, силы на исходе...
Пехота шла, сухой травой, пыля.
Всё дальше от родимого порога,
Через деревни, сёла и поля.**

**Сошли снега. Хорошая погода.
Но смерть жила, зажата в стволе.
Стоял апрель. И солнца, света много.
Была война... И скорбь по всей земле.**

**Хоть шла пехота тяжко, без привала,
Неся с собой врагу отмщенье – смерть.
Но жизнь солдат, как будто воскресала,
Ведя на запад их сквозь коloverть.**

**Вновь рвёт снаряд бугры оживших кочек!
И в тот же миг становится черней.
Но врос, как будто в землю пулемётчик,
Стук сердца под рубахой всё сильней.**

**Кровавый бой стоит в немой долине!
И ясен Родины простой приказ:
«Войну кончать положено в Берлине!»
Никто уже не остановит вас!**

Наталья Ермакова

с. Глинка, Смоленская область

Листая страницы жизни

Память напоминает иногда костёр: то тускло тлеет, то вдруг запылывает. Но костёр может погаснуть, если в него не подкидывать дрова. А память живёт, пока живёт человек, потому что она – в нём самом, как часть его бытия.

Всю свою жизнь, за исключением трёх лет участия в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Владимир Нестерович отдал пасечному делу в деревне Петропавловка Глинковского района, в колхозе имени Ленина.

Здесь, в деревне Петропавловка, родился Володя.

Пришло время – пошёл в школу. Подростком в меру сил участвовал в колхозных работах, проявлял похвальное усердие.

Когда началась Великая Отечественная война, Володе Кубо шёл шестнадцатый год, он отлично понимал, что фашисты пришли в его родную деревню, чтобы отнять у людей счастливую жизнь, за которую на фронтах гражданской войны дрался его отец Нестер Васильевич. По-

том отец строил, создавал колхоз, был его первым председателем. Началась война, и он ушёл защищать Родину.

Скоро пламя партизанской борьбы запылало над округой. В середине февраля 1942 года партизаны выбили фашистов из города Дорогобужа, а спустя несколько дней, 13 февраля, Владимир стал бойцом Первой смоленской партизанской дивизии. Ему, как и взрослым, дали оружие. Научился стрелять, бросать гранаты, окапываться по пояс и в полный профиль. Ходил в разведку, фашисты на таких меньше обращали внимание.

Весной 1942 года гитлеровское командование бросило против партизан несколько отборных дивизий. Завязались жестокие бои за деревни Быково, Кулево. Партизаны отходили в Кучеровский лес. В один из дней, на рассвете, немцы, прорвав оборону партизан, пытались захватить штаб отряда. Атака следовала за атакой. Изматывая силы противника, партизаны отходили вглубь леса. Как вспоминал Владимир Нестерович: «Было очень морозно, обжигало лицо, стыли руки и ноги. Враги пытались окружить и уничтожить нас. Сражались все мы отчаянно не на жизнь, а на смерть. Хотя и оставили Кулево, но немцам нанесли большой урон. Ушли в направлении Кучеровских лесов, и снова за боем бой».

В воздухе кругом звенели пули. Владимир вдруг почувствовал тупую боль в левой руке и неприятную теплоту, увидел кровь. В голове пронеслось – «ранен». Не переставая стрелять, он перебегал от дерева к дереву, старался держаться, не отстать от своих. Отпотери крови кружилась голова, к горлу подступала тошнота. Он по-прежнему посылал очередь за очередью, прижимая фашистов к земле, пока из диска автомата не ушёл последний патрон... Тогда Владимир упал в снег и попластунски пополз назад. Ему кричали: «Куда ты? Догоняй!»

А он энергично пополз к черневшему на снегу убитому. Выхватив из его рук автомат, снова открыл огонь.

Гитлеровцы замешкались, и Кубо мгновенно юркнул в заросли ельника. Вскоре догнал друзей. Медсестра обработала рану, наложила жесткую повязку: поражён был сустав указательного пальца. С тех пор этот палец у него не сгибался. Но это не помешало парню продолжить воинскую службу.

Когда оторвались отседающих фашистов, и стрельба затихла, партизаны стали собираться к месту ранее запланированного сосредоточения. Остаться в Кучеровском лесу дольше было нельзя. Командование приняло решение пробиваться в леса Белоруссии. Пошли в основном кадровые бойцы, а подросткам и раненым предложили мелкими группами уходить по домам.

После освобождения Глинковского района от немецко-фашистских захватчиков, рука у Владимира Кубо постепенно зажила, и в марте следующего года его призвали в ряды Советской Армии. Сразу определили в полковую школу младших командиров, а потом на фронт.

Осенью 1944 года в новой шинели, с погонами сержанта Владимир Кубо прибыл в Восточную Пруссию. В должности помощника командира стрелкового взвода и комсорга роты в составе 138-й гвардейской дивизии ему довелось участвовать в освобождении ряда захваченных немцами городов, попасть в окружение, отморозить ногу. В прифронтовом госпитале пролежал два месяца и снова в свою часть, с которой штурмовал бастионы Кенигсберга.

Перед наступлением (перед штурмом Кенигсберга) командир роты пригласил Владимира Кубо к себе в блиндаж. «Ну, как твои комсомольцы?» - спросил он, не отрываясь от карты.

«Настроены по-боевому, товарищ старший лейтенант!» - ответил Владимир Нестерович Кубо.

«Завтра предстоит отчаянный бой, - начал командир откровенный разговор. - Рота наша, считай, комсомольско-молодёжная. Ребята тебя хорошо знают, ценят, не раз был первым в бою. Поэтому роту в атаку поднимешь по моему сигналу – три красные ракеты. Я буду на правом фланге, политрук – на левом. А ты поднимешь всех с центра. Понял?. Подбери себе ребят посмелее, запасись гранатами».

«Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, поднять роту!»

А в горле почему-то защемило. Первому во весь рост выброситься из окопа, чтобы увлечь за собой других, - это означало стать первой мишенью для фашистских снайперов, первым ориентиром для прицельного огня пулемётчиков. Но это был приказ, хотя и не главный, который объявляли перед строем, но приказ. И его надо было выполнить.

В ту ночь Владимиру долго не спалось. У каждого человека, наверное, бывает так, перед чем-то решающим обязательно вспомнится дом, перед глазами в мельчайших подробностях пройдёт прожитая жизнь.

Он сделал всё, как советовал командир роты, в добавок ещё порекомендовал бойцам ввиду явного потепления сменить валенки на сапоги, портянки аккуратно замотать, чтобы не тереть ноги.

Едва рассвело, как чуткую фронтовую тишину разорвали мощные раскаты артиллерийской подготовки. Из окопа Владимир увидел, как на нейтральной полосе к небу взметнулись чёрные фонтаны земли. Наша артиллерия била по первой вражеской траншее, на штурм которой он сейчас должен поднять роту. О смерти по-

чему-то не думалось. Перед глазами то появлялось, то исчезало усталое лицо командира роты, в голове проносились его тихие слова: «Главное – поднять ребят в атаку...». Владимир то сжимал приклад, то гладил дуло автомата, пристально всматривался туда, где гулял сейчас огненный смерч артиллерии. Наконец, одна за другой в небо воспарили три красные ракеты. Владимира будто вытолкнули из окопа мощной пружиной. Выпрямившись на миг и подняв над головой автомат, он крикнул во всю мощь своего голоса: «Орлы, за мной, в атаку! Бей врага!»

Его не услышали, а увидели: невысокого, плотного, рванувшегося вперёд. Бойцы выскакивали из траншеи, мощное «УРА!» разлилось над равниной.

Первая траншея уже была близка, когда опомнившись фашисты открыли огонь.

Из глубины вражеской обороны ударили пушки и миномёты, и в гуще атакующих взорвались снаряды. Почти рядом с Владимиром разорвалась мина, но он не остановился, не залёг, а продолжал бежать, неудержимо летел к траншеям врага, первым бросил туда гранату, уничтожил с ходу трёх или четырёх убежавших фрицев. Вот она первая траншея! Гитлеровцы бегут, некоторые сдаются в плен. За первой ротой занимает вторую траншею. Владимир спрыгивает в траншею, его бросает в сторону, земля уходит из-под ног...

В ходе боя Кубо был легко ранен в бедро левой ноги, но вместе с политруком Бережным возглавлял атаку на третьютраншею, и тут ему уже не повезло - наступил на мину. Его бросило в сторону, и острая боль пронзила правую ногу. Сержант упал и потерял сознание. Тем временем гитлеровцы перешли в контрнаступление. Санитары успели унести Владимира в медсанбат. Сутки ле-

жал Кубо в санитарном блиндаже во втором эшелоне. Все кто мог держать оружие, отражали натиск врага.

Хирурги ампутировали Владимиру ногу, и это было страшным горем для воина. Ведь ему шёл тогда девятнадцатый год.

... Ноют по ночам солдатские раны, особенно беспокоит правая нога, натёртая протезом. После того боя, когда комсорг роты поднимал бойцов в атаку, воевать ему больше не пришлось. Но подвиг солдата не остался незамеченным. Придя к Владимиру Кубо в медсанбат, политрук Бережной сказал, обнимая героя в постели: «Ты награждён орденом Отечественной войны II степени».

Потом долгие дни эвакуации. Госпиталь на Украине. Потянулись тягостные дни лечения. Многие дни не поднимался с постели, глядя в потолок и раздумывая только об одном, как безногим он будет жить и работать.

Врачи и сёстры, товарищи по палате как могли, успокаивали Кубо, давали советы, где лучше устроиться после излечения. А он отвечал: «Поеду в свою деревню, там всё и решу...» Много дум передумал он за время лечения.

Выписали Владимира из госпиталя глубокой осенью 1945 года.

На станции молодого солдата, кавалера ордена Отечественной войны, встречали родные. Не обошлось и без слёз.

Отец Володи, участник гражданской и Отечественной войн, с неизменным солдатским оптимизмом успокоил опечаленного своей судьбой Владимира и настроил его на добрый лад: «Ничего, сынок, могло быть и хуже. Хоть на одной ноге, да вернулся. А работу в колхозе – не в

единоличном хозяйстве – завсегда подобрать можно. Не обидят и тебя».

Дома усидеть Владимир не мог и попросил председателя послать его на работу.

«Становись-ка, Владимир, пчеловодом. Пасеки, правда, пока что нет, но без меду нельзя.

Через несколько дней фронтовика Владимира Кубо назначили пчеловодом. Пасеку нужно было создавать, как говорят с колышка, на пустом месте.

Правление колхоза направило его на курсы. Пока учился, в колхозе ульев наделали, выписали десять пакетов кавказских пчёл, и весной 1946 года в колхозе была создана первая в Глинковском районе пасека из пятнадцати семей. В следующем году их стало тридцать, а в 1948 году - шестьдесят.

В то время колхоз был небольшим. В него входила одна деревня Петропавловка. Естественных и сельскохозяйственных медоносных угодий было мало. В 1949 году от восьмидесяти пчелиных семей он получил тонну товарного мёда. Это был первый успех пчеловода Владимира Кубо.

Рядом с пасекой появились плодовые деревья и ягодные кустарники. Колхозники стали получать на трудодни мёд, а потом и яблоки. «Медовый у нас солдат, - с чьей-то лёгкой руки пошла гулять по селу такая необычная похвала фронтовику. - А побалуешься чайком с медком – моложе чувствуешь годком».

Приятно было слышать Владимиру такие отзывы односельчан о своей работе, не в обузу, выходит, он в коллективе - в меру сил помогает хозяйству расти, а людям - жить богаче. По труду и честь - правление премирует его раз, другой, третий. Фотография пчеловода помеща-

ется на Доску почёта, рядом с лучшими трактористами, доярками, телятницами.

Спустя некоторое время Владимир женился, обзавёлся детьми. Получил новое жильё, мебель и другое. «Я стал ходить по деревне уверенней, твёрже, порой даже хромоты своей не чувствовал, - вспоминал Владимир Нестерович о том времени. - Пчеловодство - увлекательное занятие, и оно стало самым любимым в моей жизни».

Когда в 1950 году колхоз укрупнился (в его состав вошли ещё два хозяйства), укрупнилась и пасека, и Владимиру Нестеровичу дали помощника. Стало работать легче, есть кому ульи переставить, на кочевку к медоносам перевести пчёл.

У Владимира Нестеровича Кубо послевоенная профессия вроде бы незаметная. Не тракторист и не комбайнёр, в начальниках тоже не ходил, а имя его широко известно было в 70-80 годах и в Глинковском районе, в Смоленской области и за её пределами. Фотография знатного пчеловода колхоза имени Ленина более двадцати лет подряд была на Доске Почёта в Смоленской областной пчелоконторе. И, как бы ни складывался год, у Владимира Нестеровича показатели всегда хорошими были. Постоянно росла пасека, увеличивался мёдосбор. В 1970 году от ста семидесяти пяти семей взял по сорок два килограмма мёда.

Особенно большого успеха Владимир Нестерович добился в 1972 году, когда от каждой семьи получил пятьдесят пять килограммов аплогового мёда.

О своей профессии он может рассказывать часами. И в этих рассказах он чувствовал себя не только как любитель и большой практик, но и как образованный специалист. Начинал с курсов пчеловодов, а потом при

Рязанском институте пчеловодства в годичной школе учился. А затем полагался не только на свой опыт и практику, а внедрял всё новое, что приемлемо в местных условиях. Журнал «Пчеловодство» был у него настольным пособием.

Листая пожелтевшие от времени подшивки газеты «Рабочий путь», обращаешь внимание на то, что почти в каждой из них встречаешь информации об успехах пчеловода Кубо. В номере газеты за 4 апреля 1970 года «Переходящее Красное Знамя присуждено колхозу имени Ленина (пчеловоду В. Н. Кубо), увеличившему пчелоферму со ста пятидесяти до ста семидесяти семей и собравшему по тридцать семь килограммов валового и двенадцать килограммов товарного мёда на семью, перевыполнившему план продажи его государству».

В том же 1970 году Владимиру Нестеровичу было присвоено звание «Лучший пчеловод области». Позже газета сообщила: «В 1972 году Кубо сдал в колхозную кладовую две тысячи семьсот пятьдесят пять килограммов мёда и центнер воска».

Нина Васильевна и Владимир Нестерович всю жизнь посвятили родному колхозу имени Ленина. Нина Васильевна работала главным экономистом, а Владимир Нестерович - пчеловодом. В семье Кубо двое сыновей: старший - Анатолий и младший - Николай. Отец хотел видеть их военными. Владимир Нестерович очень любил дисциплину, порядок. Бывший фронтовик хотел связать свою жизнь с армией, но судьба распорядилась иначе. Но отчаиваться и жаловаться на жизнь не стал.

Шло время. Жизнь шла своим чередом, выросли сыновья. Старший – Анатолий Владимирович - старший мичман запаса, через много лет вернулся в родную деревню Петропавловку. Двадцать шесть лет отслужил он в Военно-Морском флоте. Приехал на родину, стал помогать отцу (со временем стал опытным пчеловодом). Умер в июле 2016 года.

Младший - Николай Владимирович - выбрал профессию водителя.

В 2001 году Владимира Нестеровича не стало. Похоронен рядом с женой, Ниной Васильевной, на Агеевском кладбище, около деревни Петропавловка Глинковского района Смоленской области.

Денис Ткачук

г. Астрахань

Представь, наступит день такой: излечит время боль и раны...

*Представь, наступит день такой:
Излечит время боль и раны,
И тех, кто пал на поле брани,
Разбудит вечный часовой.*

*Сквозь тяжесть лет, презрев войну,
Как будто только что с парада,
В мундирах, званьях и наградах
Они вернутся вдруг в семью,*

*Войдут в калитки, в каждый дом,
Где их когда-то долго ждали
И где молитвы сотворяли,
Шепчась с иконой и крестом,*

***С полей Европы бесконечных,
Где плещут Рейн, Дунай, Стоход,
Где гонит бриз волну беспечно
На берег и наоборот,***

***Из Карабаха, Дагестана,
Чечни, Осетии, Афгана,
Придут повзводно и поротно
Из Риги, Киева и Гродно.***

***Обнимет правнуков поручик,
И постучится снова в дом
Тот лётчик, что на горных кручах
Погиб в две тысячи втором,***

***Прискачут казаки лихие –
Не счесть прославленных имён...
Все те, кого мы не забыли,
Кто нашей памятью спасён.***

Случай в горах

*Они кричали: «Отрекайся»,
Кольцо сужали... Что он мог?
И смертью пулемёт плевался,
В распухший целился висок.*

*Он ранен в руку был, но снова
Он разряжал свой автомат,
И пуль быстрее летело слово,
В ответ летел им русский мат.
«Что за характер – твёрже стали!», –
Судачили бородачи,
И как гранаты, хлеб бросали,
Свои нехитрые харчи.*

*Пустая гильза из затвора
Катясь, звенела, как струна,
Предсмертный крик, взорвавший горы,
Летел, не достигая дна.*

*Про этот бой из пленных парень
Мне на допросе рассказал.
Про то, как наш боец был ранен
И как позицию не сдал.*

*Боец остался неизвестным,
Имён молва не сберегла,
Но... Чёрт возьми! Как это лестно –
Про подвиг слышать от врага!*

Татьяна Петрова

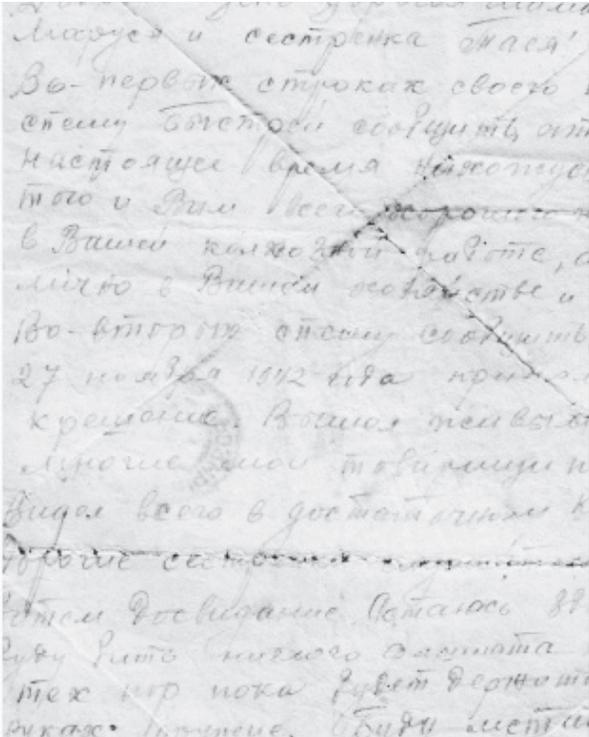
с. Репино, Оренбургская область

Фронтовые письма

*Я читаю солдатские письма
Той далекой великой войны,
Эти строчки простые со смыслом
На листочках едва уж видны.
Написал их Василий Федурин,
Наш земляк, оренбуржец был он.
Он на хуторе маленьком вырос,
Был в родные просторы влюблен.
Когда грянули страшные грозы,
Лишь семнадцать лет было ему,
Но решил стать танкистом парнишка,
Воевать за родную страну.
Он училище наше закончил,
И теперь уж танкист-лейтенант
По дороге на фронт начинает
Письма нежные маме писать.
В этих письмах лишь несколько строчек,
Только можно прочесть между строк*

*Как он любит семью, как скучает
И как дорог родной хуторок.
О семье, о колхозе расспросы
И о видах на урожай,
О себе лишь скупые три слова:
«Жив-здоров, вам того же желаю».
И ни слова о буднях военных,
О сраженьях, потере друзей,
О ранениях – тоже ни слова,
Чтобы маме не сделать больной.
Воевал он на Южном фронте,
Полстраны он с боями прошел,
А читаешь письмо – все в порядке,
Жив-здоров, кормят нас хорошо.
И за что получил «За отвагу»,
Маме тоже не стал он писать:
Бой был трудный, погибли товарищи,
Так зачем же ее волновать?
И летели солдатские письма
Через сотни военных дорог,
И читали их будто молитву
И семья, и родной хуторок.
Лишь однажды Василий напишет,
Что за брата решил отомстить,
Что пока будет жив, не устанет
Он фашистских захватчиков бить.
«Умирать лишь один раз придется,
И одна нам Победа нужна.
За меня не волнуйтесь, пробьемся,
Ждите нового, мама, письма!»*

**Только не было больше писем,
Лишь однажды пришел почтальон,
Похоронку принес он маме:
«Не вернется Василий ваш в дом.
Танк Василя в бою подорвался,
Он погиб как отважный герой
И посмертно представлен к награде,
Только лучше б вернулся живой!»
Мать всю жизнь его письма хранила,
Ведь Василий, простой паренек,
Он не просто писал письма маме –
Он Россию для всех нас сберег!**

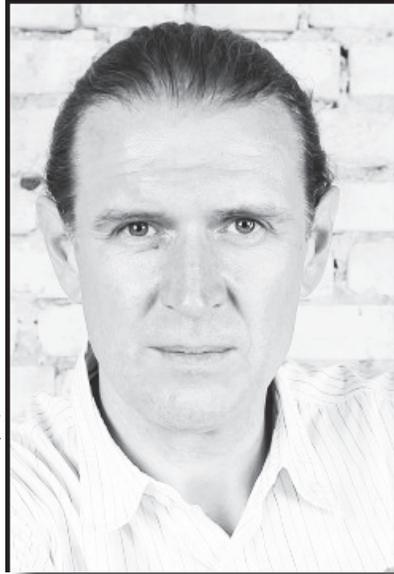

Евгений Смирнов

г. Подольск

Подвиг Подольских курсантов

(Баллада)

*Не знала счастья большего огромная страна,
хранила мир держава трудовая,
Но на порог её пришла проклятая война,
от западной границы наступая.
И встал народ советский на защиту всей земли
за Родину от края и до края,
С врагом сражались люди, воевали, как могли,
столицу от войны уберегая.*

*Октябрь сорок первого, на подступах Москвы
ревели бронетехникой фашисты,
Навстречу дерзким полчищам в режиме тишины
шли пехотинцы и артиллеристы.
На первое сражение в неравный смертный бой
отважно шли вчерашние мальчишки,
Пришёл приказ держать рубеж, держать любой ценой,
держат любой ценой его и крышка.*

Это День Победы

*Голубое небо над планетой, весь в цветах нарядный месяц май,
Солнце льётся лучезарным светом по родной земле из края в край.
День весенний необычный право, крик души, как звонкая струна,
Чтит Победный день великая держава, орденами светится страна.*

*Цепь десятилетий знаменуют города герои и народ,
Воинам советским салютует в мае Родина за годом год.
Ведь она одна второй не будет в жизни всем, как и родная мать,
На полях боёв сражались насмерть люди, разбивая вражескую
рать.*

*Фронтовых сто грамм за тех, что нету и не здесь сегодня, а совсем,
А стакан нальём, накроём хлебом, в Память павшим и пропавшим
всем,
Кто в атаку шёл не за медали, погибая, не за ордена,
Всех солдат, что может всё же журавлями стали, помянёт побе-
доносная весна.*

*Вечные огни горят как свечи, почитая Подвиг боевой,
Говорят в миру, мол, время лечит души тех, кто тут из них ещё
живой.
Может быть, но не такие раны после этой сокрушительной
войны,
Каждый Божий май идут с цветами ветераны к обелискам Памя-
ти страны.*

Припев:

*День Победы, это значит день Победы,
А не просто окончания войны.
Подарили в сорок пятом наши прадеды и деды
Дни и ночи мирной тишины.*

Николай Мудров

*д.Яманани, Красноармейский район,
Чувашская Республика*

Я ничего не знаю о войне

*Я ничего не знаю о войне,
Мой дед погиб на фронте в сорок втором,
Под градом пуль, в чужой стране проклятой
И ничего не рассказал он мне*

*Остались письма – желтые листы,
Да жесткий треугольник похоронки.
На фотографиях знакомые черты
И запонки в потрепанной картонке*

*Но память о боях всегда жива,
И пусть прошло уж семь десятилетий,
Но слово страшное – война! война!
известно каждому, живущему на свете!*

*Ржев, Сталинград, блокада Ленинграда,
Умылась кровью вся наша страна.
Но победили! И победа наша,
Конечно, сохранила имена!*

*И генерал, и командир, и маршал,
И тот солдат, что под курганом спит –
Мы им обязаны счастливой жизнью нашей,
И подвиг их не будет позабыт!*

*Я ничего не знаю о войне,
Мой дед погиб на фронте, но сегодня
Идут бои на братской стороне,
Горит Донецк – и это очень больно.*

*В Луганске гибнут дети, старики
И в Горловке взрываются снаряды.
По мирным улицам грохочут сапоги,
Война сегодня снова с нами рядом...*

Гордость семьи

*Альбома старого листаю я страницы,
Здесь тайной прошлого пропитан каждый лист.
Я вижу там и тут родных и близких лица,
Кого-то узнаю, кого уж нет в живых
Вот бабушка моя, совсем еще девчонка,
А тут она уж с дедом под руку идет.*

*Вот папа-карапуз, веселенький мальчонка,
А вот он ученик, совсем уже подросток.
И вдруг увидел я лицо на старом фото,
Мужчину в кителе, быть может, воевал?
Он показался очень мне знакомым,
Но кто же он? Я этого не знал.
Но для меня секретов быть не может,
Решил я папу расспросить о том,
Кто тот мужчина, что на старом фото?
«Да это ж твой прадедушка, сынок».
Я стал просить отца, чтоб рассказал о деде,
Как звали, где родился, сколько жил,
Где воевал, какие получил награды,
Да и вообще, каким он человеком был?
Я думаю, что каждый знать обязан,
О предках, об истории семьи,
Чтоб не забылась и не оборвалась,
Та ниточка далекой старины.
И вот, что рассказал о прадеде мой папа:
«Родился он в глухом лесном краю.
В деревне Сосновка, еще большой когда-то,
Недалеко от Чебоксар, где я теперь живу.
Родители Василием назвали,
Рос мальчик не по дням, а по часам,
И на него надежды возлагали,
Хотели, чтоб он им опорой стал
В большой семье крестьянской рос мальчишка,
Родителям в работе помогал,
А в восемь лет с одной тетрадкой подмышкой
В церковно-приходскую школу пошагал.*

Дорогие мои земляки

*Славится Земля наша лесами,
Реками, раздольями полей,
Можно путешествовать годами –
Не найти страны моей милей.*

*Чувашия же – малая частица
Родины красивой и бескрайней.
Городом моим могу гордиться,
Земляками, их делами славными...*

*Вспоминаю я истории страницы,
Только те, что связаны с войной,
С той войной, что и сегодня снится,
С той, что стала общею бедой.*

*Сорок первый год, конец июня –
Нет чернее и ужасней даты.
Самый старый и совсем уж юный
Уходили на войну солдатами.*

*Уходили в бой мои ровесники,
Уходили чебоксарцы – земляки,
Уходили в дали неизвестные,
Уходили, чтоб мы жить потом могли...*

*Саша Васильев, Иванов, Петров!
Не было еще вам двадцати...
Саша Васильев, Иванов, Петров,
Удалось Россию вам спасти!*

**Вы не прятались от пуль и от снарядов,
Было страшно и хотелось жить,
Но за вами Родина стояла,
Вы ее старались защитить.**

**Шли военными дорогами суровыми
По родной Земле и по чужой,
Становились на войне героями,
Возвращались вы домой...**

**О войне не любите рассказывать –
Это горькая была пора,
И награды вы стесняетесь показывать,
В год лишь раз сияют ордена.**

**Я с волнением подойду поближе,
Громких слов сказать не побоюсь,
Поклониться вам хочу как можно ниже,
Как же вами, земляки мои, горжусь!**

**Саша Васильев, Иванов, Петров,
Вы простите, что имен я не назвал...
Саша Васильев, Иванов, Петров,
Подвиг ваш я весь в себя вобрал...**

**Славится Земля наша лесами,
Реками, раздольями полей,
Славится Земля наша делами,
Именами вот таких людей!**

Андрей Антипов

г. Липецк

Майские праздники

*Посвящаю моему деду Терехову
Ивану Дмитриевичу и прадеду
Евдокимову Константину
Емельяновичу*

***«Вместо Пасхи – красный Первомай,
Вместо Радоницы – день Победы:
Всех в войну погибших поминай», –
Помню, за победу пили деды,***

***Молча и не чокаясь, смутясь,
Что слеза скользнула непослушно,
Что не разрубили коновязь,
Что в душе накурено и душно.***

***Миллионы спрятаны в земле
Много обещавших юных судеб,
Сваренных в истории котле
За свободу вам, живые люди.***

***Утекла в суровый горький быт,
В лагерях порастеряла годы,
В кухнях и курилках материт,
А на праздниках молчит свобода.***

Молодость ушла запасным ходом.

Надежда Майорова, Анастасия Гусева

г. Ярославль

Бессмертный полк

***БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК,
Он создан не напрасно,
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК,
Живее всех живых,
Идёт в строю,
Чеканит шаг солдатский,
Как в сорок первом том году,
Так наши деды и отцы,
С врагом заклятым бились,
Они старались нас с тобою защитить,
И жизнь, и небо мирное,
Всему народу подарить,***

*Вот долгожданная Победа,
Напрочь мы противника разбили,
И жизнь, и голубое небо подарили,
Вот только с боя не вернулись все,
Но выход мы нашли,
На день Победы каждый раз,
Бессмертный полк выходит,
Стройными рядами,
Шагаем вместе с ним,
Держа портреты победителей в руках,
Идём мы с гордою поднятою головой,
И за БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК,
Что создан был когда-то,
На все века в ответе,
Будем с вами мы ребята.*

Виктор Бабарыкин

г. Новочеркасск

Встреча

*Автобиографический рассказ о
Маловой Марии Антоновне –
участнице ВОВ*

Прожив короткую жизнь по интернатам, Олег никогда не знал материнской ласки, он видел только заботу воспитателей в детском саду и в школе-интернате для детей инвалидов города Новочеркаска.

После окончания школы Олег остро почувствовал, как ему не хватает родителей, которые помогли бы ему в трудную минуту.

По территории дома-интерната, не торопясь, шла аккуратно одетая женщина с чемоданом в руках. На ней была черная юбка, пиджак серого цвета, на котором были приколоты планки боевых наград. Увидев её, Олегу показалось, что он знает её целую вечность.

Прошло несколько недель, и однажды Олег увидел её сидящей на лавочке в тени, она была чем-то очень расстроена. Подъехав к лавочке, он обратился к ней:

– Здравствуйте.

– Добрый день!

– Чем Вы так расстроены?

– Просто никогда не думала, что на старости лет буду проживать в доме престарелых.

– Мне кажется, что совсем неплохо проживать в интернате, нас три раза кормят горячей пищей, есть крыша над головой и чистая, свежая постель. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

– Меня зовут, Мария Антоновна Малова.

– А меня Олегом. Проживаю в интернате более десяти лет. Мне сначала тоже было тяжело находиться в этих стенах, – продолжал говорить Олег, смотря в глаза Марии Антоновне. – Поначалу я не знал никого из проживающих здесь, кроме ребят, которые учились в школе интернате.

– Да Олег, может ты и прав, но мне сейчас очень неспокойно как-то.

После первой встречи Олег прикипел душой к Марии Антоновне. Наблюдая за ней со стороны, он думал, что, может, и его мама выглядит также. Они стали чаще встречаться и разговаривать. И очередная встреча состоялась после концерта в фойе кинозала.

– Мария Антоновна, понравился Вам концерт, где были исполнены песни и военных лет? Мне особенно понравилась песня «День Победы».

– Ты знаешь Олег, я всё это вынесла на своих плечах. Жизнь была непростая. Если рассказывать, то и всей жизни не хватит.

– Мария Антоновна, расскажите, пожалуйста, немного о себе. Мне очень хочется узнать о Вас побольше.

– Я родилась в 1922 году, в Ростовской области, Тацинском районе в хуторе Сенной. Семья моя была

большая – только детей одиннадцать, я самая младшая. Когда родилась я, мои родители были уже немолодыми – отцу шестьдесят два, а матери – пятьдесят два. Им было очень трудно прокормить большую семью. В 1937 году, когда мне исполнилось пятнадцать лет, наша семья переехала на другое место жительства – в хутор Какичев, недалеко от города Белая Калитва.

– Да, ваше детство прошло не сладко. Пришлось много поработать в хозяйстве и на общественных работах.

– Ты прав, в детстве я была не подарок. Родителям пришлось много раз краснеть за мои поступки. Частенько со своими сверстниками сначала натворишь, а потом попадает в школе, а потом и дома, бывает, добавят, – рассказывает Мария Антоновна. – А когда стала постарше, после семилетки, пошла работать в колхоз. Выполняя свою работу, мне приходилось одновременно заканчивать курсы трактористов.

Училась не одна, на курсах были и другие девушки, которые изучали устройство трактора «Универсал».

– Нравилось Вам работать на тракторе?

– Да, нравилось. Мои педагоги говорили, что я смыслёная девушка, да и характер у меня боевой.

– Мария Антоновна, я видел, когда вы шли по территории интерната, у вас на пиджаке были петлички от наград.

– Да, я принимала участие в войне с апреля 1942 по май 1945 года.

После этих слов Олег и Мария Антоновна разошлись по своим делам. Олег размышлял: «Вот если бы у меня была такая мать... Ко мне однажды приезжала мать, которая была очень похожа на Марию Антоновну и ростом, и возрастом. При моем рождении она написала отказ от

меня». И поэтому, общаясь с Марией Антоновной, Олег представлял, что это его мать.

Время шло медленно, Олег продолжал жить своей жизнью. Встречаясь в различных местах дома-интерната с Марией Антоновной, Олегу хотелось узнать подробнее о её жизни.

Стоял тёплый апрельский день, кое-где на деревьях начинали появляться набухшие почки, начали цвести фруктовые деревья. Территория интерната готовилась утонуть в зелени.

В такой день Олег сидел возле корпуса на лавочке и читал книгу «Август 44 года» и от неожиданности вздрогнул, потому что с ним кто-то поздоровался. Это была Мария Антоновна.

– Здравствуй, Олег! Чем занимаешься?

– Добрый день, Мария Антоновна! Сажу и читаю книгу про «Смерш». Это книга про шпионов, которых высылали на территорию СССР. Вы не хотите почитать?

– Олежек, мне самой пришлось видеть на войне столько горя, что читать про неё очень трудно.

– Мария Антоновна, а кем вы были на войне?

– После начала войны большинство мужчин ушли на фронт, и нам женщинам и старикам пришлось за двоих, а кое-где и за троих.

– Мария Антоновна, а вы успели уйти в тыл?

– Когда нас с техникой эвакуировали, мой трактор попал под бомбёжку. Олег знаешь, как было страшно. Немецкие самолёты подлетели с солнечной стороны и начали планомерно расстреливать людей, шедших по дороге. В первые же минуты на дороге появились раненые и убитые, и не только люди, но и домашний скот.

Мы двигались с техникой, лично я отправлялась в тыл на тракторе «Универсал». При налёте фашистских само-

лётов, мой трактор был уничтожен, и мне пришлось вернуться домой к моим пожилым старикам. Вернувшись в отчий дом, мы с подругами записались на трёхмесячные курсы водителей.

Была зима и нам приходилось ходить на занятия через небольшую речку. – У Марии Антоновны навернулись слёзы. – Однажды, возвращаясь домой с занятий, я испытала смертельный ужас. Девчонки убежали вперед, а я чуть задержалась, переходя реку, подо мной треснул лёд, и я провалилась по пояс в ледяную воду. Хорошо, что подруги успели подбежать и вытащить меня за рукава телогрейки.

– Чем ухнулось Вам это купание?

– После этого я очень сильно болела. Мама еле-еле меня выходила, отпаивала различными настойками – вишнёвкой и другими, делала расстирки и грела на русской печи. Вот так я сумела выбраться из могилы.

Кто меня видел в те тяжёлые дни из моих родных и близких, все говорили: «Она умрёт». Но благодаря моим родителям я не только выздоровела, но и закончила курсы водителей.

– Что дальше произошло?

– После получения повестки из военкомата, - продолжала говорить Мария Антоновна, - 12 апреля 1942 года меня призвали в Красную Армию. Нас собрали под Ростовом в городе Батайске. Продержав ещё три месяца в учебке, меня направили в в/ч 425 ВНОС – воздушное наблюдение.

– Мария Антоновна, и как у Вас сложилась жизнь после прихода в в/ч на службу?

– Особенно было трудно в начале июля 1942 года. Началась вторая волна наступления немецких войск на Ростов и полная оккупация области.

– Мария Антоновна, для вас начались тяжёлые дни службы, как Вы вынесли тяжесть испытаний?

– Олег, во-первых, в мои обязанности входила перевозка солдатского имущества, продовольствия и бойцов. Иногда приходилось быть кинопередвижкой, когда не было больших наступлений или оборонительных сражений.

Первая моя машина – полуторка, самая распространённая в Красной Армии. Самую первую машину я потеряла, а вернее мне её уничтожил враг возле станицы Багаевской Ростовской области, в это время наши войска отступили до города Грозного.

Мне пришлось наравне с другими девушками нашего дивизиона и ребятами вытаскивать машины из грязи или снега, ремонтировать их в походных условиях – под бомбёжкой, или защищать, когда нас начинали обстреливать немцы. Мне пришлось даже освоить пулемёт.

После этих слов Мария Антоновна, поднялась и пошла в сторону дверей корпуса. Немного отойдя от Олега, остановившись начала говорить.

– Все военные годы я прошла без единого ранения, даже царапинки не было, только пришлось лежать в госпитале, когда через Днепр и Вислу переправлялись.

Развернувшись, пошла дальше по своим делам, а Олег смотрел ей вслед и думал, какой она была в молодости. Он ещё долго сидел на лавочке и размышлял о своей жизни.

В последнее время Олег стал частенько пробовать занять чем-то свою однообразную жизнь. Он стал потихоньку заниматься творчеством – декоративно-прикладным искусством. Олег выжигает и одна из тем – Великая Отечественная война.

Этим же вечером Олег занялся творчеством, на столе лежала полузаконченная работа. Дверь при этом была открыта, и Олег не заметил, как в неё вошла Мария Антоновна. Работая над картиной, сразу не обратил внимания, что за ним кто-то наблюдает. Повернув голову, Олег увидел, как она внимательно смотрит.

- Добрый вечер, Мария Антоновна!
- Добрый вечер. Мне понравилось, как ты творишь.
- Спасибо. Стараюсь не ударить в грязь.
- Да, такими работами можно гордиться.
- Нет, это работы для души.

Мария Антоновна опять начала вспоминать:

– После освобождения Ростовской области, я участвовала в разгроме Белгород - Харьковской группировки противника, участвовала в освобождении Донбасса, Левобережной Украины, освобождала Киев. – Немного помолчав, она продолжила. – Особенно тяжело, почему-то, было в ноябре 1943 года, когда участвовала в отражении контрнаступления противника в районе Житомира...

– Но некоторые фронтовые эпизоды и сейчас перед глазами. Это было в Польше. – Начала говорить Мария Антоновна после некоторого молчания, держа в руке гранёный стакан с чаем. – Я пошла на ферму за молоком, и со мной увязалось парочка – парень и девушка. Шли мы через поле. Первой шла высокая, светловолосая девушка, за ней парень, а за ними я.

Неожиданно девушка остановилась и сказала, что не пойдёт первой и поменяется местами со мной. После сказанных слов я поменялась местами с девушкой. И тут же раздался выстрел, девушка упала замертво. Этот случай говорит о том, что меня оберегал кто-то свыше.

– Шёл уже 1945-й год, и никому не хотелось умирать, а где Вы заканчивали войну?

– В Германии, но то, что я там видела, не сотрётся из памяти никогда. В апреле 1945 года в районе города Дрездена была окружена нашими войсками тридцатитысячная немецкая группировка. Немцы отчаянно сопротивлялись, бои шли днём и ночью, несли огромные людские потери и наши, и немцы. – Встав со стула, Мария Антоновна подошла к самовару и начала наливать кипяток, продолжая говорить. – В мои должностные обязанности входило возить боеприпасы к линии фронта, а с фронта вывозить наших раненых солдат.

Однажды меня остановил патруль и попросил, чтобы я ехала на некотором расстоянии от других машин. Старший патруля произнёс следующие: «Девушка, вашей машине нельзя оставаться в колонне, любой выстрел и полгорода взлетит, отъезжайте подальше, где нет людей». После его распоряжения я заехала в какой-то переулок, а там наших погибших солдат не счесть, как дрова лежат, аж, сердце до боли зашлось. Так жалко было смотреть на всё происходящее, им жить и жить, скоро может победа, а они гибнут... - замолчала и начала вытирать слёзы платком.

– Мария Антоновна, а где вы встретили День Победы?

– День Победы встретила в Дрездене. Как все радовались, целовались, обнимались, стрельба шла всю ночь. Такие столы накрыли, чего там только не было, танцевали и пели. Никогда не забуду этот день.

Поговорив ещё немного, они разошлись. Олег стал готовиться ко сну. Мария Антоновна, пошла в свою комнату, отдыхать.

Варда Корбаш

г. Москва

Яблоки для раненых солдат

Теплый летний воскресный день, заслуженный выходной. Можно поваляться в постели хоть до самого обеда, но меня разбудил гимн СССР в шесть утра. По радио передавали последние новости, я прислушалась. Диктор приятным голосом сообщал о волонтерской работе в парке Дружбы, в Москве. Ветераны афганской войны просили помощи у народа для подготовки места к открытию первого памятника воинам-интернационалистам. Я решила поехать по указанному адресу. События, связанные с Афганистаном меня волновали. Младший брат вот уже второй год находился там. Осенью, в восемьдесят шестом, Славку призвали в армию. В глубине души мы надеялись, что афганская война обойдет его стороной. Из неофициальных источников шла информация о подготовке вывода наших войск. Я полетела в Сухум на проводы, с братом расстались легко, уверенные в благополучном исходе. Через несколько дней я узнала о том, что его направили

в Чирчик, учебную часть воздушно-десантных войск. А оттуда все дороги тогда вели в Афганистан.

Когда я приехала в парк, на место будущего памятника, людей собралось много. Несколько человек киркой и лопатой выкорчевывали площадь, остальные, окружив их кольцом, молча следили за работой. Мне показалось, что для такого важного события участок слишком убогий, он находился на отшибе. Сначала я тоже стала наблюдать за трудящимся, а затем, отложив в сторону гвоздики, купленные по пути, решила помочь. Спустя время ко мне присоединились и другие. Когда закончили работу, собравшиеся люди медленно разбрелись по парку.

Открытие памятника планировали на следующее воскресенье, работы оказалось много. Кроме всего прочего, беспокоила еще и финансовая сторона. В Советском Союзе так сильно старались скрыть афганский вопрос, что помощи от властей организаторы так и не дождались. На приобретение закладного камня не хватало 25 рублей, помогли своими силами. Напряженный недельный труд дал хорошие результаты. Группа оказалась сплоченной, так или иначе, мы все были связаны с Афганистаном.

Мысль поехать в Чирчик появилась у меня не сразу. Дорога была дальняя, знакомых нет, по приезде снять гостиницу – ноль шансов. Однако встреча с родным человеком обрадовала бы брата и придала бы ему уверенности перед неизвестностью. Я тогда работала на телеграфе. В то время связисты обладали одной привилегией, они легко могли общаться с любым населенным пунктом, где только имелся специальный телеграфный код. Набрав по аппарату нужные цифры, связывались с телеграфистами по всему Союзу, не исключая даже во-

енные телеграфы в социалистических странах. Волшебное слово «милок» (так мы обращались друг к другу во время работы) действовало безотказно. Я отправила сообщение в Чирчикский узел связи. Мне ответили сразу, девушку звали Леной. На мою просьбу забронировать номер в гостинице на неделю, она написала, что с гостиницами у них большая проблема и попросила подождать немного. Через несколько минут, Лена предложила мне пожить у них, родители были согласны.

День открытия памятника выдался жарким. Помимо ветеранов-афганцев, приехали почетные гости, первая женщина космонавт – Валентина Терешкова. Журналисты разных изданий, радио и телевидения. Знаменитый в то время Владислав Листьев с популярной телепрограммой первого канала «Взгляд». Средний возраст молодых ветеранов не составлял и двадцати пяти лет. Инвалидные коляски, трости, костыли, на груди ордена и медали, следы от бессмысленной войны отражались на постаревших раньше времени лицах. Горящие глаза, столкнувшиеся с бюрократизмом дома, спрашивали, в чем их вина, разве они не выполнили долг? Проблема афганцев висела в воздухе, страна отрицала факт участия в военных действиях наших солдат.

В утренней прессе я прочитала вторую статью про Олега Палкина. Первая публикация, нашумевшая на всю страну, о бездушном отношении в Киевском госпитале к раненому офицеру, возмутила многих. После вмешательства Москвы, Палкина перевели в главный военный госпиталь столицы. Статья сопровождалась фотографией Олега, молодой лейтенант со счастливыми глазами.

С Олегом я познакомилась в Бурденко. Его мама и тетя по очереди ухаживали за ним, пока он лежал неподвижно. Когда я подошла к палате, из неё на коляске

выносили молодого солдата, без конечностей. Тот энергично общался со всеми, кто попадался ему по пути, и, глядя на меня, спросил: «Девушка, вы к Палкину?» И сам же ответил на свой вопрос: «Это я, вы только дождитесь меня, не уходите.» Я застыла на пороге. Видеть такое в мирное время очень больно. Из растерянности меня вывел голос другого солдата: «Девушка, да вы проходите, вон он Олег, а это Игорек – любит разыгрывать людей.» Мое появление в палате внесло маленькое разнообразие, все оживились. Я принесла газету со статьёй и угостила пирожками собственного приготовления, а когда узнали, что мой брат служит в Кандагаре, то каждый успокаивал меня добрым словом, что он обязательно вернется. К этому времени привезли обратно в палату юмориста, тот, увидев, что я уже не первая, которая сидит рядом с кроватью Олега, взялся за старое: «А вы все к лейтенантам, любите их, что вы в них вообще нашли то такого?» Вокруг все засмеялись, атмосфера стала теплой. Я пообещала навещать их чаще.

На обратном пути меня остановила пожилая женщина, чтобы узнать в какой палате лежат раненые, и мягким старческим голосом произнесла: «Я не буду их беспокоить, я только яблочки им передам и уйду». Я указала дорогу добродушной старушке, и, провожая ее взглядом, мысленно повторила: «Яблоки для раненых солдат – это грустно».

После ночного перелета в Ташкент я благополучно добралась до Чирчика. В городском саду, на условленном месте встречи, Лены не оказалась. Она по каким-то причинам опаздывала. Я осмотрелась вокруг, увидев лавочки, села на одну из них ждать в тени деревьев. В конце апреля в Узбекистане стояла жаркая погода, на свежем воздухе от усталости меня клонило ко сну, гла-

за то и дело закрывались. Мысли о том, что вдруг меня не встретят, а я совсем одна в чужом городе, даже не появлялись, ждала спокойно до той поры, пока вместо Лены не пришла её мама, тетя Таня. Она прибежала с работы во время обеда. У Лены скоро должна была быть свадьба, и та поехала к жениху в Ташкент по делам и не успела вернуться. Мы пришли домой, от предложенного обеда я вежливо отказалась, мне не терпелось как можно быстрее увидеть брата.

На пропускном пункте попросила позвать Вячеслава. Весть о том, что к Славику прилетела сестра из Москвы, разлетелась мгновенно. Пока он подошел, меня окружили десятки военнослужащих, засыпали разными вопросами о гражданской жизни, каждый из них хотел увидеть во мне своего близкого человека. Искренне завидуя в душе моему брату, они с тоской глядели на меня. До отлёта в Афганистан у них оставалась ровно одна неделя.

Вечером я вернулась домой. К этому времени Лена уже приехала. Мы встретились так, будто знали друг друга с детства. Она собиралась к подруге на день рождения и, несмотря на мои слова о неудобстве, взяла меня собой.

Мне в жизни часто везет на хороших людей, такими людьми для меня оказались и семья Лены. Тетя Таня вместе с дочкой работала на телеграфе, и не раз протягивала руку помощи незнакомым людям. С тех пор, как ввели наши войска в Афганистан, она постоянно участвовала в судьбах солдат до отправки на войну, становилась связным между сыновьями и матерями и никогда не отказывала в просьбе никому.

На мое обращение предоставить увольнение брату, командир части ответил: «Днем это сделать невозмож-

но, а вот с шести вечера до шести утра под вашу ответственность я могу отпустить его, только с одним условием, ровно в шесть утра он должен стоять в строю». Я, конечно, очень обрадовалась и обещала, что проблем не возникнет. Правда, часть находилась на расстоянии семи километров от дома тети Тани, а автобусный парк в этом городе работал ужасно. Вся надежда оставалась лишь на свои ноги, но трудности тогда не имели значения, главное нам дали возможность побыть вместе в последние дни. Я приезжала за ним вечером, забирала его, и мы шли пешком, болтая обо всем на свете. К нашему приходу домой тетя Таня накрывала на стол, мы, поужинав, ложились спать, чтобы сдержать обещанное командиру слово. А ранним утром пешком я провожала брата в воинскую часть, а сама возвращалась обратно по трассе, оглядываясь по сторонам. В это время город все еще спал, но чувство страха не покидало меня, пока не добиралась до дома.

Неделя пролетела быстро, в последний вечер засиделись за столом допоздна. Тянули время расставания. Опаздывать, особенно в день отъезда, не полагалось, но мы, как назло, проспали. Брат забеспокоился, без меня он добрался бы быстрее, но вот так расстаться я не могла. Тогда, он взял меня за руку и пошел почти бегом большими шагами, я еле успевала за ним, можно сказать он тащил меня за собой, я задыхалась от быстрой ходьбы, но в часть мы успели вовремя. Вечером я прилетела в Москву. Настроение было паршивое, казалось, только сейчас поняла, что это настоящая война. Я старалась успокоить себя, что с ним ничего плохого не произойдет. Бог не допустит этого, он же мой младший брат, это было бы так несправедливо. Я нянчила брата с самого его рождения, мне тогда было всего пять лет.

В детстве мне очень нравились большие голубые глаза Славы, они были такие яркие, казалось, будто само небо сокрыто в них. Угнетающее состояние держалось до той пары, пока я не получила первое письмо. С осеннего призыва из Абхазии Слава оказался единственным, кого отправили в Афганистан. Командир, участник военных действий, набирая себе сильных спортивных ребят для спецназа ВДВ из восьмидесяти призывников в строю, остановился напротив моего брата и со словами «вот этот мне подходит» схватил его за грудь и вытащил вперед.

Шестая палата, где лежал Олег, превратилась в некое место паломничества. После статьи желающих познакомиться с ним оказалось слишком много, потому на проходной в госпитале перестали пускать посетителей. Я так же несколько раз не смогла попасть к ним. Но когда остыла всенародная забота, то по-прежнему стали приходить те, у кого просто добрая душа и они по-другому не умеют. Олег лежал долго, врачи определенно не могли прогнозировать, встанет ли он на ноги. Однажды, войдя в палату, я его там не нашла. Ребята мне ответили, что он на улице гуляет. Видеть его на ногах было чудом, но самостоятельно передвигаться он не мог, стоял на костылях с поддержкой мамы и тети. Увидев меня, тетя Олега радостно помахала ручкой, чтобы я подошла. Сообщила мне новость о том, что их выписывают и дальше они лечение продолжают дома на Украине, что теперь все страшное осталось позади, и попросила меня сфотографироваться вместе с ними на память. Больше Олега я не видела.

Письма от брата приходили так часто, что не давали мне сильно волноваться. «Пишет, значит живой» - думала я и временно успокаивалась. Письма у него были

ровные и мягкие, но я понимала, что кроется за этими красивыми словами. Иногда он просил прислать бумагу и конверты, а то у него, да и у ребят, все уже на исходе. Письма с фотографиями не приходили, бывали фотопленки, разделенные на одиночные кадры, чтобы могли дойти до адресата, минуя военный патруль. Такие пленки в фотостудиях не принимали, и мне приходилось искать частных фотографов, лишь бы как-нибудь их напечатали. Фото получались некачественные, но сослуживцы брата и он сам оставались довольны. Когда письма не приходили дольше, чем ожидалось, я не знала куда деваться, время тянулось медленно, плохие мысли лезли в голову, охватывала паника, ждать становилось невыносимо. После долгого молчания, Славка всегда отвечал одинаково, что их перебросили в другое место, откуда не было возможности писать, находил много отговорок, и ни слова об истинной причине.

Первое ранение брат получил, когда рядом с ним взорвалась мина, его контузило. Второй раз он сорвался с горы с полным боевым обмундированием и повредил позвоночник. Еще несколько раз смотрел смерти в глаза, но кто-то его берег и он остался жив. Их полк вывели с Афганистана в конце лета восемьдесят восьмого года. Последние месяцы в армии он служил в Выборге. Я приехала к нему в часть, Славка встретил меня на поляне за автобусной остановкой. Он не был похож на себя, худой, загорелый, в глазах тоска, взгляд отрешенный и, кажется, даже мое появление не обрадовало брата, что-то его мучило. Их полк перебросили в горячую точку – Нагорный Карабах, а Славку из-за национальности отправили в Ленинградскую область. Он сильно переживал, говорил «что я тут делаю, когда мои друзья, с кем я прошел Афган, каждую минуту там могут погибнуть?» и чувство-

вал себя виноватым, будто предал их. Каждый день подавал рапорт о переводе, но ему отказывали. Впервые разговор у нас с братом не получался, война изменила его до неузнаваемости. Я спросила о судьбах тех ребят, с кем познакомилась в Чирчике, в ответ Славка долго молчал, воспоминания оказались слишком тяжелые. Потом рассказал мне один страшный эпизод, кусочек войны. «Нас отправили на поддержку отряда, который просил помощи. Когда мы высадились, никого в живых уже не застали, мало того, все тела были обезображены, души поиздевались над ними. Отрезанные уши, носы, головы валялись везде, но самая тяжелая участь досталась троим солдатам». Среди них был один из тех, кого я знала. Душманы из них сделали «красные тюльпаны», это было самое жестокое, что могли придумать моджахеты для устрашения наших шурави. «Мы не успели оглянуться, как на нас обрушилась море огня», - тяжело вздыхая, продолжил брат, - «стреляли со всех сторон, мы приняли позицию и стали отстреливаться. Бой шел долго, а когда наступило затишье, из нашего отряда остались в живых всего шестеро. И когда мы, оставшись без боеприпасов и без рации, понимали, что смерть неминуема, откуда ни возьмись, появились наши вертолетчики. Духи сильно боялись их, носа не высовывали, только благодаря им тогда мы остались живы» В Афганистане вертолетчики часто спасали солдат, оказавшихся в безвыходной ситуации в бою. Они, как боги, появлялись всегда неожиданно в последнюю секунду и вырывали из пасти смерти наших мальчишек.

Медаль за отвагу и звание старшего сержанта Слава получил за спасение раненого командира, он вытащил его на себе в ходе боя из-под пуль, рискуя своей жизнью.

В парке дружбы до сих пор стоит закладной камень, иногда там в знаменательные дни можно увидеть венки и цветы. В Москве, в других парках есть памятники афганцам, а тот, самый первый, так и не поставили.

Олега я пыталась искать в социальных сетях, но безрезультатно. Недавно, когда писала рассказ, я нашла его в контакте, узнала по фотографиям, пока с ним не связывалась, на сайте бывает редко.

С Леной мы поддерживали дружбу несколько лет, она вышла замуж. Как они не упрашивали, на свадьбу я, к сожалению, не смогла остаться. С развалом Союза у нас прервалась переписка, надеюсь, что у них все хорошо, все эти годы я всегда вспоминала их добрым словом.

Слава оправился от пережитого, насколько это было возможно. Вспоминая те далекие годы, иногда со смехом мне говорит: «Если бы тебе разрешили, ты бы и в Афганистан прилетела, без сомнений!»

А. НОВИКОВ

Ми-8

Взрели вертолётные двигатели, лопасти завращались, набирая обороты, засвистели, выходя на рабочий режим. За иллюминатором стала медленно удаляться расчищенная площадка, по которой металась снежная вихри, поднятые винтами. На подъёме привычно заложило уши от перепада давления; он «продулся», выравнивая давление в носовых пазухах и ушах с окружающим. Поднял воротник «климатички» и стал погружаться в полудремотное состояние, когда в голове начинают мелькать обрывки каких-то мыслей, какие-то образы, вырванные и из прошлого и из настоящего, а часто и вообще не имеющие отношения к реальности. Уйти полностью в «нирвану» помешало подёргивание за рукав. Он приоткрыл глаза. Перед ним стоял молодой парнишка, отработавший лишь одну вахту. Парень что-то орал, пытаясь перекричать рёв и свист тысячесильных турбин, одновременно дёргая его за рукав и тыча пальцем ему за спину. «А! Это он к иллюминатору хочет. Не надоело ему ещё забортным пейзажем любоваться. А я как раз к окошку и притулился». Он отодвинулся, давая место любопытному пареньку. Перед тем, как вновь провалиться в полубеспамятство, окинул взглядом пассажиров МИ-8-го, подумал, усмехнувшись: «Разные люди, разного возраста, мировоззрения и жизненного опыта. А поведение в нестандартных ситуациях всего лишь на несколько вариантов разделяется. Вот один всё в своём бауле ковыряется. Закончив с баулом, начнёт карма-

ны свои проверять, пуговицу крутить. Другой слишком оживлён, что-то рассказывает соседу, энергично размахивая руками, заведомо понимая, что тот его не слышит. Третий делает вид, что читает книгу. Какое чтение при такой вибрации?! Некоторые, как и он сам, дремлют или делают вид, что дремлют, прикрыв веки». Шум двигателя стал расплываться, отходя на второй план. А в голове стала проявляться картинка, становясь всё более чёткой и реальной...

Он сидел, как и обычно, у второго иллюминатора от двери, по левому борту. Под бортом проплывали горные вершины Памира, расцвеченные в розовые и красные тона восходящим солнцем. А между вершинами прятались ущелья, затянутые туманом и облаками. Это сейчас, пока не пересекли границу, вертушка плавно летела высоко над горами, и лишь только некоторые, самые высокие пики, высились на уровне иллюминаторов. А после границы вертолёт резко снизится и будет петлять по ущельям, почти цепляя колёсами шасси зелёнку, ютящуюся по берегам горных речушек. К тому времени окончательно взошедшее светило разгонит из ущелий косматые клочья тумана, и мимо обоих бортов будут проноситься мрачные серо-коричневые стены каньонов. Пока ещё было время расслабиться. Его шею щекотали солнечные лучи, освещающие ребят, сидящих напротив. Сидящий напротив пулемётчик как всегда что-то перекладывал в своём РД. ПКМ с пристёгнутой «банкой» ему здорово мешал отвлекаться от ожидания. Хотя из-за шума двигателя было не слышно слов, но судя по выразительной артикуляции губ пулемётчик понимает всех родственников своего пулемёта, родственников конструктора этого пулемёта, ну и, конечно,

всех тех, кто поднял его в пять часов утра, усадил его в эту гремящую консервную банку и отправил его чёрт те куда. Сейчас можно. Можно и в Бога и в чёрта, и в душу. И Брежнева с Косыгиным. И партию с правительством. И отдельно Устинова в компании с генеральным штабом. Сейчас можно всё.

Чуть правее пулемётчика сидит штатный снайпер. На лице, как всегда, ни единой эмоции. Между колен зажата его безотказная «Светка», винтовка СВДС, а в руках кубик Рубика, который снайпер пытается собрать. Игрушку эту он в прошлой командировке подобрал в одном из домов «зачищенного» кишлака. В комнате бился в агонии душман, по углам валялось ещё несколько трупов, разорванных гранатными осколками, на полу лужа крови, а в этой луже лежал кубик, выделяясь яркими цветными квадратиками на фоне бурой жижи. Когда вернулись на базу, штабисты устроили шмон в вещах группы, и один из «штабнюков», заметив этот кубик, начал толкать речугу про «тлетворное влияние запада» и попытался кубик забрать. Снайпер ни слова не сказал. Он только взглянул на «штабнюка». Взглянул так, как он смотрел в прицел своей «Светки», выцеливая очередного духа. «Штабнюк» поперхнулся словами, положил кубик на место и молча исчез.

Ещё правее расположился штатный «маркони». Этот, когда был чем-то взволнован, постоянно что-то жевал. Вот и сейчас он грыз сухарь. Рассказывали, что однажды группа не смогла штатно эвакуироваться, и пришлось больше недели переть по Гиндукушу к запасной точке. Сухпай закончился, жевать стало нечего. Тогда «маркони» отрезал кусок тренчика (брезентового ремешка) и грыз его до самого прибытия на базу.

Дальше двое ребят играли в «камень, ножницы, бумага». Не просто так играли – на интерес. Один был в явной «прибыли», возле его пачки «Опала», лежащей на лавке, высилась кучка сигарет из похудевшей пачки «Явы» его противника. Проигрывающий огорчённо махнул рукой, что-то оживлённо говоря, видимо обвиняя товарища в шулерстве. Тот в ответ белозубо смеялся. Если всё пройдёт удачно, то обоим сигарет хватит. Если задержаться придётся, то всяко делиться будут, а последние сигареты на двоих-троих будут тянуть. Ну, а может так случиться, что этот «выигрыш» последним подарком станет.

Вертолёт резко снизился, начал маневрировать по ущельям, иногда перескакивая из одного в другое через перевалы. Словно в ответ на манёвры винтокрылой машины в голове появилась музыкальная тема из песни «Арлекино», затем и слова начали слышаться. Но пока только одного куплета:

По острым иглам яркого огня
Бегу, бегу – дорогам нет конца.
Огромный мир замкнулся для меня
В арены круг и маску без лица.

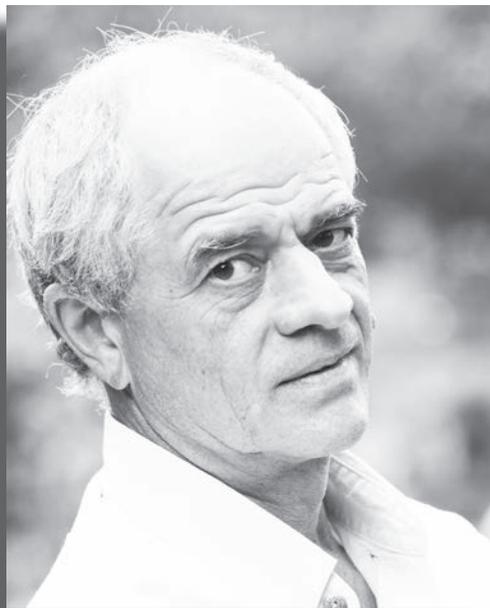
С приближением к точке выброски эти слова, звучащие снова и снова, становились всё громче. Вот вертолёт снизился, почти касаясь колёсами каменистого грунта, бортмеханик быстро откатил дверь, и ребята начали выпрыгивать, откатываясь по сторонам и занимая позиции. Вот и его очередь. Песня в голове вдруг зазвучала.

чала оглушительно, забивая рёв вертолётных турбин. Но уже другой куплет:

Ах, Арлекино, Арлекино,
Нужно быть смешным для всех.
Арлекино, Арлекино,
Есть одна награда - смех!

Выпрыгнул, спружинив ногами и упав на бок. Откатился в сторону за валун, щёлкнул предохранителем и внимательно осмотрел свой сектор. Вертолёт улетел на базу. Стихла и песня в голове, уйдя куда-то на задний план...

Очнулся. Шею, которую в воспоминаниях только что щекотало солнце, покусывала ледяная струйка от иллюминатора. «Чёрт, примерещится же!» Открыв глаза, вновь окинул взглядом товарищей, сидящих в брюхе вертолёта. Всё оставалось по-прежнему. Один закончил ковыряться в своей «мечте оккупанта» и теперь с философским видом теребил пуговицы полушубка. Другой, вынув из загашника бутерброд, самоотверженно уничтожил его. «Всё хорошо. Вот только прилетаем поздно-вато всегда. Автобусы рейсовые уже уходят к этому времени. Остальные в городе живут, вечером уже по домам будут. А мне до полуночи поезда ждать, потом в нём ещё двести вёрст телепаться. Дочка с сыном ждут уже, небось».

Владимир Бордюгов

г. Томилино, Московская область

На Сталинградский фронт

Памяти отца – Дмитрия Е. Бордюгова

**Состав шёл медленно на запад,
Степь отдыхала от жары.
Лишь сполохи вдали да запах
Домов сгоревших и травы
Напоминали – фронт так близко...
В бессмертье катится вагон...
А тучи грозовые низко –
Шёл в неизбежность эшелон.**

**В дощатых стареньких вагонах,
Хоть ночь, почти никто не спал.
Курил старлей на перегонах,
Дремал якут... Сержант писал,
Что тишина здесь, как в Сибири,
И также жарко, ведь – июль,
Что, мол, проехал пол России,
Но слышал только звон кастрюль.
А ты – пиши, не беспокойся,
О детях помни, о родне,
Что скоро утро, и проснёмся –
Чайку заварим в тишине...**

**... И поначалу еле слышны,
Шмелиным воем, всё сильнее,
Заходы «Мессеров» зависших,
Ответ зенитных батарей,
Разрывы, пламя, крики, стоны,
Команды, что нельзя понять...
Мгновенья, дни, недели, годы –
Всё сжалось! Как легко отнять**

*Всех, кого женщины взрастили,
Над кем ночами мать дрожит,
Кого мгновенно погубили,
Кому ещё бы жить да жить...*

*... И безвозвратные потери,
И похоронки шлются в тыл,
И горе вновь стучится в двери,
Без доброй вести мир постыл...*

*... Шрам от тяжёлого раненья,
Госпиталя, и вновь – на фронт.
Удачей жив – жди направленья...
Пройти всё... знать бы наперёд...*

Я среди них. 1941

Памяти Владимира Е. Бордюгова
1912-1941

*Я среди них, ещё не в форме,
В футболке белой, со значком...
Не думали о «хлебной норме»
Музейный Питер и Главком.*

*Ещё не мерил пульс обстрелов,
Сердце биенье метроном,
И засыпал дворец растрелльев
В руках атлантов, невесом.*

*Ещё работали фонтаны,
Самсон разверз у зверя пасть,
И кровь ещё не пролилась
Под Марса звучные фанфары...*

*Стою на «Невском пяточке» я,
Ещё в футболке, со значком...
В чехлах стволы, спит батарея,
И я со смертью не знаком...*

Прохоровка

*«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей...»*
Ион Деген

*Кто прошёл
свой самый первый бой
И как выжил, —
сам не даст ответа.
Догорал
гвардейский прорывной
Батальон
на перекрёстке лета.
Над бронёй
(пробитой «скорлупой»),
Остывая медленно
от пекла,
Вились вихри
в пляске огневой
Моего,
ещё живого,
тепла...*

Старшине

Достал табачку, а вокруг – тишина.

Умолкла кукушка, лишь – эхо...

**...Я струсил в бою, но прикрыл старшина
В то страшное жаркое лето.**

**Учили штыком бить да шашкой рубить,
А смерть шла грохочущим танком!
Не дал от позора мне заживо сгнуть
И силу вернул, как подранку.**

**В статуте медальном заслуга не в счёт,
Что, в сущности, спас ты солдата
От пули своих же, больнее что бьёт
Эсэсовского автомата.**

**А после Смоленск был, Москва, вновь – Смоленск,
И первые наши медали,
Днепровской волны окровавленной всплеск
Мы ртами с тобою хватали.**

**Как долго мы шли, а за нами земля
В дыму зарастала крестами...
*...Я – жив, над тобою винтовки палят,
Да каска обнята цветами.***

**На куцем обрывке простого сукна
О чём-то шептались медали.
Им звякнуть бы, крикнуть: «Вставай, старшина!
Но... голос они потеряли...**

Повезло

*Выпил много, считал – напьюсь,
Только зря всё, не захмелел.
Я вернулся домой, на Русь,
Повезло мне, лишь охромел.*

*Повезло, что под Курском «Тигр»
Недостаточно меток был,
Что кровавый Днепровский «пир»
Не накрыл меня, лишь умыл.*

*Повезло, что не я, – другой –
С пулей насквозь дорогой в ад –
Тот, что пленом зовут. Другой
Изогнёшься... и смерти рад.*

*Повезло мне, что лишь меня
Оттолкнуло взрывной волной,
А того, у кого семья,
Смерть аукнула за спиной.*

*Не вини меня, мать, жена,
Что принёс... да не ту я весть.
Я бы принял ещё огня,
Чтоб не видеть их слёз вовек.*

*За Победу, за нас, за Русь! –
Выпить каждый из нас хотел...
Выпил много, считал – напьюсь,
Только зря всё, не захмелел.*

Мы помним

*Есть место, где спокойствие навечно,
Лишь шелест листьев, светоч образов,
Да гомон птичьих стай звучит беспечно,
И слабый звук замедленных шагов.
Здесь испытаешь странность ощущенья:
Тоску о том, что было и ушло,
И чувство близких душ соединенья,—
Живых и тех, что время унесло.
Здесь прошлого слышны порывы, ветры,
Здесь хочешь встать, поклясться, замереть,
Сказать: «Мы здесь! Нас разделяют метры,
Мы рядом, чтобы души ваши греть».
Мы помним потому, что просто... помним.
Приходим не для отпущения грехов.
Мы вашим духом души здесь наполним,
Но неоплатных не вернуть долгов.
От вереницы туй, зелёных вечно,
Ложатся мягко тени на гранит...
И гомон птичий слышится беспечный,
И чёрный камень память, скорбь хранит.*

Елена Завизион

г. Фрязино

Воин России

*Просыпайся, солдат! Зори плачут навзрыд.
Нависает пожар над потухшей землей.
Просыпайся, солдат! Видишь, дом твой горит,
Им уже не вернуться. Проигран их бой.
Бой с собой.*

*Им бы снова заснуть на пожухлой траве,
И увидеть во сне, через чьи-то глаза,
Как дрожит стая птиц на ветру в синеве,
Как над миром опять нависает гроза.*

*Им бы вспомнить все то, что рождало их цель.
В нашем прошлом, что снова сковала стена.
А за ней – бесконечное полчище, цепь
Черных дней, что рождала война.
Чья вина?*

*Может, тех, что учили людей забывать?
Разрывая незримую тонкую нить,
Чтоб народ стал – чужой. Чтоб Отчизна – не мать.
Вместо чести – желание жить.
Все... разбить? Нет!*

*Встань. Ты не можешь позволить толпе
Растерзать твой бессмертный народ.
Много дней не отпущено миру. Войне
Скоро должен прийти свой черед.*

*Нужно только успеть... до начала войны
Научить их смотреть ночью сны.
Ожидать с нетерпением прихода весны.
И ценить красоту тишины.*

*Надо только успеть души в них воскресить,
Пробудить в них отвагу и честь.
Человеку России назначено быть!
Это значит – мы все еще есть.*

Наталья Еремеева

г. Ярославль

Блокада Ленинграда – 900 дней ада

*Восьмое сентября
Сорок первый год.
Назад уже нельзя,
Война вовсю идёт.*

*И замкнуто кольцо,
Обстрелы да бои.
Всё чёрное лицо,
Запасы все сожгли.*

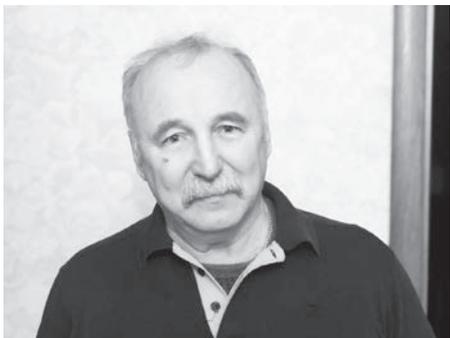
*Вырос детский взвод
За несколько часов.
И вышли на завод
За своих отцов.*

*Снится тот же сон,
Хотя он и нелеп.
Как нашёл талон
На блокадный хлеб.*

*Смерть не пощадила,
Истребляя город.
Всех окутал болью,
И мучением – голод.*

*Блокада Ленинграда –
Не пили и не ели.
Девятьсот дней ада,
Но выстоять сумели!*

*Время лечит рану,
Только слышен стон.
Соседу-ветерану
Снится тот же сон...*

Олег Александров

г. Москва

Мы расписались на Рейхстаге

По воспоминаниям отца

Сегодня 02. 05. 1945 года пал Берлин. Знамя Победы реет над логовом зверя. Враг разбит, Победа за нами. То там, то здесь то и дело ещё вспыхивают перестрелки. Фашисты, как крысы, вылезают из щелей, но без особого энтузиазма.

И нам, и фашистам понятно, конец бесславной их эпопеи близок.

Есть слухи, что нас направят на Дальний Восток бить японцев, нам не привыкать.

Но пока приказа нет, не грех посмотреть столицу поверженного Рейха.

Всё как-то не получалось, вроде и город наш, а то одно, как назло, то другое.

Было ещё часа три-четыре утра, когда я проснулся от беспорядочной стрельбы.

Ну, думаю, дождались, немец попёр. Стреляли все, кому не лень.

Стреляли сколько, кто хотел. Стреляли из всех видов оружия, у кого, что было под руками. Одиночно, залпами, очередями, впрочем, стреляли по всякому поводу.

Без привычки можно было подумать, что случилось что-то невероятное.

Хотя так оно и было. Пришлось надеть сапоги на голые ноги, набросить на плечи шинель и выйти узнать, в чём дело. Оказалось война, страшная, беспощадная, была окончена в 23 часа 8 мая 1945 года. Прекратились военные действия на западном фронте, и великий Сталин обратился к Советскому народу.

Мой ординарец всюду стрелял из автомата, я тоже выпалил все патроны, которые были у меня в магазине. Все друг друга обнимали, поздравляли, а девчонки-регулирующие с медичками, не стесняясь, плакали от счастья.

Мы салютовали. Победа была за нами. Слава советскому народу! Слава Сталину!

Пошёл спать, но уже не спалось. Завтра обязательно пойду и распишусь на Рейхстаге.

«Здесь был советский офицер!» Пусть помнят гады!

С утра с группой офицеров пошёл в город. В Берлине дров наломали много, собирать немцам, не пересобирать. Наверное, и сейчас берлинцы благодарят союзников за то, что они наломали столько дров и обеспечили их на долгое время топливом.

Идём вглубь города – одна и та же картина. Всюду видны стены домов, почерневшие от дыма, и груды развалин как мираж встают перед глазами.

Так должно было и быть, если этого хотели немцы. Но ради чего это всё, ради какой этой прихоти? Лишь только потому, что одному дураку захотелось поставить

свою кровь выше всякой другой. А восемьдесят миллионов глупцов поверили этому.

И вот они получили как возмездие за историческую несправедливость развалины Берлина. На развилках дорог указатели: «В центр города», «Рейхстаг», «Александр-платц» и так далее. Мы идём дальше, ориентируясь по указателям, иногда проходя и бросая шутки нашим многочисленным весёлым красавицам-регулирующим.

Какой это город? Как попасть в Берлин? Мы пробираемся к Рейхстагу, к месту, где годами готовился поход на Европу, на Россию, к месту, которое явилось причиной нахождения нас в Берлине.

Немцы двигаются по городу в одиночку и группами. Огромное количество всевозможных тележек и вагончиков создаёт стук и грохот, который перемешивается с шумом автомашин. Весь этот гул напоминает жизнь большого города.

Везут на этих тележках всякую рухлядь и фрицев, начиная от только что рождённых и кончая большими дураками, которые в них не умещаются.

Мимо пропустивших их офицеров проехала молодая фрау с тележкой, на которой восседала старуха в синих очках на носу, надетых от солнечных лучей.

Что же, не каждый господин мира может смотреть на солнце невооружённым глазом, взобравшись на этот вид транспорта, через борта которого висят ноги, словно жерди, не умещаясь.

Пройдя Александр-платц, мы пришли к каналу, на берегу которого сооружён памятник якобы Вильгельму. Спросить не у кого – все приезжие. Хотя по-другому назвать систему скульптурных изображений, сочетающих в себе двух львов с раскрытыми пастьями огром-

ной величины, у ног которых сложены знамёна и пики, затруднительно. Не иначе какой-нибудь символ победы немецкого захватчика. Большая фигура, вылитая из бронзы, – война в стальном шлеме с грозно-глупым, типично-немецким выражением лица, сидящая на ступеньках постамента, упёршись громадными ногами в его подножье. Эта фигура красовалась несколько десятков лет, развлекая жителей Берлина, а теперь не выдержала и слетела со своего постамента. Не выдержала большой волны наших бомб, сбрасываемых с самолётов и артиллерийских снарядов, сметающих всё на своём пути, стреляющих по позициям берлоги врага. Рядом фигура женщины, тоже бронзовая, валяется на цементном полу постамента, уткнувшись носом в землю и отбросив в сторону свою бронзовую оторванную руку. Она как будто целовала немецкую землю, прощаясь раз и навсегда с Гитлером и его государством.

Ибо в Берлин пришли русские, а русские со своими врагами не шутят. И кто ещё из берлинцев не простился со своим Гитлером, пусть прощается. Пока жива советская армия, фашизм не пройдёт. Наверху изображены скачущие всадники, чудом, наверное, уцелевшие, не успели соскочить вниз. На стенах постаментов написаны слова, фразы наших бойцов. Кто мог остроумней написать, тот и писал, применяя всю свою мудрость и изобретательность.

«Смерть тебе, фашистская гадина в твоём логове. Фома с Винницы».

«Ты нас позвал, и мы пришли. Забудешь – опять придём. Колька Клыч. Иван Анисимов из под Ржева».

«Легко отделался, урод! Мы только с силами собрались. Генка. Семён, Воронеж».

«Забудешь – напомним. Нам здесь понравилось. Дагестан Загит. Камиль».

«Мы водрузили знамя Победы над Рейхстагом, не забывайте нас. Здесь побывал Василий Гусев из Москвы».

И много других слов и фраз.

Захотели пить. По пути постучали в дверь одного из стоящих вагончиков. Открыла пожилая фрау. А внутри вещи разбросаны, и молодая красавица немка, увидев нас, за ширму пошла. Мы её матери объясняем: «пить, пить воды», а молодая из-за ширмы выходит в чём мать родила – тело точёное, кожа белая. «Ты чего, дура? Нам воды буль-буль». Кое-как выяснили, что женщины приехали из зоны действия американских войск, а там с побеждёнными не церемонились. Они нас, что, за своих фашистов приняли? Называется, попили водички. Вот, дура! Ушли, не прощаясь. Советский офицер падалью не питается.

Всем хочется оставить свой след в логове врага Берлине, выполнить просьбу миллионов недошедших, с кем делили в окопе кусок хлеба, и кто не вернётся в родные семьи. Кто фотографируется, влезая на льва или другую фигуру. Кто-то что-то записывает в свой блокнот или оставляет свой автограф на руинах.

Немного посмотрев, полюбовавшись, мы двинулись дальше. Перешли через канал по мосту, который наши мостовики уже успели восстановить. И пошли по направлению к Рейхстагу по улице Кениг штрассе. Ещё издалека мы увидели на верхушке высокого здания развевающеся алое знамя Победы.

Знамя колыхалось во все стороны, словно мать созывала своих детей, погибших за счастье великого русского народа. Оно колыхалось на ветру и горело на солнце, словно кровь святая. И разве может спокойно биться

сердце в груди человека при виде его? Кровь миллионов людей окропила его навеки, знамя Победы, гордо реющее над Берлином. Мы почти не слушали свою спутницу, средних лет немку, любезно согласившуюся проводить нас до Рейхстага, не спуская глаз с развевающегося красного полотнища, говорящего о грандиозности происходящего. Фрау эта показала нам главные государственные здания города. Точнее то, что от них осталось. Международную гостиницу, здания посольства и имперского банка, которые были расположены в центре города и служили указателями берлинских улиц.

Подойдя вплотную к Рейхстагу, мы увидели здание, которое было всё разрушено. И только контур стен, если смотреть издали, походил на здание. Купол этого величественного, помпезного когда-то сооружения был весь разбит и провален внутрь, представляя собой удручающее зрелище памятника войне. В этих развалинах перед глазами стояли наши города – Сталинград, Киев, Белгород, Минск и так далее, которые эти недочеловеки разбомбили, и надо скорее ехать домой всё восстанавливать. Вовнутрь по строительному мусору мы не пошли, так как там абсолютно было нечего делать. Около Рейхстага были сделаны бетонные будки и подземные ходы сообщения для активной обороны, которые фашистам так и не понадобились, настолько стремительно было наше продвижение войск. Даже остались тут же, под открытым небом, запасы цемента и бетономешалки. Всё было естественно, как будто бригада отошла пообедать. Немка наша растолковала нам, что все эти сооружения служили убежищем для нормальной работы в условиях постоянных бомбардировок. С одной из сторон здание было не так сильно разбито, и мы подошли поближе. И тут на стенах были надписи разного содержания.

«Их путь в могилу – наш путь к Победе!»

«Кратчайший путь в Москву через Берлин!»

«Мой отец был в Германии в 1918 году, а я в 1945 году!»

«Лётчики Громова отомстят врагу за своих товарищей!»

И много надписей, подобных этим. Все они ради одной цели – отомстить врагу, опозорить его, прославить свою Родину, чтобы потомки помнили, какой ценой досталась эта великая Победа. Мы свою Родину прославили, и мы её не опозорили. Потомки должны гордиться нами.

Посмотрев на развалины Рейхстага, мы отправились в резиденцию Гитлера.

Немка показала нам здание Государственного Университета, от которого тоже остались развалины, как и от других подобных зданий.

Вот мы и дошли до дома немецкого главного брехуна Геббельса. Шикарный парк окружал некогда добротный дом, из окон которого министр немецкой пропаганды любовался местным ландшафтом. Теперь от особняка говоруна осталась одна щебёнка, а парк превращён в сплошной бурелом. Не так далеко на этой же улице стоит дом немецкого фюрера Адольфа Гитлера, который в отличие от дома Геббельса авиация союзников не стёрла в порошок. Видно намеренно, от чего наши ребята были не в восторге. Хоть что-то сохранилось. Почти целиком уцелело перекрытие дома, поэтому он сохранил свою форму. Около одного из парадных входов этого, некогда проклятого дворца, мы обнаружили целые ящики с немецкими орденами, аккуратно вложенные в красные бархатные коробочки с чёрной броской свастикой на алом фоне. Войдя во двор здания, в аналогичных ящиках

увидели ещё несколько сортов орденов, на которых, как правило, что-нибудь изображено и обязательно выгравирована фашистская символика. Пристроившись к одной из групп экскурсантов, мы вошли в дом, где ничего интересного и запоминающегося не было. Если не считать огромного портрета Гитлера, висящего в длинном коридоре и к нашему не скрываемому удовольствию истыканному русскими штыками. Хоть так, но душу отвели.

Сам не застал, отец рассказывал...

САМ НЕ ЗАСТАЛ. ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЛ.

Сколько людей фашист убил.

СВОЮ ИДЕОЛОГИЮ НАВЯЗЫВАЛ,

Дома поджигал и не тушил.

ДЕВЧОНОК ВЕСЕЛО НАСИЛОВАЛ,

СТРЕЛЯЯ ПОСЛЕ НАДРУГАСЬ,

ДЕДЫ КРЕСТИЛИСЬ ОТ БЕССИЛИЯ,

Убив почуявшего власть.

Война была страшна, кровава,

Наши отцы имели право

Врагов своих в плен и не брать,

Детей убивших, жену, мать.

Горели хаты, сады тлели,

Враги наглели и смелели,

Бомбили наши города,

Чёрной волной пришла беда.

Давили танками машины,

Смешав тела с сыпучей глиной.

Стрелял с крестами самолёт,

*Гражданских беженцев поток.
Сияло зарево пожаров
От вражьих авиаударов,
Опыт забыл уроков старых,
Святую Русь не победить.
От Москвы погнали гада
То ополчением, то с парада,
Как мусор отмели от Ленинграда
Мы русскою зимой.
Снег разгорался, мороз таял,
Когда дрались за город Сталин.
Свою страну отцы спасали,
Идя на смертный бой.
Там на Мамаевом кургане,
Что сложен был из тел.
Узнал враг всё о русской славе,
Сдаваясь кучей в плен.
Затем был Курск, горели танки,
Машины в куче, словно банки.
Познал в тот день, как тени ярки,
Враг, наш рукопашный бой.
Так везде, повсюду было,
Стреляло, горело и крушило.
За Русь святую, врагам мстила,
Великая, могучая страна.
Нам не забыть, подвиг великий
Богатырей дедов, отцов,
Наших партнёров, смешны крики
В обиду, не дадим дедов.
Спасибо скажем тем, кто живы,*

*В пояс поклонимся, тем, кого нет,
Цветы возложим на могилы.
Гордимся мы, тобою дед.*

ПОМНИМ

*Сынки собрались поутру,
Смотрю, глаза горят,
В бессмертном полку они пройдут,
Я проводил ребят.
Гордась, несут своих дедов,
С портретами прошли,
И тут не нужно даже слов,
Поклон им до земли.
Тем, кто врага в дом не пустил,
Родную землю отстоял,
Кто дрался ради нас и жил,
Мир всем народам дал.
Пусть то немного, что есть,
Что можем, отдадим,
Они сегодня с нами здесь,
Бодры и полны сил.
Потомки, внуки их несут,
Многих правнуки уже,
В наших сердцах деды живут,
Бессмертны с нами все!*

Было

*Мать, провожая на войну отца,
Шептала: «Ты вернись.
Я встречу всякого тебя.
От пули берегись».
А он суровый уходил,
В глаза ей не смотрел,
Как-то невесело шутил:
«Как мало я успел...»
Везла полторка его,
А там и паровоз.
Война жестокая была,
И было не до слёз.
Сидя в окопе он писал:
«Сегодня тишина,
И ночью как-то не спалось...»
Вокруг была война.
Что испытал, не рассказал.
Зачем её пугать.
Врага победят, твёрдо знал,
Ей надо только ждать.
Она читала между строк –
Он там, где бой идёт.
Лишь бы вернуться домой смог,
А там всё заживёт.
Он «За Сталина !» кричал,
Даже когда спал,
Морщин своих не замечал,*

*Как от войны устал.
Рыдали вдовы тут и там,
Лица как ночь черны.
Один из сотни шанс был дан
В рулетке той войны.
Судьбы прокручен барабан –
Отец пришёл домой,
От радости немножко пьян,
От счастья весь чумной.
А мать встречала и ждала,
Пусть чуть и постарел,
Зато красавица ждала,
Ждала, как он хотел.*

О себе

*Я был начальник и рабочий,
Я лил металл, мешал бетон.
И напролёт писал все ночи,
Как в землю Русскую влюблён,
Когда мыл золото на Лене
И покорял сверхвысоту,
Когда в суровый день осенний
Кормил собою мошкарю.
Мои печати в Уренгое,
Где я варил газопровод.
Я – врач, я – сварщик, я и воин,
Как много у мужчин дорог.*

**О чём писать есть и не стыдно,
Что вот уже на склоне лет
Мне стало очень много видно,
На что ответа просто нет.
Труд, моя жизнь, богатство – дети.
Для них я жил и всё чего-то ждал,
А жизнь прошла, когда и не заметил.
Её не прожил, словно пробежал.
В детях узнаю свою я веру в вечность,
Одна беда – закат есть и рассвет.
Осталась где-то там моя беспечность,
Куда возврата, жалко, нет.**

Ольга Губина

г. Ялutorовск

Дед Тимофей

*Моему деду, Четвёркину
Тимофею Дмитриевичу,
погибшему 22 сентября 1942
года под Сталинградом,
посвящается.*

***Мне снился дед, которого не знала,
Мой дед, что не пришёл с войны.
Его я много лет искала, но информации так мало.
Лишь только снились эти сны.***

***Живой, без ног обеих. В страшных шрамах,
Но узнавали мы друга вмиг...
Я обнимала деда со слезами,
А он, доверчиво к плечам моим приник.***

***Ему на ухо тихо я шептала:
– Так ты живой?
– Живой, – он отвечал.
А утром я опять ответ искала,
А вдруг, и правда жив, и ждёт меня.***

*Найти его, в каком краю не знаю,
Я помню лишь обрыв и керамзит,
Да жимолость с обрывистого краю
И госпиталь, какой-то, горем стих.*

*Нет ни названия, ни вех приметных,
Чужая снилась мне земля.
Лишь в памяти печалей светлых,
Его усталые глаза...*

*Зашла на сайт, там «похоронка»,
Что бабушке так долго шла,
А в сердце слёзная воронка –
Нашла его, нашла, нашла!*

*Погиб мой дед под Сталинградом,
В сорок втором, среди других,
Пал под лавиной пуль, снарядов,
Собою Родину закрыв.*

*Он рядовой и безымянный
Под камнем общим крепко спит.
Там, где Синявские болота,
Мемориал для них отлит.*

*Он был стрелком «второй ударной»,
Что полегли, погибли все.
Осталась горсточка от армий
На том кровавом рубеже.*

*Есть мемориал на Малауксе,
И камень памятный гранит,
Там написали просто грустно,
Триста семьдесят четвёртая тут спит.*

*Их, безымянных, там две тысячи
И двести двадцать семь стрелков,
А может, кто-то тоже ищет
Своих родных – фронтовиков?*

*А я хочу приехать к камню,
И горсть родной земли отдать,
Чтобы для бабушки-солдатки,
Земли святой – кровавой взять.*

*И увезти в Сибирь, в глубинку,
К могиле бабушки родной,
Чтобы отдать и ей кровинку,
Того, кто не пришёл домой.*

*Она ждала его до смерти,
Не веря в то, что он погиб,
Передала нам «и вы верьте»,
Лоя с надеждой двери скрип.*

*Нашёлся дед, погиб в бою,
Я знаю, где он захоронен,
И в сердце память сохраню
«Простой солдат, советский воин»!*

Мой дедушка

*Моему деду, Четвёркину
Георгию Александровичу,
лейтенанту 2-го Белорусского фронта,
погибшему 24 февраля 1945 года, посвящаю.*

О папином отце я знала с детства, смотрела фотографии, на которых улыбался молодой красавец лейтенант. На одной фотографии дедушка был в форме старого образца, с «кубарями» и буденовке, а на другой – в новой офицерской форме.

О нём мне совсем немного рассказывали папа и дедушкины сёстры, баба Маруся и Баба Таня.

Папа получал какую-то доплату как сын погибшего офицера. Но где и как он погиб, никто не рассказывал.

В 2019 году я начала искать информацию о своих дедушках на сайтах «Мемориал».

Однажды, по своим делам, случайно оказалась в Исетском краеведческом музее, разговорилась с научным сотрудником, и он рассказал мне историю одного офицера, Четвёркина Георгия. Я ему поведала, что ищу сведения о дедах Егоре и Тимофее.

Зашли к нему в кабинет, и с экрана на меня смотрело знакомое до боли лицо моего умершего папы, только в офицерской форме.

- Это мой дедушка Егор, – сдавленно проговорила я.

- Нет, это Георгий! Я Вам сейчас про него рассказывал, – убеждал меня сотрудник музея.

Мы зашли на сайт, по личным данным выяснили, что это, действительно, мой дедушка. Просто имя Георгий, Егор, Юрий, как-то вольно трактовалось писателями. А дедушку Егором звали в родной деревне, но когда он же-

нился во второй раз и переехал в Омск, он поменял имя, на более звучное – Георгий.

Лейтенант Четвёркин Георгий Александрович был начальником инженерной службы 273-го стрелкового (впоследствии Гданьского) полка внутренних войск 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР Управления войск НКВД по охране тыла 2-го Белорусского фронта (2-го формирования), участник боёв за восточную Пруссию.

Родился он в 1908 году в селе Красногорское Исетского района Тюменской области. Член ВКП(б). Рабочий.

Был у него единственный сын (от первого брака) Степан, мой папа.

В армию был мобилизован в 1941 году Исетским РВК.

В Польше шли бои, до Победы оставалось ещё 75 дней. Всего семьдесят пять дней, и он бы вернулся домой...

24 февраля в деревне Острово дед Георгий подобрал 2 фашистских гранаты, фашисты уже делали их из бетона, начиняли болтами, гайками, гвоздями и прочим железным хламом. Дед нашёл гранаты и как сапёр решил рассмотреть их.

Одну гранату он бросил, а вторую, тщательно осмотрев, решил метнуть, дёрнул за крючок взрывателя, граната взорвалась в его руках, ранения в грудь, лицо и шею. Через две минуты дедушка умер.

Был он похоронен в польском местечке Линкс на «братском кладбище».

Но сейчас историю перекраивают. В Польше нет больше этого кладбища.

Никто и никогда, ни внучка, ни его правнуки, не смогут возложить красные гвоздики на могилу погибшего воина. Но я помню, я рассказываю о дедах своим внукам.

Чтобы помнили, знали, гордились.

Если на земле хоть один человек помнит погибшего солдата, он не погиб, он жив.

По весне, когда возвращаются с юга журавли и их радостный клич несётся над головой, я верю, что это мои дедушки, пролетают над родной стороной и говорят нам, своим потомкам, чтобы мы помнили.

Тамара Тонина

г. Чита

Шумел сурово Брянский лес

Глава 1. Моя бабушка, отец и мать

Моя бабушка, Нина Никаноровна Кирсанова, очень любила вставлять в свою речь пословицы и поговорки. Своим детям, Мише и Даше, она чуть ли ни каждый день говорила: «Без труда не вынешь рыбку из пруда» или «Любишь кататься, люби и саночки возить». Если в школе на собрании учитель ничего не говорил плохого о ее детях, она на обратном пути шла молча. Но если были замечания, то на обратном пути, она, подняв вверх указательный палец, говорила: «От осинки не родятся апельсинки». Это она намекала на своего покойного мужа Семена Ивановича Кирсанова, который любил за-

ложить за воротник, прогуливал работу и в конце концов замерз под чьим-то забором.

Но все обошлось, ее дети оказались не хуже других. Мы жили на станции Унеча Брянской области. Это был крупный железнодорожный узел, и почти все мужское население работало на железной дороге. Мой отец, Михаил Семенович Кирсанов, окончил шесть классов и поступил в школу фабрично-заводского обучения. Обучение продолжалось шесть месяцев, все это время он находился на полном государственном обеспечении, что, конечно, помогло семье в материальном плане. 1 марта 1941 года отец получил корочки, где было прописано, что он получил профессию слесарь-ремонтник подвижного состава на железнодорожном транспорте.

Сразу же поступил на работу в паровозное депо слесарем. В сентябре планировал поступить на курсы и выучиться на помощника машиниста паровоза. Но его планам не суждено было сбыться. Началась война. Отцу в июне 1941 года было шестнадцать с половиной лет, и призыву в армию он не подлежал, но все тяготы войны испытал на своей шее.

Через несколько дней после объявления войны грузооборот по станции Унеча возрос в несколько раз. Эшелоны с техникой и людьми шли только на восток. С запада шли пешие люди – беженцы. Выходные дни были отменены, рабочий день продолжался четырнадцать-пятнадцать часов в сутки, причем в бригаде остались одни мальчишки, как Миша. Слава богу, что бригадиру Ивану Константиновичу дали бронь как высококлассному специалисту среднего звена стратегически важного для обороны страны предприятия. Бронь получили машинисты паровозов и их помощники, начальник станции, диспетчер. Все остальные, достигшие

восемнадцать лет и до сорока девяти были призваны на фронт. Потом начальник отдела кадров обошел дворы и позвал на работу стариков, которые уже вышли на пенсию, но еще были в силах работать.

С начала июля начались бомбежки станции. Немцы, понимая, что Унеча – железнодорожный узел, бомбили железнодорожные пути. На восстановление путей мобилизовали мирное население, то есть женщин и подростков. Нина Никаноровна попала в такую бригаду. Маслобойню, где она работала, закрыли к тому времени, а на путях действовала полевая кухня, работников кормили три раза в сутки. Мать и Дашу пристроила в бригаду, хотя той было всего двенадцать лет. Сначала ходили на работу каждое утро, а потом, чтобы не тратить время на ходьбу, жили около путей в палатках и шалашах, благо на дворе стоял июль, дождей не было, стояла сухая солнечная погода.

Работников, восстанавливающих пути охраняла зенитная батарея. Налеты на станцию фашисты проводили в основном ночью. Уставшие женщины и подростки спали после тяжелой работы, как вдруг с неба доносился гул вражеских самолетов. Дежурный по лагерю трубил в пионерский горн. Нина соскакивала, принималась будить Дашу, та просыпаться не хотела, хватала ее на руки и бежала в лес, весь лагерь бежал подальше от железнодорожных путей. Начинали свою работу зенитчики, если удавалось подбить вражеский самолет, весть мгновенно разлеталась по поселку.

Сколько раз хотела Нина собрать котомки, взять детей и влиться в поток беженцев. Сказала об этом Михаилу, но тот и слушать не захотел: «Мама, куда же я пойду, вся станция забита эшелонами, паровозы стоят покореженные от бомбежек, их же делать надо». К тому

же здесь в Унече жили ее престарелые родители. Они тоже отказались под предлогом, что им все равно помирять скоро.

Но все же бог услышал молитвы моей бабушки. В начале августа вышел приказ об эвакуации паровозного депо на станцию Лиски Воронежской области. В один эшелон погружались железнодорожники с семьями и эвакогоспиталь, который с начала войны расположился в школе. Нина простилась с родителями с тяжелым сердцем, ей показалось, что она больше не увидит своих родителей.

Ехали очень медленно. В Брянске поезд поставили на запасной путь, простояли там десять часов, на последующих больших станциях происходило то же самое. Эшелон выставляли на запасной путь и держали там по восемь-десять часов. В первую очередь пропускали воинские эшелоны. На таких стоянках все выходили из вагонов, шли в город за продуктами, в баню и все перезнакомились. Нина познакомилась с медицинской сестрой Галей из эвакогоспиталя, и та позвала ее работать в госпиталь санитаркой. Нина с радостью согласилась, ведь там она будет поставлена на продуктивное довольствие, и еще ей будут платить заработную плату.

Доехали до Воронежа, и там пришлось попрощаться с Михаилом. Раненые поступали в Воронежский госпиталь, а Михаилу следовало ехать в Лиски. Узнали у местных, как далеко Лиски от Воронежа, оказалось, по трассе сто семь километров. Не так уж много. Договорились, у кого будет выходной, ездить, навещать друг друга. Проститься пришлось с медсестрой Галей и остальным персоналом госпиталя. Они были военнообязанными, им поступил приказ выехать в прифронтовую зону для создания нового эвакуационного госпиталя. Нина и еще

одна санитарка, как вольнонаемные, остались в Воронеже. Им выделили маленькую комнатку тут же при госпитале.

Тяжела была работа санитарки. Каждый день на грузовиках привозили раненых. Выгрузка их и размещение по палатам возлагалась на санитарок, кроме этого мыть больных, мыть палаты и коридоры, стирать и кипятить уже использованные бинты, а также постельное белье, помогать медицинским сестрам при перевязках. Невысокая, хрупкая Нина уставала так, что о поездке в Лиски к Михаилу уже не шла речь. Она написала ему письмо на адрес паровозного депо. Тот в ответ написал письмо, где сообщил: «Живу я тут же в депо, в актовом зале. Много семейных пар с детьми, отгородились друг от друга простынями, так и живут. Администрация советует искать комнату или угол у жителей поселка. А так все нормально».

Нина еще раз порадовалась, что устроилась в госпиталь. У них на троих отдельная комната и добираться до работы не надо.

Даша, понимая как тяжело матери, помогала чем могла. Мыла полы, сворачивала высохшие бинты, кормила лежачих раненых, писала письма родным. В конце августа к Нине подошел главврач, похвалил ее дочь за помощь, но в приказном порядке велел Нине записать Дашу в ближайшую школу. Первого сентября 1941 года Даша пошла в шестой класс.

Год прожили нормально. Работа тяжела, своей жилплощади нет, но зато нет бомбежек, и Даша учится. Но в июне 1942 года фронт приблизился к Воронежу. Над городом появились немецкие бомбардировщики, начались бомбежки. В это время у городских властей уже были инструкции, что делать населению. Выла сирена,

по радио сообщали о начале обстрела, все бежали в бомбоубежище. Все осложнялось тем, что сначала надо было перенести в бомбоубежище лежачих раненых, а уж потом идти туда самим. В короткие сроки лежачих раненых эвакуировали подальше в Сибирь, сам госпиталь перевели в поселок Бутурлиновка, что в восточной части Воронежской области, и разместили во Дворце культуры.

Переезд в Бутурлиновку стал для Даши судьбоносным. Там она закончила седьмой класс и по направлению госпиталя поступила на курсы подготовки медицинских сестер. Бутурлиновские курсы славились отличной подготовкой будущих медицинских сестер. Всю жизнь Даша радовалась подарку судьбы, куда бы она в дальнейшем не поступала, из всех претендентов предпочтение отдавали ей.

Все два года госпиталь с замиранием сердца слушал по радио сводки Совинформбюро. После Сталинградской битвы в феврале 1943 года сводки начали радовать. Немцы покатались на запад, ежедневно передавали сообщения об освобождении какого-нибудь населенного пункта. 23 сентября 1943 года неповторимый голос Левитана провозгласил: «Войска Брянского фронта продвинулись на двадцать километров, с боями овладели железнодорожным узлом Унеча». Нине захотелось побежать, собрать немудреные пожитки и ехать в родные места. Как там отец с матерью, соседи, коллеги по работе? Потом опомнилась. Куда же ехать, если через неделю Даша начинает учебу на курсах. Ограничилась тем, что написала письмо Михаилу. Не прошло и недели, как Михаил сам явился в Бутурлинск, да не один, а с девушкой. Оказывается, вышел приказ всем железно-

дорожникам ехать обратно в Унечу для восстановления путей, паровозного депо и подвижного состава.

Девушка при знакомстве назвалась Верой. Михаил, переминаясь с ноги на ногу, заявил, что Вера его жена. «Как же так? Почему мне не сообщили? Так вы зарегистрированы или так живете?» – удивленно воскликнула мать. Вера достала из маленького чемодана свидетельство о регистрации. Нина раскрыла его и ахнула. Дата регистрации – 1 сентября 1943 год.

– Как, вы только сегодня зарегистрировались?

– В девять часов утра, сейчас на законных основаниях поедет со мной в Унечу, – пояснил Миша, – а то и в вагон со мной не пустили бы. Ну, ладно, мать, мы торопимся. Пришли попрощаться, а где Даша?

– Миша, сразу по приезду иди к бабушке и дедушке, как они там. Напиши мне, не поленись. Даша на курсах, первый день занятий сегодня. Эх, как бы я хотела поехать с вами, но не оставишь ведь Дашу одну здесь.

Письмо пришло через месяц. Адрес на письме-треугольнике написан чужой рукой, не Михаила. Сердце заныло от предчувствия беды. Развернула, стала читать. Письмо написала Вера, сразу же пояснив, что вести плохие, поэтому Михаил все не решался написать матери, но Вера решила, что правды не утаить. Дальше она писала, что ее родители, соседка Зина с двумя несовершеннолетними детьми и еще множество людей были взяты в заложники. 22 июня 1942 года партизаны взорвали немецкий бронепоезд, где находились офицеры. На следующий день из домов, где кто-то еще оставался, взяли заложников. В тот же день их расстреляли, похоронены они в общей могиле. Рыли эту могилу они сами. Дальше она писала, что их дом и дом родителей сго-

рели, а они с Михаилом и другие работники железной дороги живут в здании школы.

В голове как молния пронеслась мысль: «Господи! За что это все нам?», потом в глазах потемнело, и она упала на пол. Хорошо, что читала она письмо в коридоре, ее увидели, принесли нашатырный спирт, унесли в комнату, поставили успокаивающий укол.

В связи с нехваткой квалифицированных медицинских кадров, обучение на курсах длилось двенадцать месяцев без выходных и каникул. Первого сентября 1944 года Даша получила диплом медицинской сестры. К тому времени госпиталь переехал опять в Воронеж, теперь Даша жила при госпитале на полных основаниях. Впрочем, вскоре она вышла замуж и переехала жить к мужу.

Моя бабушка Нина приехала в Унечу в марте 1945 года. К этому времени Михаил получил разрешение на строительство дома на участке соседки Зины, погибшей вместе с детьми. Но дом он построил один посередине двух участков на две половины, одну для себя и Веры, другую для матери и Даши. Построил – это не то слово. Строились еще долго, но это отдельная история.

Глава 2. Я родился

Я, Алексей Михайлович Кирсанов, родился 9 мая 1945 года. Моя мать Вера так пела и плясала, да еще выпила самогону за победу, что к вечеру у нее начались схватки. За полчаса до двенадцати ночи я появился на свет.

Я счастливый человек. В те времена моим друзьям никто и не думал отмечать дни рождения. С того вре-

мени, как я себя помню, у нас в семье это был главный праздник. Время было голодное, но 9 мая у нас на столе кроме картошки и огурцов стояли тарелки с холодцом и соленым салом. Бабушка убирала все с комода, там ставились фотографии погибших родителей бабушки, соседки Зины с детьми, слесаря Коли из бригады отца, и около каждой стоял граненый стаканчик с водкой, прикрытый ломтем черного хлеба. В гости приходили соседи, для меня самый желанный был дядя Костя. Он всегда приходил с гармошкой. Сначала стоя и молча поминали погибших, отец начинал сожалеть, что уехал в Лиски:

– Зачем я уехал, партизанил бы лучше, вон как Колька.

На что бабушка говорила ему:

– А кто бы станцию и депо восстанавливал? Ты еще молодой, а всю спину надорвал, маешься.

Потом пили за победу, третий тост за мой день рождения. После этого дядя Костя брал свою гармонь и заводил: «Когда б имел золотые горы». Я, как зачарованный, смотрел на руки дяди Кости. Вот бы мне так же! Дядя Костя, наверное, прочитал мои мысли и стал учить меня игре на гармошке. Через два месяца я уверенно играл «Когда б имел золотые горы». Потом освоил «Катюшу», любимую отцом «Вернулся я на Родину». Но гармонь мне не купили, все деньги шли на строительство дома. Мы долго жили с бабушкой на одной половине. У меня есть сестра Ольга, на четыре года моложе меня. Теперь нам с сестрой пришлось слушать из уст бабушки нравоучительные пословицы. Уже в зрелом возрасте, пройдя ряд испытаний, приготовленных для меня судьбой, я пришел к выводу, что одной своей пословицей бабушка накаркала мне ее. А, может, хотела предостеречь? Так и стоит перед глазами баба Нина с поднятым вверх ука-

зательным пальцем, утверждая: «Счастье без ума – дырявая сума».

Музыкантом я не стал, а продолжил дело Кирсановых по мужской линии, стал железнодорожником. На работу я поступил после окончания ПТУ в 1962 году, уже не в паровозное, а локомотивное депо. К этому времени на европейской части СССР с паровозной тяги перешли на тепловозную, я стал работать слесарем в цехе по ремонту контрольно-измерительных приборов.

Большую ошибку я совершил с женитьбой. В 1963 году я был призван в армию. Служил я на станции Наушки Бурятской АССР в мотострелковых войсках. Не успел я прослужить четыре месяца, как получил письмо от матери. Мать писала: «Скоро наш дом снесут, на этом месте будут возводить пятиэтажные кирпичные дома. Нашу семью будут переселять в уже построенный дом. Он еще не готов, но я ходила туда с соседками, мне понравилась трехкомнатная квартира, двухкомнатная тоже ничего, а однокомнатная очень маленькая. Если будут давать квартиры по существующей прописке, то мы, то есть я, отец, ты и сестра получим трехкомнатную, а баба Нина однокомнатную. Надо тебе срочно жениться, сынок, выписаться с нашей половины и прописаться с женой в половине бабушки. Тогда и вы получите трехкомнатную квартиру. Я недавно видела твою Таню. Мне она нравится, серьезная, красивая, не сидит ни у кого на шее, работает в детском саду воспитателем. Если ты согласен, то я переговорю с ней, а дальше решим, что делать». Я ответил: «Делайте, как считаете нужным». Почему я не написал, что плохо знаю эту девушку, что познакомились на танцах и всего два раза сходили в кино. Еще она была у меня на проводинах в армию. О женитьбе на ней я совсем не думал. Буквально через десять

дней с момента отправки письма матери, в часть явилась моя мать с Таней. Они сообщили мне, что приехали со справкой от гинеколога. Я посмотрел эту справку, там сообщалось, что Звягинцева Татьяна Дмитриевна беременна, срок беременности 16-17 недель. Мать, видя мое удивленное лицо, сказала:

– Это неправда, но так надо.

Колесо завертелось. Мать с Татьяной явились к командиру части, показали справку и просили отпустить меня на регистрацию брака. Командир вызвал меня и отечески похлопал по спине:

– Ну, что скрутили молодца по рукам и ногам? Ничего, создашь семью – ячейку нашего общества, а ребенку негоже родиться без отца. Я написал ходатайство в ЗАГС, дадим тебе отпуска пять дней, езжай в Улан-Уде, регистрируй брак.

– Так точно! – гаркнул я.

Мы поехали в Улан-Уде, поселились в комнате отдыха пассажиров на вокзале, мать с Таней в женской комнате на шесть человек, я в аналогичной мужской. Зарегистрировали брак без проблем, но мужем и женой мы не стали, негде было. Честно говоря, я был рад такому обстоятельству, Таня и я были чужими друг другу. Потом, когда я влюбился по-настоящему, и меня колбасило и трясло, я понял, что обладать любимой женщиной можно и под кустом.

Пока я служил в армии, дом для переселения достроили и нашей семье дали две двухкомнатные квартиры. В одной поселились мать, отец и Ольга, вторую выделили для бабы Нины, меня и моей жены. Таня отказалась жить с бабой Ниной, мотивируя это тем, что будет ждать меня. Я стал получать письма от матери и от Тани. Письма Тани

вмещались в половину тетрадного листа, читая их, я постепенно привык к мысли, что я женатый человек.

После дембеля стали жить втроем – баба Нина, я и Таня. Молодость и основной инстинкт сделали свое дело, у нас родилась дочь Ирина. Баба Нина умерла через семь лет, уже больная помогала растить правнучку. Оставшись в квартире одни, мы несколько лет прожили неплохо, а потом начали ссориться на пустом месте. К тому же я влюбился, как мальчишка в лаборантку нашего депо. Летел на работу, как на крыльях, предвкушая встречу с Катей. Она была разведенкой, ее муж Николай работал путевым рабочим и каждый день, по словам Кати, приходил с работы пьяным. Таким явлением, как пьянство, в те годы никого не удивишь. В нашей бригаде было заведено, получил первую получку – проставляйся, пошел в отпуск – проставляйся, родился в семье ребенок – обмывай, а в праздники сбрасывались и, не заморачиваясь, отмечали. Водка, плавленые сырки, килька в томате, хлеб и все довольны. А на работе у Николая, когда бригада работает от зари до вечера под открытым небом в любую погоду, без этого не обойтись.

У них был маленький сын Андрей, жили они в однокомнатной квартире, разменять которую было невозможно. Квартирный вопрос в те годы стоял остро. Продать нельзя, снять можно только флигель во дворе частного дома. Катя думала, что после развода Николай найдет другую женщину и уйдет. Но Николай и не думал никого искать. Отработал, напился и спать.

Наш брак с Таней, основанный на лжи и меркантильных соображениях, рассыпался как песочные фигуры на пляже от небольшого ветерка. Мы развелись и стали разменивать квартиру, но наша «трущоба» на две однокомнатные квартиры не тянула. В конце концов, мы

нашли такой вариант, однокомнатная квартира и домик на дачном участке. Домик был маленький, но из бруса, с печкой, железнодорожная станция близко, и я согласился. Наши путешествия по чужим дачам закончились. Катя стала приезжать ко мне на дачу по субботам и воскресеньям. Переехать ко мне насовсем она отказалась, ссылаясь на то, что садик для Андрея был недалеко от ее дома.

В марте 1985 года на пост Генерального секретаря ЦК КПСС заступил Михаил Сергеевич Горбачев. В стране началась перестройка. В нашем депо целый год никаких перемен не происходило. Но уже в мае 1986 года по депо пошел слух, что вся дорога РСФСР переводится на работу по методу Белорусской железной дороги. Знающие люди говорили, что это означает большое сокращение работников, не пять-шесть человек как раньше, а 10% от количества работающих. Рабочие горячо обсуждали этот вопрос. Я тоже не оставался в стороне. В журнале «Наука и жизнь» мне попала статья американского экономиста Д. Скотта Синк «Экономические вопросы вашего предприятия». Меня удивила его трактовка понятия «производительность труда». Я взял листок и переписал эту формулу. В июле 1986 года на доске объявлений появилось объявление, в котором говорилось, что в пятницу после работы состоится собрание по вопросу перевода депо на Белорусский метод. Красный уголок набился до отказа. Над сценой красовался лозунг «Экономика должна быть экономной». В президиуме сидели представители вышестоящих органов. Доклад делал наш начальник Олег Иванович Панов. Он начал свое выступление с высказывания Ленина: «Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное...». В его речи красной

нитью прослеживалась мысль: «Оптимизация трудовых резервов», а также он назвал дату перехода на новое штатное расписание – 1 июля 1987 года. Потом он призвал коллектив:

– Товарищи, в эти двенадцать месяцев мы должны хорошо поглядеть вокруг себя и найти людей, не загруженных полный рабочий день. Если вы согласны выполнять работу этого товарища, надо прийти к экономисту Варваре Дмитриевне, написать заявление и в дальнейшем вы будете получать доплату от 30% и выше к своему тарифному окладу, выполняя работу свою и этого работника. У кого есть вопросы, прошу, задавайте.

Я поднял руку, начальник сел в президиум, а я встал на его место:

– Варвара Дмитриевна, подскажите, пожалуйста, по какой формуле вы рассчитываете производительность труда?

Варвара Дмитриевна, дама предпенсионного возраста, встала и прогудела:

– Ну, это же прописные истины. Выполненный объем работ делится на количество людей, выполнивших ее.

– Товарищи, – сказал я, – эта формула бесчеловечна. У нас повсюду расклеены плакаты о вредности курения, алкоголя. По телевизору идут передачи о вредных пестицидах в овощах и фруктах. А давайте проведем среди народа референдум. Зададим вопрос, какой фактор на их взгляд самый вредный. Я уверен, что люди на первое место поставят сокращение и последующий пинок под зад за ворота родного предприятия.

Тут я достал из кармана листок:

– Мне недавно попала статья американского экономиста. Имя не знаю какое, а фамилия Д. Скотт Синк. Он предлагает совершенно по-другому считать произ-

водительность труда. Вот что он пишет: «Производительность в строгом значении этого слова представляет собой отношение между количеством продукции, произведенной данной организацией и количеством затрат, использованных той же организацией, а именно энергетические затраты, оплата труда, материалы, амортизационные отчисления». Проще говоря, следует соотнести то, что система дала, с тем, что она потребила. Может, и нам озадачить ученых на производство дешевых материалов, производство дешевой электроэнергии, посмотреть, может, у нас есть лишние здания или площади, которые надо топить и освещать. А от людей отстать, в конце концов. Человек должен быть в коллективе, сознавать, что он маленький винтик большого механизма. А без этого осознания потеряется понятие Родина. Работникам, которые не заняты целый день, предлагаю сделать рабочий день пять-шесть часов, а если кто-то будет выполнять работу за двоих, то пупок надорвет. Получится, те, кто остался не люди, и кто за воротами – не люди.

Пока я говорил, в президиуме от одного к другому ходила записка, потом она попала в руки Панова. Он встал, отодвинул меня от ораторской трибуны:

– Ты, Кирсанов, говори да не заговаривайся. Формулу он американскую вычитал. У нас с Америкой разговор короткий, догнать и перегнать. А если взять космос, то уже перегнали. У нас с нашей формулой нет безработицы, а у них есть. Наши люди после сокращения плавно перетекут в другие отрасли, где нехватка людей. Пока нами руководит коммунистическая партия, людям нечего опасаться.

Потом он поглядел в бумажку:

– Садись, нечего здесь космополитизм разводить.

Через неделю меня поймал патруль ВОХР, в тот момент, когда я пытался подлезть под вагон. Он попросил у меня документы и выписал штраф. Из-за этой процедуры я опоздал на работу на пятнадцать минут. Мастер потребовал с меня объяснительную за опоздание. Я написал. Еще через неделю ситуация повторилась. Меня вызвали в отдел кадров. Кадровик Борис Иванович, не глядя на меня, сообщил:

– За два опоздания в течение месяца вам вынесен выговор с занесением в личное дело. Распишитесь, что ознакомлены.

Я понял, что меня загоняют в угол. Какой же я дурак, что поверил рассказам Горбачева о плюрализме мнений. Государство, как было ломом, так им и осталось. А против лома нет приема. Потом в цехе состоялось собрание. Мастер озвучил повестку дня: «В целях повышения производительности труда нашему цеху дали план сократить два человека. Я думаю, мы не будем кидать бумажки в шапку и тянуть, что кому достанется. У нас есть нарушители трудовой дисциплины Кирсанов и Борисов. Думаю, на их кандидатурах мы и остановимся. Но вам повезло, вас переведут в инструментальный цех с понижением на один разряд. Кто за? Прошу голосовать». Цех проголосовал единогласно.

Я отремонтировал отцовский «Москвич» и стал ездить на нем на работу. Не успел я оправиться от одного удара, как последовал другой. На выходные ко мне не приехала Катя. Я прождал ее всю субботу, а вечером поехал к ней домой. Дома никого не оказалось. Я вышел на улицу, зашел за дом, сел на детской площадке. Немного погодя услышал смех и Катин голос. Я вышел и остолбенел. К дому шли Катя и Николай, между ними шел счастливый Андрюша. В понедельник я улучил сво-

бодную минуту и помчался в лабораторию. Катя, увидев меня, только вздохнула.

– Катя, что происходит?

Катя увела меня в коридор и там, не глядя мне в глаза, сообщила: «Мы с Колей решили начать все сначала. Андрюша скучает по отцу. Да и Коля тоже без нас не представляет себе жизнь. Забудь меня, найди другую женщину». Повернулась и ушла.

Душа одновременно испытала ярость, отчаяние и муку. Потом все это сменилось чувством безысходности. Я не мог работать. Возникшее чувство безысходности вышло из-под контроля. В обеденный перерыв я пошел в раздевалку, переоделся, сел за руль и поехал, не понимая куда. Исколесив город, я выехал из него и поехал по трассе. Потом поглядел на часы. Обеденный перерыв закончился двадцать минут назад. Теперь меня уволят по статье за прогул. Но меня это не волновало. Я впал в оцепенение, у меня не было сомнения в том, что только смерть заберет с собой все заботы и неприятности. Асфальт закончился, я поехал по лесной дороге. Но вот и лесная дорога превратилась в тропинку. Я достал из багажника веревку и пошел в лес. Стоял чудный августовский полдень. Весь лес был погружен в прозрачный воздух и тишину. Каждая мелочь лесной жизни врезалась в память. Наконец я вышел на очаровательную полянку, огромные ели окружали ее, сама же полянка была усеяна земляничником. Я наклонился, приподнял листья, сорвал ягоду и потом уже не мог остановиться. Вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд. Но кто может здесь быть в глуши? Я обошел всю поляну – за деревьями никого нет. Стал подыскивать сук потолще. На облюбованный сук накинул веревку, принес два булыж-

ника, поставил один на один, встал на них и затолкал голову в петлю, глаза закрыл. Прощай, жизнь!

Глава 3. Юрген

Я ударился обо что-то и открыл глаза. Передо мной стоял седой старик с волосами ниже ушей и небольшой бородкой. Я встал и залепетал:

– Здравствуйте! Вы апостол Павел?

– Dussel! (дурак) – воскликнул человек, схватил меня за руку и повел в лес. Мы шли через поляну, и я увидел примятый земляничник, вокруг вековые ели. Да я же здесь был, потрогал шею, ничего на ней нет. Так я не умер! Меня спас вот этот старик. Мы пришли к землянке, около нее находилась печь под навесом, дощатый стол и скамейка. Старик усадил меня на скамейку, поставил тарелку и положил туда картошку в мундирах. Потом затопил печь и поставил на огонь закопченный чайник. Когда чайник закипел, старик насыпал туда сушеной травы, подождал немного и налил чай в две кружки. Я, честно говоря, проголодался, съел всю картошку, приступил к чаю. Чай оказался душистым и вкусным. Я окончательно пришел в себя.

– Леха, – назвалса я и протянул руку старику. Старик осторожно пожал мне руку.

– Юрген, – ответил он.

– Вы из Прибалтики? Откуда? Рига, Таллин, Вильнюс?

– Ich bin deutschen (я немец).

Я изучал в школе немецкий в пятом, шестом, седьмом, восьмом классах. Я могу только сказать по-немецки две фразы: «Mein name ist Алексей» и «Ich lebe in der Советский Союз». Но слово deutschen я сразу понял,

это немец. Но что он здесь делает? И почему прямо за импровизированной летней кухней большой огород с картошкой, морковью, репой?

– Юрген, а ты по-русски шпрехаешь?

Юрген отрицательно покачал головой. Но что же делать? Я этому человеку очень благодарен, он спас меня в минуту отчаяния. А я не могу ничего узнать о нем. Возможно, ему самому нужна помощь. Нужен русско-немецкий словарь, тетрадь и ручка. На лес надвигалась темнота. Я поглядел на часы, девятый час. Завтра с утра надо искать машину, а сейчас неплохо бы поспать. Я приложил две руки к уху, старик повел меня в землянку. Там с одной стороны были сколочены двухэтажные нары. Юрген снял ящики со второго этажа, положил подушку и дал две рваные телогрейки. Одну я постелил на нары, другой укрылся и заснул, приговаривая: «Утро вечера мудренее».

Утром я проснулся раньше Юргена, постарался бесшумно спуститься вниз и открыл дверь землянки. Утренний свет проник в помещение, я невольно поглядел на противоположную сторону от нар. Бог мой! Да тут оружия на шесть взводов. Винтовок штук пятьдесят, многие со снайперским прицелом, семь ручных пулеметов. Юрген зашевелился и сел на нары. Я сделал вид, что ничего не заметил и вышел из землянки, следом вышел Юрген. Он стал колоть дрова для печурки, я взял у него топор и сам наколот дров. У Юргена была зажигалка, чувствовалось, что он ею очень дорожит. Я достал из кармана коробок спичек и протянул ему. Пока кипел чайник, Юрген сходил на огород, нарвал моркови, репы. Позавтракали, чем бог послал. Потом я на земле нарисовал деревья и среди них машину. Долго вспоминал, как по-немецки звучит глагол «искать»:

– Suchen, – и показал пальцем на машину, для убедительности покрутил руками, как будто рулю. Юрген кивнул и повел меня. Сначала мы пришли на земляничную поляну, потом какими-то своими наблюдениями он повел меня дальше. И вот она моя машина! Я нашел перочинный нож в бардачке и пошел обратно делать на деревьях зарубки до земляничной поляны. Потом сказал:

– Юрген, я вернусь.

Первым населенным пунктом оказался поселок Климово, теперь я понял, где нахожусь. Всю дорогу я думал о Юргене и вдруг меня осенило. Он черный копатель. То, что я увидел, тянет на большую сумму. Я размечтался. Куплю себе жилье и ни где-нибудь, а в самом Брянске. Вот тогда Катя пожалеет о своем поступке.

Я слышал от мужиков в депо, что в Брянске на Центральном рынке есть человек, который скупает ордена и медали, берет и оружие второй мировой. «К Юргену надо присоединиться», – решил я. Через два часа был уже в Унече. Сразу поехал на работу, мастер не захотел со мной даже разговаривать, послал в отдел кадров. Там с меня потребовали объяснительную, но вместо нее я написал заявление на увольнение. Получил в кассе расчет и помчался по магазинам. Купил русско-немецкий словарь, тетради, ручку, несколько белых батончиков хлеба, сливочного масла, тушенки, колбасы, две бутылки водки, заварки, конфет и порулил в Климово.

Юрген сидел за столом, когда я подкрался к нему сзади с колбасой вокруг шеи, в одной руке бутылка водки, в другой батон хлеба. Увидев меня, он не мог скрыть радости. Я выложил все на стол и пошел за остальными продуктами. Когда я вернулся, Юрген доедал батон. Я сам у утра не ел, быстро налил в котелок воды, почистил

картошки, вывалил туда две банки тушенки и мы сели обедать. Я налил водки в кружки:

– Юрген, за твоё здоровье! Отныне ты мой первый друг. Я тебе очень-очень благодарен.

Не знаю, понял Юрген меня или нет, но выпил. Потом тост говорил Юрген, из которого я не понял ни одного слова, потом снова я за счастливую любовь. Юрген, видать не с привычки, быстро опьянел, и я увел его на нарты. Утром, когда я вышел на улицу, Юрген уже сидел за столом, пил чай и алчно поглощал конфету за конфетой. Я тоже налил себе чаю, наделал бутербродов с маслом и колбасой. После завтрака взял словарь, тетрадь и написал: «*Wer bist du? Was machst du hier? Schreibe sie* (кто ты, что здесь делаешь, напиши)». Юрген написал так, как будто отвечал на вопросы анкеты. Я до вечера переводил. Вот что он написал:

1. Я – Юрген Шольц, родился 12 марта 1924 года в деревне Тролленхаген, предместье города Нойбранденбург.

2. Отец и мать – крестьяне, у меня две сестры и брат.

3. В 1941 году поступил на курсы радистов, в апреле после медицинского освидетельствования определен в Резерв1, принес присягу фюреру в апреле 1943 года, отправлен на Восточный фронт, в мае 1943 года в составе ягдкоманды заброшен в Новозыбковский район Брянской области в качестве радиста.

4. Ягдкоманда численностью восемьдесят человек расположилась в лесу под видом партизан. 1 июня 1943 года в четыре часа утра партизаны, сосредоточив большие силы, предприняли попытку прорвать окружение. В ходе боя я был ранен в ногу, потерял много крови, перетянув ногу жгутом выше раны, скатился в овраг. Когда все стихло, выполз наружу, ягдкоманда была полно-

стью уничтожена. Партизаны прихватили с собой двух лошадей с телегами, два пулемета, мою рацию, часть продовольственных припасов. Я нашел сумку санитаря, перевязал рану, у меня поднялась температура и не помню, сколько времени я пролежал в землянке. Потом мне стало лучше, я нашел в лесу заросли малины, стал заваривать чай с листьями и ягодами. Понемногу окреп и, опираясь на палку, хотел выйти к своим, но куда бы не шел везде натыкался на русских.

5. Готов понести наказание за бегство с поля боя.

Когда я перевел рассказ Юргена, мне вдруг почудился голос покойной бабы Нины: «Сына, ты никак рехнулся? Кормишь врага нашей страны, водку с ним пьешь. Ты что забыл, что они расстреляли мою мать и моего отца, да еще заставили могилу рыть перед расстрелом. Иуда ты, вот ты кто».

Я схватил тетрадку и понесся в лес, добежал до земляничной поляны, встал под деревом, на котором хотел свести счеты с жизнью. Я поднял голову к небу и закричал: «Но ведь он спас меня в минуту отчаяния. Я обязан ему жизнью». Потом уселся на камень, который сам принес к дереву и задумался. Вернее я прислушивался к тому, что говорила та или другая части моей души. Мне баба Нина рассказывала, что души у нас три: одна частица бога, другая материнская, третья земляная. После смерти божья отлетает сразу, материнская в девять дней, а земляная на сороковой день. Я верю в это. То что остается незыблемым при любом режиме, это – истина. Так вот, одна кричала: «Иуда, забыл, сколько народу положили эти нелюди?». Другая возражала: «Да кто бы он не был, он спас ему жизнь и этим все сказано». А третья говорила: «Хватит вам горячиться, надо разобраться, а такой ли он фашист. Он с 1924 года, в сорок третьем ему

было девятнадцать лет, к тому же он всего лишь радист. Этот бой у него первый, он и не успел никого убить».

Эти последние доводы меня убедили и успокоили. Я посмотрел в небо и сказал: «Баба Нина, он всего лишь радист, здесь у него был первый бой. Он ни одного выстрела не успел сделать, самого сразу же ранили». Пошел обратно к землянке, взял справочник и написал:

«Никто тебя судить не будет. Сейчас другое время. Перестройка. Надо продать оружие и на эти деньги ехать в Москву, в посольство Германии. Тебя переправят в Германию».

Юрген написал в ответ: «Если ты сможешь это сделать, то сделай».

Дальше события стали развиваться с ошеломляющей быстротой. На другой день я поехал в Брянск, в багажнике у меня лежали четыре винтовки, из них две снайперских Мосина с прицелом ПУ, две немецкие Gewehr 43. Нашел на рынке человека, который купил у меня все четыре винтовки. Я выручил за них своих четыре оклада. Намекнул, что оружия такого плана еще сорок пять штук. Он позвал человека кавказской национальности, тот все выслушал и спросил, как забрать. Я договорился с ним, что он приедет завтра в Климово, там я ему все передам. Все прошло без сучка и задоринки. Ближе к вечеру я забрал Юргена и перевез к себе на дачу.

Две недели продавал свою дачу. В тот же день, как получил деньги за нее, мы с Юргеном на электричке уехали в Брянск. В то время на пассажирские поезда паспорт не требовался, и мы благополучно приехали в столицу. Приватизация квартир еще не начиналась, рынок квартир был, но это были кооперативные квартиры, мне хватило только на маленькую однушку.

Не теряя времени даром, поехали в посольство. Меня туда не пустили, а Юрген пробыл там два часа, потом вышел с переводчиком. Тот попросил мой адрес. Я продиктовал. Месяц посольство проводило проверку. Я за это время устроился на работу в метро, слесарем по осмотру и ремонту электропоездов. Потом к нам на квартиру прибыли работники посольства, забрали Юргена, сообщив мне, что все его данные подтвердились и его отправят на Родину.

Я остался один. Катя не выходила из головы. Я позвонил ей по межгороду на работу, позвал жить к себе. Она сообщила, что Николая хватило на недолго, и она согласна. В отпуск теперь мы ездим в Германию в Тролленхаген. Юрген женился там на своей подружке молодости и всегда рад моему приезду. Я иногда смотрю в небо и говорю мысленно бабе Нине: «Нет худа без добра».

Светлана Нагибина

г. Киров

Ваня Иванцов

*Ивану Прокопьевичу
Иванцову – моему деду.*

*В Кочегарах, в прошлом веке
С Мариамной жил Иван.
Кладезь щедрости на веки
Был тому Ивану дан.
Осветил деревню Ваня,
Не читал святых отцов.
Но поднял Победы знамя
Русский Ваня Иванцов.
Остудил семью разлукой
Сорок первого сентябрь,
Четверых оставил с мукой,
Унимая в сердце рябь.
За семью, за Кочегары
Воин вырос до небес.
Небогатые амбары*

**Да невычерпанный лес.
И пошёл пешком из Вятки
Русь от ворога спасать,
Крепко латаны заплатки,
На живом не отодрать.
Был связистом, из пехоты.
Связь катушками тянул,
Пасть звереющей охоты
Тряпкой алою заткнул.
Ранен был легко и раны
На ходу не замечал.
Нашу Ясную Поляну
От фашистов очищал.
Днепр форсировал геройски.
Переправа – сущий ад.
Мир налаживал по-свойски
Русский лапотный солдат.
Выходил из окружений,
Месяцами голодал.
Дал Господь запас терпенья
И ремни из кожи дал.
О войне красиво пишут
Для красивого кино.
Наверху герои дышат
Теми лентами давно.
Вши окопные съедали,
Летом тел немых смрад.
Не в красивые медали –
Духом выстоял солдат!
Грязь и вонь – войны дороги,**

*Изуродованный быт.
Кто припас на поле дроги,
Месяцами был не мыт.
Но стоял. Стрелял. И падал
В землю русскую навек,
Неприметный чистый ладан,
Наш обычный человек.
Так Иван и шёл к Берлину,
Глину русскую месил,
Не казал фашисту спину
Изо всех крестьянских сил.
И дошёл, герой лопотный
До лощёной немчуры
И поставил крест добротный
За полёгшие миры.
Велика душа героя,
Щедрость, данная навек,
Без остатка в поле боя
Вынул сердце Человек...*

Последний герой

*Рядовому Великой Победы,
Иванцову Ивану Прокопьевичу,
моему деду.*

***Деревня* умирала, тужил её солдат**.
Угорами стонала, как тридцать лет назад***.
Последние три дома годами защищал.
Держал он оборону, земли не отдавал.
Поил родную землю трудами много лет.
Повырастали внуки, а помощи всё нет.
По-фронтовому верил - подмога впереди,
Но покосились двери, и шум сильнее в груди.
Покинутые земли привычны к боли ран,
Ушёл с полей последним мой дед-герой, Иван.***

* - деревня Кочегары, родина (находилась в 7 километрах от села Верхосунье).

** - рядовой Победы, Иван Иванцов, связист-пехотинец полка связи Украинского фронта.

*** - в стихотворении описаны 70-е годы прошлого века, тридцатилетие Победы, детские годы автора.

О войне

«НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ,
АЩЕ КТО ПОЛОЖИТ
ДУШУ СВОЮ ЗА ДРУГИ СВОЯ» (ИН. 15: 13)

*Я лет двадцать пишу о войне,
А стихи всё не могут родиться.
Издалёка идёте ко мне,
Обгорелые милые лица.
Я вас помню. В родстве состоя,
Что сказать о величии духа -
Помолившись, за други своя
Отдавали вы жизни краюху...
И летела России душа
По полям, по избитым дорогам,
Миллионами русских спеша
Попросить о прощении Бога.
За безбожье, вошедшее в дом,
За поруганных храмов пустыни.
За застрявший в селе вдовый ком
На погосте платки голосили.
И отвыли любимую Русь!
Кровью полили старую веру.
Оттого и писать не берусь,
Что не высказать подвига меру
Неумелой строкой не хочу -
У гранитного камня молчу.*

Андрей Пучков

г. Сосновоборск

Дед

Меня вели по длинному, скрадывающему звуку шагов, бетонному коридору. За моей спиной молчали три человека, никто из них не проронил ни слова, но я знал, куда меня ведут. Знал с самого начала, с того самого момента, когда открылась дверь камеры, и кто-то невидимый выкрикнул мою фамилию. Несмотря на тишину коридора, мои собственные шаги гремели так, как будто какой-то ненормальный шутник шёл рядом и ударял меня бубном по голове! В конце коридора замаячила дверь, гул в голове от шагов стал стихать, и я с облегчением увидел, как через щели неплотно прилегающего к косякам дверного полотна пробиваются полоски света.

Дверь открылась разом, так, что я от неожиданности остановился как вкопанный. И прежде чем в голове мелькнула мысль о том, что надо бы идти, почувствовал сильный толчок в спину, который буквально вытолкнул меня из распахнутых дверей. Глаза к свету привыкли

быстро, всё-таки в камере я пробыл всего несколько дней, пока шли какие-то разбирательства. А не сидел как некоторые месяцами, а то и годами.

Послышалась команда: «К стене!» Я усмехнулся и, осмотрев кирпичный «колодец», являющийся внутренним двориком большого здания, спросил, ни к кому собственно не обращаясь:

– К которой стене-то? К какой вы больше привыкли?

– Она прямо перед тобой!

Я пожал плечами и пошёл к выщербленной пулями кирпичной стенке. О том, что стена попорчена именно пулями, можно было определить сразу, так как в некоторых сколах красного кирпича матово поблёскивали кусочки свинца. Кто отдавал приказы и говорил со мной, я не мог понять, пытался определить, но ничего не получалось. Всегда выходило так, что, когда я пытался разглядеть говорившего, рты у них у всех оказывались закрытыми. И мне даже казалось, что и ртов-то у них ни у кого не было!

Дойдя до стены, я развернулся и посмотрел на своих сопровождающих, которых почему-то стало уже пятеро, хотя когда мы вышли на улицу, в этом дворике не было никого.

– Отвернуться к стене! – послышалась команда от кого-то из них.

Я опять усмехнулся.

– Всё! Больше я ваши команды выполнять не буду. Я знал, для чего вы меня сюда привели. И знал, почему вы собираетесь меня расстрелять. Вы хотите меня убить только за то, что я сын русского дворянина. А значит, и сам дворянин. А дворянам у вас веры нет! Вы по чьим-то извращённым понятиям считаете, что русский дворянин

обязательно станет предателем родины! А в это тяжёлое для страны время и подавно побежит сдаваться.

Как в замедленной съёмке я видел, как эти пятеро подняли ставшие почему-то очень длинными винтовки, настолько длинными, что я увидел черные зрачки стволов буквально на расстоянии вытянутой руки от себя. Я ясно видел, как эти черные пятна подрагивают словно от нетерпения. Как будто они хотят, как можно быстрее выплюнуть в меня свинец и, выполнив эту важную работу, успокоиться и застыть в тревожном ожидании следующего выстрела.

Но вот гигантские стволы, наконец, замерли и, приблизившись почти вплотную к моему лицу, стали увеличиваться в диаметре. Они расползались в стороны как чернильные пятна на промокашке. Они соприкасались между собой и поглощали друг друга до тех пор, пока не остался только один громадный срез ствола, перед которым я стоял как перед тоннелем. Я судорожно втянул в себя воздух и вдруг понял, что пока происходили эти оружейные метаморфозы, вокруг стояла оглушительная тишина. Это была совершенная, первозданная тишина, и когда послышался металлический грохот, очень похожий на лязг затвора, я понял, что вот сейчас из ствола вылетит гигантская пуля и расплющит меня. Но я ошибся, из чёрного тоннеля вырвалась не пуля, а ярко красный сгусток, который охватил всё моё тело, а потом с невероятным грохотом взорвался в голове...

Я сидел на кровати и, тяжело дыша, смотрел в окно, за которым на столбе висел фонарь и, покачиваясь, разбрасывал по комнате быстрые тени.

– Ты чего так подкинулся? С тобой всё в порядке? – раздался сонный голос жены, и она, сев рядышком, погладила меня по спине.

– Всё в порядке родная, ложись! – пробормотал я. – Просто сон неприятный приснился. Спи.

Тревожные ощущения, навеянные сном, развеялись быстро. Не успел я прибыть на работу, как начался обычный дурдом отделения уголовного розыска, который очень быстро вправил мне мозги и наставил на путь истинный. А через пару дней я уже совершенно забыл о ночном кошмаре.

Рабочий день уже закончился, и служивый народ дружно топтался под большим навесом, укрывающим входную дверь в отдел полиции от непогоды. Шёл дождь и не просто дождь, а сильный дождь, и все, у кого по глупости не оказалось зонта, с завистью смотрели на обладателей оных, которые гордо скакали по лужам, кто к своей машине, а кто на автобусную остановку. Я тяжело вздохнул, моя машина стояла метрах в двухстах, а зонта не было. Пока добегу, промокну насквозь. Подожду, может, какое «окошко» появится, и тогда успею до машины добраться, не вымокнув.

Мне повезло, дождь прекратился, и я, не особо-то и торопясь, добрёл до машины, успел даже сесть и завести двигатель, как непогода разыгралась с новой силой. В салоне было тепло и уютно от работающей печки, окна «затянуло», и я оказался в своём маленьком мирке, в котором меня никто не беспокоил. Откинув спинку кресла, поудобнее устроился и, прикрыв глаза, начал слушать, как по крыше машины топчутся беспокойные капли.

...Теплушку болтало как ненормальную, и я в который раз уже удивился этому. Ну, да, можно сделать скидку на то, что до войны мы ездили в пассажирских вагонах, которые были не такие разболтанные и расхлябанные. Да и на это надо было сделать скидку, и на то, что чинить подвижной состав в военное время просто было неког-

да. Я вздохнул. Всё это, конечно, понятно, но я просто не ожидал, что будет болтать так, что, если не держаться за стенки, можно и свалиться.

– Толик! Хватит там торчать! – услышал я чей-то голос, но не придал этому значения.

– Толь! Давай, иди сюда, обедать пора! Отцепись ты от этого бревна! – совсем уже рядом раздался тот же голос, и кто-то потеревил меня за рукав гимнастёрки.

Но я уже перестал обращать на это внимание. Откуда-то спереди, от головы состава на меня накатывала волна тревоги. Я перегнулся через брус, перегораживающий широкие двери теплушки и, щурясь от встречного ветра, стал внимательно всматриваться вперёд. И я увидел их. Две точки, которые быстро увеличиваясь в размерах, гнали перед собой волну страха. Пара фронтовых бомбардировщиков! Они шли в лоб составу, и я понял, что даже если мы сейчас начнём тормозить, остановиться эшелон всё равно не успеет. И тогда состав начал набирать ход, а навстречу самолётам потянулись хиленькие пулёмётные трассы, которые явно не могли остановить несущуюся навстречу поезду крылатую смерть.

Однако пулёмётчики поработали как надо! От их светлых, прочертивших серое небо полос, самолёты, ощерившись свастикой, шарахнулись в разные стороны. В последний момент я успел увидеть, как они, поднявшись выше, пошли на очередной заход, но уже с хвоста поезда. Опять на меня накатила холодная волна страха, но я, выдержав характер, стал смотреть, как один из самолётов, завершив разворот начал быстро догонять несущийся уже на большой скорости состав. Грохот стоял неимоверный, вагон швыряло так, что на ногах уже

никто и не пытался устоять, а сам я стоял только потому, что крепко держался за дверную перекладину.

И вдруг наступила тишина. Перестало болтать теплушку, и даже лесок, мимо которого мы проезжали, замер размазанной серо-зелёной стеной напротив открытых дверей вагона. И тогда я увидел её! Эта была бомба! Она летела сверху, как будто бы её родило не приветливое серое небо и за ненадобностью избавилось от столь опасного дитя. Я подумал, что наш вагон, наверняка, успеет проскочить под ней. Скорость у поезда большая, мы успеем, успеем!..

Но мы не успели. В давящей на мозг тишине, бомба приблизилась и, зависнув прямо над крышей нашей теплушки, начала медленно на неё опускаться, увеличиваясь в размерах. Я отцепился от перекладины, и чтобы избавиться от страшной тишины, зажал ладонями уши. Не помогло, тишина продолжала грохотать в моей голове, и тогда, закрыв глаза, я прямо сквозь веки увидел, как посередине увеличившейся до размеров вагона бомбы промелькнула ярко-красная полоса, которая рывком увеличившись, выплеснула на меня и на замерший во времени вагон красный сгусток пламени...

Тихо урчал прогретый двигатель, а я сидел, тупо уставившись в лобовое стекло, и несмотря на то, что в салоне было тепло, чувствовал, как по телу пробегают неприятные холодные мурашки. Потом выбрался из машины, передёрнулся от прохладного воздуха и, окончательно придя в себя, опять забрался в машину и направился домой.

– Слушай! А может ты того! Рехнулся?! – с азартом предположила жена, узнав о моей очередной смерти. – Ну, а что! Работа у вас идиотская! Вот и сами вы понемногу становитесь!.. Того!..

– Да ну тебя! – отмахнулся я.

– А, может, ты просто переутомился? У вас же почти всё время «Усиленные варианты несения службы»!

– Да какое там переутомился! – фыркнул я. – К судорогам руководства мы уже давно притерпелись и усиления проводим в каких-нибудь засадах или в кабинетах, совершенствуя мастерство в азартных играх.

– Ну, тогда не знаю. Может, тебя соответствующему доктору показать?

Я удивлённо уставился на неё.

– Ну, а что! – понесло жену, – тебя сразу же на гражданку отправят, дома чаще бывать будешь. Да и дети папу наконец-то в лицо запомнят!

К доктору, разумеется, я не пошёл, так как убийственные сны прекратились, и какое-то время жизнь катилась по накатанной без особых жизненных потрясений.

...Надежда на то, что мы сможем потихоньку форсировать реку в темноте, не оправдалась. Как бы мы не старались соблюдать тишину и маскировку, фрицы нас всё-таки заметили! Заметили и отреагировали, качественно накрыв огнём весь участок переправы. Наше плавсредство могло выдержать шестерых, и вот теперь я стоял на коленях на наспех сколоченном из нескольких брёвен плоту и лихорадочно, изо всех сил грёб обломком какой-то доски. Гребли все! Кто чем мог! Доской, прикладом, каской, сапёрной лопаткой. Гребли лихорадочно, выкладывались до хруста в костях. Все мы понимали, что жизненно необходимо как можно быстрее пересечь эту реку смерти, которая лениво катила свои маслянисто-чёрные воды. Мне почему-то казалось, что эта проклятая река играет на стороне фашистов! Она как будто специально тормозила наш плот, вынуждая

нас как можно дольше находиться на простреливаемом её участке.

Берег приближался. Свист пытавшихся нащупать нас пуль слился в один неприятный тонкий звук, который перемежался тяжкими взрывами, швырявшими вверх тонны речной воды, перемешанной с илом и обломками лодок и плотов. И среди этой поднятой вверх смеси страшно мелькали разорванные тела людей.

– Ребята! Давай поднажмём! Чуть-чуть осталось! – услышал я сквозь грохот разрывов чей-то голос и, обернувшись на него, никого не увидел.

Я остался один на своём плоту! Один! Не поднимаясь с колен, быстро огляделся и опять лихорадочно начал грести. Но через несколько секунд перестал размахивать своей доской и бросил её. Я почувствовал чей-то взгляд, тяжёлый, равнодушный взгляд, такой взгляд надо встречать только с автоматом в руках, и я, перекинув из-за спины на грудь ППШ, уже сам стал вглядываться в близкий берег.

Он был там! Он поднялся мне навстречу! Тёмная безликая фигура выросла из влажной прибрежной земли и, отбрасывая в свете осветительных снарядов корявую тень, направила на меня что-то очень похожее на винтовку. И тогда, направив ствол автомата на эту тёмную фигуру, я нажал на спусковой крючок. В наступившей вдруг тишине я видел, как устремились к ней выпущенные из автомата пули, как они летели, посверкивая своими стремительными телами. Видел, как они, погружаясь в темноту зыбкого тела, заставляют его дёргаться и размахивать ставшими неестественно длинными руками. Автомат перестал вздрагивать, кончились патроны, но своё дело я сделал!

Тёмная фигура, распавшись на части, медленно завалилась в воду и растворилась, оставив на поверхности угольно-чёрное шевелящееся пятно. Терзающая разум тишина не отпускала, она нарастала и нарастала, и когда выносить её стало уже невозможно, я зажал уши руками и, задрвав голову, посмотрел вверх. И там, в подсвеченном мёртвым белым светом осветительных снарядов небе, увидел, как прямо на меня падает снаряд. Он прилетел откуда-то издалека, я знал это, так как на берегу не было сколь-либо серьёзной артиллерии.

Это был мой снаряд, я сразу это понял, а когда понял, пришло облегчение! Исчезла мучительная тишина, и я, вздохнув полной грудью речной воздух, увидел, как снаряд, раскалившись докрасна, растёкся надо мной большой подрагивающей кляксой. Зрелище было завораживающее, и тогда, чтобы лучше рассмотреть это, я встал в полный рост. Как будто ожидая этого, одно из щупалец кляксы метнулось ко мне и, прикоснувшись к моему лицу, взорвалось с оглушительным грохотом, залив меня оранжевым огнём...

«Нда-а-а-а... недолго праздник продолжался...» – вяло шевелилась в голове мысль, когда я среди ночи сидел на кухне и, не включая свет, маленькими глотками прихлёбывал горячий чай.

«Опять, значит, началось! Выходит, зря я обрадовался тому, что не дурачок! А, может, у меня действительно что-то с головой?»

А с другой стороны больным на головушку я себя совершенно не чувствовал. А если не чувствовал, значит,

действительно здоров, и мне надо перестать заморачиваться по этому поводу.

Но, несмотря на принятое решение о своём душевном здоровье, соответствующему специалисту я всё же позвонил. Нашёл в интернете солидную, внушающую нешуточное доверие рекламу, и позвонил. Однако разговора не получилось. Владелец приятного мужского голоса, ответившего на мой звонок, узнав, что мне снятся сны военной тематики, с тревогой в голосе порекомендовал мне немедленно приехать к нему в офис. В офисе, в спокойной обстановке, мы должны будем заключить договор для того, чтобы он мог немедленно начать лечение моего больного сознания. Иначе я очень скоро закончу свою жизнь в психиатрической клинике. Продолжать беседу я не стал.

Сны мне снились часто, самые разные, в любой обстановке, где бы я ни засыпал! Вот и сейчас, чувствуя, что слипаются глаза, я повожился на надувном матрасе, удачно пристроенном под кустами возле реки. Устроился поудобнее и закрыл глаза.

...Взвизгнула сирена, и я, открыв глаза тревожно огляделся. Всё! Прибыли на место, скоро прыжок. Следуя примеру своих товарищей, встал и, чувствуя дрожь в ногах, приготовился. Перед прыжком я почему-то никогда не мог унять дрожь в коленях. Как бы я ни старался, колени всё равно предательски подрагивали. Да! Я боялся! Все мы боялись! Я видел это по напряжённым лицам парашютистов, у меня лицо было точно такое же, я был в этом уверен. Мы боялись высоты, боялись того, что нас может ждать там, на земле. Да, мы боялись, но эти страхи были важны для нас только сейчас, в данную минуту, когда ничего ещё не началось. А когда дойдёт до дела, когда в уши ударит свист ветра, а потом и свист

пуль. Вот тогда страх уйдёт! И останется только ненависть...

Довольно сильный рывок раскрывшегося парашюта, и я, поправив лямки подвесной системы, покачиваясь, стал опускаться в темноту. Здесь, наверху, ночь не была такой тёмной, как там, возле поверхности, и я про себя начал повторять: «Быстрее, быстрее, быстрее!..» Чем меньше мы находимся в воздухе, тем лучше.

Лучи прожекторов ударили сразу с нескольких сторон! Это произошло настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнул. Нам не повезло! Очень сильно не повезло! По всей вероятности кто-то из разведки что-то не доработал, и мы попались. Лучи прожекторов, как ненормально прямые щупальца, судорожно задёргались, выискивая цели. Находили, и тут же к освещённым куполам парашютов тянули свои тонкие бледные пальцы трассера.

Как обычно, когда началась работа, страх пропал и я, привычно освободив ППШ с рожковым магазином, стал бить короткими очередями в те места, откуда велась стрельба по десанту. Белой вспышкой по глазам ударил свет прожектора, и я ослеп! Я не видел ничего, кроме ярко-белого полотна, раскинувшегося перед глазами. Уже не было ночи, не было слышно грохота моего автомата. Не было слышно ничего! Казалось, что звуки сами по себе делятся на непонятные составляющие и затихают, уткнувшись в это слепящее белое нечто.

Я перестал стрелять и, растопырив пальцы, вытянул руку в сторону укрытой белым светом земли. И вдруг прямо из этого света вырвалась и полетела к моей руке тонкая строчка красной пунктирной линии. Она приближалась медленно, как будто не хотела удаляться от светлой поверхности. Я знал, что это такое, и понимал, что

если встречу с этой прерывистой линией, умру. Умирать я не хотел и поэтому попробовал выбрать группу строп, чтобы отойти в сторону!.. Но не смог даже пошевелиться, так и сидел в подвесной системе с вытянутой вперёд рукой.

Приблизившись ко мне, этот медленный трассер стал распадаться на сотни, тысячи красных точек, которые всё множились и множились, пока не заполнил своей краснотой всё вокруг. И далёкое небо, и залитую белым светом землю, и раскинувшийся надо мной купол парашюта. И вдруг я почувствовал, что начал падать прямо в это красное, медленно пульсирующее пространство. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул...

Открыв глаза, я увидел, что ничего не изменилось, я удобно лежал под кустом на своём матрасе. С другой стороны куста стояла палатка, возле которой чаёвничало всё моё семейство. Не торопясь, поднялся со своего надувного ложа, с удовольствием потянулся и пошёл составить им компанию.

– Что, опять кино смотрел? – спросила жена, когда дети убежали купаться. Я взял бутылку с минеральной водой и, согласно кивнув, начал пить нагревшуюся воду большими глотками.

– Надеюсь, ты в порядке?

– В полном!.. Не переживай ты так! – хмыкнул я. – Это даже становится интересным. Как будто смотришь фильм с собственным участием!

– Ладно, артист! Пошли к детям, искупнёмся, – засмеялась жена и, не оборачиваясь на меня, побежала к реке.

Прошло несколько дней, а меня вдруг стало преследовать ощущение, что я чего-то жду, очень жду, а это всё

никак не приходит! Но вместе с тем, я был убеждён в том, что это вот-вот случится.

Вечер был пасмурный, дождливый, делать было нечего, и я решил пораньше лечь спать. К тому же меня не оставляло чувство, что этой ночью опять увижу самого себя, и со мной наверняка что-то произойдёт. Хотя я к этому уже привык, последнее время во сне со мной всегда происходили непонятные для меня события. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что всё, что мне снилось, относилось к Великой Отечественной Войне!

...Выбросили нас удачно! Мы с ходу взяли этот посёлок, практически в рукопашную перебив разместившихся в нём фрицев. Но задачу свою пока не выполнили, нам надо было уничтожить склад с боеприпасами, который разместился на железнодорожной станции. Остался один рывок, однако сделать его мы не могли. Наш десант был прижат к земле огнём из крупнокалиберного пулемёта, на который мы нарвались практически на подходе к станции. Бетонный ДОТ из своей хищной, горизонтальной прорези выплёвывал длинные струи свинца, не давая возможности даже поднять голову. Я завалился в удачно подвернувшуюся канавку и лежал, не решаясь поднять голову, буквально всем телом ощущая, как надо мной мечутся в поисках своей жертвы пули.

Шло время, шло очень быстро. Буквально летело. А это было очень и очень плохо. Из соседнего городка, на помощь уничтоженному нами гарнизону, уже наверняка мчалась помощь, которой мы противостоять, скорее всего, уже не сможем. Надо было что-то делать. Надо было преодолеть этот ДОТ! Вообще-то, я уже знал, что надо было делать. Я лежал ближе всех к нему, метрах в двад-

цати. Надо было только бросить гранату. Но бросить её так, чтобы она влетела через амбразуру вовнутрь. Иначе толку никакого не будет. Я перевернулся на спину и посмотрел в удивительно синее и чистое небо, оно было настолько чистым и ярким, что я непроизвольно задержал дыхание. Надо же, а я уже и забыл, что высота может быть такой пронзительно-красивой. Жаль, не увижу больше... такого ...неба...

Для того чтобы бросить гранату, надо встать! И не просто приподняться и бросить, а именно встать! Встать во весь рост, затем склониться вправо и бросить гранату так, как когда-то я бросал с сыном камешки на озере. Мы с ним искали плоские камешки, а потом кидали их, чтобы они рикошетили своей плоской поверхностью от воды. А мы вслух считали, сколько раз камешек коснётся поверхности озера. И вот точно так же надо было бросить и гранату. Встать и бросить!.. Встать и бросить!.. Это ведь совсем не страшно и так просто! Взять и встать... Я улыбнулся, вспомнив, как сын смеялся, когда у него получался удачный бросок, и рванул вверх...

У меня всё получилось. Всё было сделано как надо. Быстро и точно. Я не промахнулся. Я даже успел увидеть, как граната серым комочком врезалась в темноту амбразуры...

И вдруг я увидел себя со стороны. Увидел, как моё тело неторопливо встало на ноги, так же не торопясь, наклонилось вправо, и из размахнувшейся руки вылетел и мучительно медленно полетел в сторону ДОТа... плоский камешек. Уйти от пулемётной очереди я не успел. С ясно осознаваемой тоской я видел, как ко мне из черной щели огневой точки понеслись пули. Но грохота пулемётных очередей слышно не было. И я уже понял, почему... Пулемётчик тоже не промахнулся... Пули

вошли в моё тело, и оно плавно опустилось на землю, глядя в небо застывшими глазами. Я перевёл взгляд со своего мёртвого тела на ДОТ и увидел, как из амбразур вырвался огненный вихрь. И я улыбнулся. Я справился. Я люблю тебя, сынок!

Несмотря на утреннюю прохладу, я в одних трико стоял на балконе и смотрел в умытое ночным дождём небо. Оно было необыкновенно ярким и чистым. Я уже видел такое небо. Видел и запомнил его. И никогда уже не забуду! На душе у меня было спокойно, спокойно и грустно. Я знал, что мои сны закончились, и что они больше не будут меня тревожить. Как будто мне было показано то, что я должен был увидеть. Обязательно должен был!

Этот сон был последним. Он был настолько реальным, что до сих пор дух захватывает. Он не был похож на те, фантастические, раскрашенные сны, после которых оставалось странное чувство недоумения и тревоги. Этот сон вызывал грусть, грусть от того, что меня убили...

Зазвонил телефон, и я, вернувшись в дом, снял трубку:

– Виктор Анатольевич, – раздался женский голос, – вас беспокоят из городской библиотеки, у нас завтра будет проходить концерт художественных коллективов, и вы приглашены как наш лучший читатель!

– Вы набрали не тот номер. Я Андрей Викторович. А вам нужен мой отец ... – начал было я и замолчал.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг обратил внимание на то, что стою возле стола и держу в руках трубку. Машинально поднёс её к уху и, услышав короткие гудки, осторожно положил на стол. Мне всё стало понятно, как будто сложился пазл, который никак не хотел складываться. А тут вдруг появилась недостающая частичка, и всё встало на свои места! И этой ча-

стичкой стало отчество моего отца, «Анатольевич»! Имя моего деда!

Медленно опустившись в кресло, задумался. Виктор Анатольевич, мой папа. Анатолий Васильевич, мой дед, который без вести пропал на фронте во время войны. Я, наверное, каким-то непостижимым образом смог увидеть, как мой дед погиб. Нет, не так! Я увидел его несостоявшиеся смерти, те моменты, когда он мог погибнуть, но не погиб.

Отсюда и его возможный расстрел. Папа рассказывал, что дед действительно был сыном русского дворянина, который пропал в смутное революционное время. Сам дед работал инженером на военном заводе. Имел бронь, но однажды оперативник из особого отдела предупредил его о том, что, если он срочно не уйдёт на фронт, за ним через два дня придут, как за сыном дворянина. Его тогда не взяли, он успел уйти на фронт добровольцем. Но это могло бы быть!

А ещё я слышал, как меня называли по имени, там, в одном из моих снов! Но не придавал этому значения. А потом я, наверное, по прихоти жизни, или судьбы, или чего-то ещё, пережил все те эпизоды, которые пережил и мой дед. Кроме того, последнего раза, когда он увидел яркое небо и вспомнил своего сына...

А, может, это были только сны, и ничего больше? Но мне хочется верить, что это не так.

Я много раз держал в руках и разглядывал пожелтевший листок бумаги с неровным машинописным текстом, который гласил о том, что мой дед Анатолий Васильевич, парашютист-десантник, пропал без вести в 1944 году.

Я тебя помню ДЕД!.. Помню!.. И буду помнить!..

Ли́лия Кандыбович

г. Москва

День победы

– Бабуля, ты валокордин выпила? Ну, пусть рядом стоит. А еще я тебе наушники принесла. Наденешь, и совсем ничего не слышно будет. Попробуй, надень!

– И правда, ничего не слышно. Спасибо, Машенька. Вот бы такие наушники мне тогда. Да и то не помогли бы, наверное.

– Бабушка, а тогда это когда? – вмешался в разговор семилетний Максимка, наблюдавший за странными приготовлениями: валокордин, наушники, непривычно тихая и даже испуганная прабабушка.

– Когда я была маленькая. Меньше, чем ты сейчас. – Марья Тихоновна улыбнулась правнуку и протянула ему портрет. – Вот таким я отца и запомнила. Он молодым и остался.

С портрета на Максимку смотрел веселый парень с улыбкой в пол-лица и глазами, удивительно похожими на прабабушкины. Разве у прабабушки может быть отец? Да еще такой молодой? Наверное, она пошутила.

– Бабуль, парад начинается в десять, а самолеты полетят примерно через полчаса. Надень наушники. Мы вечером зайдем. – Маша чмокнула бабушку, подхватила второй портрет и направилась к двери.

Максим шел задумчивый, прижимая к груди портрет. У него в голове, словно в кастрюле, варились вопросы. Их было так много, что казалось из уха торчит хвостик одного из них.

– Мам, а разве у прабабушек бывают папы? Бабушка Марья сказала, что он молодым остался. Это как?

– Дедушка Тихон ушел на войну вот таким молодым и не вернулся. Погиб. Только портрет и остался.

– А как же бабушка Марья? – Максим даже остановился.

– Она тогда была совсем маленькая. Когда пришли немцы, то выгнали их из дома. И маленькая Маша с мамой и братом два года жила в землянке. Ее брат из двух камней сделал жернова, и они мололи зерно вместе с лебедой, чтобы из этой муки хлеб испечь.

Максим не мог поверить услышанному. Выгнали из дома, жили в землянке? Разве так можно жить? Может это мама про новую компьютерную игру рассказывает?

– А зачем бабушке Марье наушники? – Максим попытался вернуться в свой привычный мир компьютеров и телефонов. – Музыку слушать?

– Нет, – мама грустно и серьезно посмотрела на Максима. – Над землянкой, где жила Маша, часто летал фашистский разведывательный самолет, «рама» назывался. Дети очень боялись и прятались под кровать. У этого самолета был такой жуткий звук, что бабушка помнит его всю жизнь. И сейчас, когда над ее домом на парад летят военные самолеты, ей так же страшно и хочется спрятаться. Надеюсь, наушники ей помогут.

Несколько часов спустя Максим шел в огромной толпе. Он нес портрет своего прадеда Тихона, который теперь казался ему родным и близким.

Звучали песни военных лет. Люди переговаривались в полголоса. Из-за маленького роста Максим видел только спины людей, идущих рядом, кусочек синего майского неба и несколько ближайших портретов. Тогда папа посадил сына на плечи.

– Ух, ты! – выдохнул Максим.

Впереди, сколько хватало взгляда, шли люди. Тысячи людей. Над их головами колыхались транспаранты.

– Что это, мам? Почему там пустые картинки? – Максим показал вперед.

– Это, сынок, оборотные стороны портретов.

– Посмотришь вперёд, и никого из них уже нет, а оглянешься – они все с нами, – добавил папа.

Максим оглянулся и замер. С портретов на него молча глядели лица. Молодые и не очень, серьезные и веселые. Максим пристально вглядывался в них. Казалось, что люди с портретов вот-вот спустятся на мостовую и встанут в общую колонну. И не было конца этому потоку.

Жди меня

– Ну, вот, Коленька, и пришел праздник.

Старенькая седая женщина с любовью погладила портрет в траурной рамке и поправила на рюмке кусочек свежего хлеба.

С улицы доносился гомон людской толпы, песни и марши военных лет. Старушка подошла к окну и прислушалась к непонятному гулу. Он приближался, ширился

ся, нарастал снежным комом. Потом взорвался громким «Ураааа!» и укатился куда-то вдаль.

Женщина кончиком платка смахнула слезу.

– Эх, Коленька, а мы ж с тобой хотели...

В прихожей залиvisto запел дверной звонок. На пороге стояли правнуки Ксения и Михаил.

– Бабулечка, с праздником! Мы с однокурсниками в парке были и решили тебя навестить.

– Ты что? Плачешь? – Ксения обняла старушку.

– Мы так хотели с дедом отпраздновать сегодня, да не дождался он.

– Ксю, смотри народу сколько! Миллион, не меньше!

Ксения подошла к брату и выглянула в окно. Зрелище действительно поражало. Под их окном бесконечным потоком шли люди с портретами в руках. Шел Бессмертный полк.

– Коленька тоже хотел пройти в этой колонне. Хоть вдоль дома.

– Бабуля, дедушка будет там.

Ксения метнулась к шкафу, достала оттуда дедов пиджак и ловко пристроила его на створку распахнутого окна. Солнце попало на пиджак, и по комнате разбежались солнечные зайчики, отразившиеся от орденов и медалей.

– Мишка, давай портрет деда! Бабулечка, иди сюда!

Они так и стояли. Кричали вместе со всеми «Ура!» и махали руками. А женщина прижимала к груди портрет своего Коленьки и тихо улыбалась.

Уже ночью, когда правнуки ушли, а за окном все стихло, она вновь подошла к портрету и сказала:

– Вот, Коленька, и отпраздновали мы Победу. Я тебя всю войну ждала. А теперь ты жди меня. Я скоро.

Игорь Ильницкий

г. Алматы, Казахстан

Погибшим в Афгане

*Светлая память погибшим в Афгане,
Вам, кто не предал Отчизну свою,
Всем, кто себя и друзей не жалея,
Красное Знамя пронес в том краю.
Слава солдатам и их командирам,
Вместе убитым в страшном бою,
Вам, кто приказ выполняя комбата,
Вечную память обрел там свою.
Тем, кто сражен был пулей душмана,
В небе в «вертушках» как свечка горел,
Тем, кто от минных ран умирая,
Жизнь молодую как песню пропел.
Время нещадно следы их стирает,
Всех, кто когда-то в Афгане убит.
Ветер, печально в горах пролетая,
Вечные образы ваши хранит.*

Парк Победы

*Уходят вдаль солдаты,
Пришедшие с войны,
И в парках растворяются
В бессмертии они.*

*Лишь вечный остаётся
Огонь в звезде гореть.
Здесь песни о победе
Потомки будут петь.*

*А в храме, что напротив,
Свеча горит с утра.
Там сердце снова слышит
Солдатское «Ура!»*

*Спасибо всем солдатам,
Что мир нам принесли
И Родину большую
От ран спасти смогли.*

*Вы славой одевали
Отчизны города
И кровь вы проливали
За Родину тогда.*

*Столица вечно помнит
Военный тот парад,
Никто зимой холодной
Не повернул назад.*

*Историю, как песню,
Мы в сердце сохраним.
И если вдруг придётся,
Страну мы защитим.*

*Вы спите сном спокойным,
Солдаты той войны.
Пусть снятся вам, герои,
Победы нашей сны.*

*А в храме, что напротив,
Горит всю ночь свеча,
Мелькают в парке тени
Под флагом кумача.*

Солдат Победы

*Ты в Бессмертном полку,
Пред тобой мы в долгу,
Снова с нами идёшь,
Знамя в сердце несёшь.*

*Не забыл ничего.
Из друзей никого.
Многих ты потерял,
С кем Берлин вместе брал.*

*До сих пор вы в бою
За Отчизну свою.
Нас хотите спасти,
Чтобы в небо уйти.*

*Здесь на площади мы
Перед Богом равны,
Мир хотим для страны,
Не желаем войны.*

*Нам Победа важна,
Не забудет она,
Кто её приближал,
За неё воевал.*

*Пусть салютом огня,
В небе, взоры маня,
Залпы пушек звучат,
Не пугая девчат.*

*Я в Бессмертном полку,
С тем солдатом иду,
Прикасясь к годам
И к прошедшим боям.*

*Эстафету берём,
Мы портреты несём,
Чтобы Родину-мать,
Как и вы, защищать.*

Ольга Кузнецова

г. Тюмень

Человек, не дай шанса войне!

*Война адская исчерпала себя.
Сошла, сгинула, стухла, исчезла.
Там, где гадина шла не спеша,
Жгла нещадно огненным жезлом:
Пепелища, пожарища, тьма!
Беспросветные скорбь и горе!
Вдов, сирот, калек – страна!
Похоронок, слез, ран – море!
Люди справились, начали жить –
Создавать, восстанавливать, строить,
Возрождаться, в космос летать
И славить своих героев.
Ужас в том, что урок извлекли не все,
Хотя неустанно, эхо тех времен, вторит –
«Человек, не дай шанса воспрять Войне!
Она взойдет – и ты сгинешь вскоре!»*

Детка

*Эта Детка в коротеньких штанишках,
С автоматом на хрупеньком плече –
Рассекает словно вагонетка,
Как в атаке на невидимой войне.
Этой детки с каждым годом дух крепчает,
С каждым новым автоматом на плече.
И уже не он один идёт в атаку –
Вся округа помешалась на войне!
Игроки подтаскивают танки
И минируют пшеничные поля.
Небеса, загромождённые металлом,
Дождь свинцовый проливают на дома.
В грязь в кровавую затоптаны штанишки,
Только лялочка бросается в глаза...
Поняла вдруг Детка, что ошиблась –
Ведь война – это не детская игра.*

Эх, люди!

*Эх, люди, люди, люди!
Едят вас на военном блюде –
Идейками приправляют,
Доброй волей же заедают.
Вы пачками сгинуть желаете –
За мясо себя, что ль, считаете?
За гроши продались дармоедам.
И стали сытным обедом.*

***Кукловоды-то наши – гурманы:
Им набить бы побольше карманы.
Не воют сейчас за идеи,
А вы верите им, все ниже шеи!
Аппетит господ не унимается,
Война в мире распространяется –
Жертвы кучами, мухи тучами...
Люди маются, пир продолжается.***

Елена Белоусова

с. Перелюб, Саратовская область

Светлая память

*Посвящается
мужественным бойцам 6-ой роты,
ушедшим в века, принявшим участие в
последнем бою за ВЫСОТУ – 776 в ночь
с 29 февраля на 1 марта 2000 года.*

***Последний штурм в двухтысячном году.
Весна их приняла в свои объятия.
В предсмертном неразборчивом бреду
Солдаты проговаривали клятвы.***

***Нет смысла в политических дебатах,
Кто прав, кто виноват – не разберёшь!
На парашютах взмыли вверх ребята.
Не поднимай главы! Их не найдёшь!***

***На землю не спуститься им, как прежде,
Они за нами смотрят «свысока».
В невидимых глазах живёт надежда,
Что кровь их тёплая – на той земле НЕ ЗРЯ!***

**Кровавый март, что так жестоко встретил
Красивых статных воинов России?
Ты, разве, рядом с ними не заметил
Зверей? Обличие людское с толку сбило?!**

**Судьба им смерть на всех распределила,
Единым куполом жестоко обняла.
Вы помните об этом! Мы же жили!
И каждого из нас семья ждала!**

**В живых осталось только шесть бойцов,
А в бой вступило целых девяносто!
И на глазах седеющих отцов
Нам не утешить. Боль съедает просто!**

**Не будет средь живых, и нет средь мёртвых
Предателей и трусов – все герои!
И ВЫЖИВШИЕ лично примут ОРДЕН,
Погибшие – ПОСМЕРТНО! Как же больно!**

**Как больно безутешным матерям,
Держать в руках награду со слезами!
Не стал мужчиной молодой пацан,
Он больше никогда не скажет: «МАМА»!**

**Их фразы отпечатались в горах,
Скупые по-мужски, с сухой слезою.
И умирали на алеющих снегах,
Закрыв проход живым ещё собою!!!**

***И разве кто из них о смерти думал?!!!
Мальчишки умирать не собирались!
Стол поминальный пригласит их выпить рюмку,
Но только полными они, так и останутся!!!***

***Чти, Родина, их память до конца,
Запомни юными и добрыми их лица.
Путь пройден: от «мальчишки» до «бойца»,
И каждый доблестью своей смог отличиться!!!***

***Не сдавшись в плен и побеждая страх,
Глаза в глаза смотря врагам, не струсив,
Пытаясь выполнить приказ в чужих горах –
Служили с честью там солдаты русские.***

***Не нужно споров,
Дебаты в сторону!***

***Святая память,
Вновь сердце ранит!***

***Февральский воздух,
Не наш морозный,***

***Чужой, колючий,
Не наш пахучий!***

***Село чеченское –
Чужое! Дерзкое!***

***Заноза в памяти,
Всё так же ранит!***

***По складкам местности,
Снуют разведчики.***

***С врагом сближение,
И отторжение!***

***Гранаты! Пули!
Свечу задули!***

***Воспоминания!
Минута ПАМЯТИ!!!***

Анатолий Градницын

г. Иркутск

Победителям слава

Акrostих

Пусть мир живёт, любя, играя и искрясь,
О той войне нельзя нам забывать.
Берлин повержен, но коричневая мразь
Ещё жива и лезет снова зиговать.

Детей, растерзанных, и горе матерей,
И Бухенвальда рвущий мозг набат,
Танкист, сгоревший и расстрелянный еврей...
Ещё их сколько, что ушли в закат?

Людей стальных Отчизна нам смогла родить,
Я это помню каждый миг и час.
Мои герои, что могли врага щадить,
Слезам светлыми помянем вас.

Людишкам мерзким и сейчас нужна война,
А вам в атаку больше не вставать.
Вас многих нет, на плитах ваши имена,
А мы за вас готовы жизнь отдать.

Победа за нами

Акrostих

Под Ржевом, под Москвой, под Сталинградом
Пр**О**шли они дорогами бессмертия.
Под **Б**омбами с фашистским подлым гадом
В посл**Е**дний бой рвались без милосердия.

Когда ни **Д**ень, а миг вдруг просвистит о тризне.
Когда Побед**А** станет им ценою жизни.

Лежит в сырой **З**емле солдат убитый,
Без имени и рост**А** вроде среднего,
Не причащённый **оН**, но не забытый,
Он не за страх стоял, **А** до последнего.

Пусть не всегда над ни**М** горит огонь священный,
Не за огонь он пал – за м**И**р благословенный.

Татьяна Зубкова

г. Белгород

**Прощай, моя
родная!**

*«Прощай, прощай,
Прощай, моя родная.
Тебе я шлю мое последнее танго»
(Петр Лещенко «Мое последнее танго»)*

*Посвящается моему деду Мишенину
Виктору Поликарповичу*

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшине Мишенину Виктору Поликарповичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями.»

**-Ах! Эти черные глаза меня пленили.
Их позабыть нигде нельзя...**

Я держу в руках скрипку и подбираю только что прослушанную мною мелодию. Она так органична со мной, что кажется, я всегда знал ее. Со словами хуже: придется прослушать еще раз. Но: - Ах! Эти черные глаза... - и такие же смотрят на меня сейчас... Мне не хочется вспоминать, что было в течение недели. Только играть этот удивительный мотив и тонуть в обожающем взгляде. Ребята, которые были со мною эти семь дней, тоже слушают...

За неделю до этого нашему подразделению удалось пробраться к южной окраине Бреста, когда части вермахта еще оказывали сопротивление. Весь день мы вели наблюдение, а к вечеру разбились на две группы. Одна держала под контролем охрану расположенного неподалеку концлагеря, где находились сотни советских людей. Другая группа во главе со мной направилась к железнодорожному полотну. Замаскировавшись, мы курировали передвижение эшелонов и войск и передавали сведения по радиосвязи, что позволило корректировать огонь. Овладение крепостью было гораздо более сложной задачей. На подходе к оборонительным редутам завязался короткий бой. Уничтожив два взвода гитлеровцев, а я лично уничтожил тринадцать, затем прорвались за стены цитадели. К сожалению, укрыться практически было негде, так как вся внутренняя часть крепости лежала в руинах. Но мы продержались... Когда пришло время, мы освободили более трехсот узников концлагеря, не дав их уничтожить, атаковав его. Находились там и гражданские, и военнопленные. Они были так худы, грязны и измучены! Лишь спустя десятилетия

я узнал, что же в дальнейшем происходило с ними и сотнями тысяч других, попавших в такое же положение! В доме коменданта находился грамафон. Среди множества виниловых пластинок были и записи песен Петра Лещенко, сделанные в Берлине фирмой «Parlophone Records». Я сам разобрал деловые бумаги и, запечатав их, отправил в штаб.

Война изменила нас. Мы стали чувствовать себя другими: вольными и свободными. Без бесконечного страха перед доносами и арестами. Как странно! Но это я в полной мере осознал уже после войны. Но также уже вынужден был держать себя тихо и скромно помалкивать. А вскоре мы вступили за территорию Советского Союза и увидели совершенно другую жизнь. Но в тот день я понял, что такую пластинку никому показывать нельзя.

Прослушал ее тихонько. Песня стала жить внутри меня! И я был так рад, что женщина с черными глазами сохранила для меня скрипку, которую мы нашли в разбитом доме пару недель назад. На задание я их, девушки и скрипку, естественно, не брал. Как замечательно, что отец когда-то уговорил меня учиться играть на ней! И, выйдя на улицу, стал подбирать и напевать незнакомое, но удивительно-пленительное:

***– Ах! Эти черные глаза меня пленили.
Их позабыть нигде нельзя –
они горят передо мной.***

Вспоминал свою подругу, оставшуюся на оккупированной, но уже освобожденной территории. Вестей от нее не было. И я даже не знал, жива ли она? А сейчас

из круга, образовавшегося вокруг меня, где были и женщины – военнослужащие, пришедшие сюда с частями, которые, как мне рассказали, при взятии города и крепости несколько дней сидели в окопе и молились, хотя это казалось невыносимым, на меня смотрели совершенно черные, глубокие, влюбленные глаза. И я уже не понимал: какой паре очей я пою! Прошло около трех месяцев после тяжелого ранения под Белым, когда ребята вынесли меня на руках, но место операции периодически побаливало. Первый же раз я попал в госпиталь после боев под Харьковом зимой сорок второго и опять рвался к своим, в войсковую разведку. Много раз ходил в тыл фашистов за контрольными пленными, а мой взвод, я считал, добыл девятнадцать пленным и уничтожил пятьдесят восемь солдат и офицеров противника и две легковые автомашины.

Совсем недалеко от нас еще дымились, казалось, что даже камни, руины, так как противник перед неизбежным падением крепости взорвал свои склады с горючим и боеприпасами. Добавили разрушений и наши артиллерия, и авиация, которые в течение нескольких дней массивно бомбили город. Когда наши перешли в наступление, мы поддерживали их огнем. Валялась фашистская разбитая техника, лежало много убитых немцев. Было впечатление, что вся земля испещрена воронками. Внутри города недавно закончились бои. В тот же день тридцатого июля советскими войсками Брестская крепость была окончательно очищена!

Потом я никогда не рассказывал о войне внукам, считая, что война слишком грязное дело. Но изливал душу своей сестре, которую очень любил, а она уже - внукам, потихоньку от меня.

Брестская крепость. Лет через двадцать после создания музея я был там. В одном из залов помещены портреты тех, кто освобождал Брест, в том числе и мой. Правда, видеть его было как-то неловко. Из руин бывшей столовой, от которой остался только фундамент, выросли громадные деревья. А перед той операцией в тени под развесистыми кронами деревьев сидели мои ребята, и я тоже играл на скрипке. Правда, вот что - уже не помню. Слышу, связной штаба потихоньку спросил:

- Который здесь.. - и он назвал мое имя.

Боец взвода так снисходительно ответил:

- Его ли не знать! Да его за версту отличить можно - «языков» брать, считай, голыми руками и на скрипке со всей душой играть один он умеет! Оказывается, что это генерал Тимофеев вызывал меня в штаб, так как меня пожелал увидеть прибывший в расположение дивизии маршал Рокоссовский. Маршал, судя по всему, неплохо был знаком со всем, что происходило в дивизии. Тогда и расписали мне боевую задачу.

На остатках стен крепости мы первыми прочитали надписи, которые оставили ее защитники в сорок первом, а также, где смогли, захоронили их останки. В них было:

- Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941 - 3.15 ч. Умрем, но не уйдем!

- Умрем, но из крепости не уйдем. - Нас было трое москвичей - Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву: умрем, но не уйдем отсюда. Июль 1941. - А затем. - Я остался один, Степанчиков и Жунтяев погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не сдамся. Товарищи: отомстите за нас!

– Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII - 41 г.

– Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умрем, как герои. 1941. 26 июля.

– Нас было двое, но мы не обосрались!

– Нас было пятеро. Мы умрем за Сталина! - Умираю, но не сдаюсь! - Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20 июля 41. - Умираем не срамя. - Умира... - чуть ниже. - За Сталина! Но из крепости не уйдем! - И они не ушли...

Странно, что никто никому не передавал приветов: ни матерям, ни девушкам... И я о своей горячо любимой матушке и сестре, которая вместе с племянницами тоже, по-видимому, не успела уйти из города, практически не вспоминал. Долги отдавал после войны. Мы жили как в параллельном мире. А тогда мать и сестра бегали в концентрационный лагерь на месте дворца культуры, где потом был вечный огонь, и я был среди тех, кто зажигал его через много лет. Им сказали, что среди военнопленных видели меня. Как потом сестра рассказывала, что вздохнули с облегчением, что это был кто-то похожий и отдали ему тот единственный хлеб, который был в доме. Девочки три дня голодали и пили воду. Сестра их кутала и рассказывала сказки Андерсена, пока мама ходила в деревню, и с риском для жизни меняла оставшиеся вещи на зерно.

Через некоторое время форсировали Буг и вступили на польскую землю. Летом сорок четвертого войска нашего Первого Белорусского фронта подошли к границе Советского Союза. Началось освобождение Польши. Здесь я и окончил войну, так как, получив очередное, тяжелое ранение, долго лежал в госпитале.

После войны был демобилизован. Работал председателем колхоза. Затем жил в родном городе. Работал на заводе. Правда, высшего образования так и не получил. Не любил ходить на встречи, но иногда уговаривали. Как-то школьники спросили:

– Ордена дают за рабочие заслуги?

Очень не любил подобных разговоров. Все забывают о войне. Помню. Но в глубине себя. Очень многое могу сделать сам. Например, собственными руками собрал автомобиль «Москвич». Не люблю просить, мотивируя своими заслугами. Тех, кто сражались - уже кости сгнили! Лет через пятнадцать после окончания войны был в составе делегации в ГДР. Водили на восстановленный завод. Задавали много вопросов. Кто-то спросил неудобное:

– Сколько получает рабочий и учетчица? - оказалось, что вторая в два раза больше.

Представитель государства рабочих и крестьян спросил:

– Почему?

И в ответ получил жесткий ответ:

– Нам надо восстанавливать нашу интеллигенцию!

Когда же мы будем восстанавливать свою, угробленную не только в боях?!

Своими руками построил на даче красивый каменный дом, когда мне уже было семьдесят лет. Очень любил свою жену: добрая, милая, заботливая, ласковая. Но с ней случился инсульт. Пролежала она, бедняжка, парализованной, почти не двигаясь и не разговаривая, почти три года. А я ухаживал за ней. Когда узнал, что у меня рак, оперироваться отказался, сославшись на то, что слишком много времени провел в госпиталях, а жизнь так коротка! Сейчас я сижу в любимом старом кресле и

слушаю уже выпущенную фирмой «Мелодия» пластинку Петра Лещенко. Времена поменялись: Родина признала ею же когда-то уничтоженного сына и даже предпочла забыть об этом факте. Потихоньку пью чистый спирт: привычка с фронта. Боль отступила. Я слушаю то, что не пропел когда-то у дымящихся развалин:

**– Помнишь эту встречу с тобой
В прекрасном теплом Марселе,
Где мы с тобою сидели?
В берег бился синий прибой,
Но все умчалось, точно сон.**

Слушаю, слабею и вспоминаю тех, кого любил я, и кто любил меня.

Какое счастье, что это совпало в жизни!

Наталья Воронова

г. Воронеж

Отчизне принес он Победы венец

Внимательно просматривая Военный билет моего папы – Сафонова Игната Акимовича, который моя мама, Сафонова Анна Ивановна, отдала мне на хранение, используя документы военных архивов, я смогла узнать о его нелегких фронтовых дорогах, о мужестве, героизме, высокой силе духа красноармейцев, что поднимает в душе благодарность к подвигам бойцов и моего папы за их великую веру в Победу в священной борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

Мой папа, Сафонов Игнат Акимович, был призван по мобилизации Архангельским РВК Воронежской области 29 августа 1941 года и зачислен в 1010 Стрелковый полк стрелком, воевал в его составе с августа 1941 года по март 1942 года.

С 8 марта 1942 года по 9 мая 1945 года воевал в составе 1323 Стрелкового полка 415 Стрелковой дивизии 1-й Армии Белорусского фронта стрелком.

Сама дивизия была очень стойким подразделением и входила в войска резерва Ставки, участвовала в битве под Москвой, Ржевской битве, Курской, форсировании Днепра, штурмовала Берлин.

После тяжелых боев за Болхов на Орловском направлении дивизия 10 августа 1943 года была отведена на отдых. Выведенные на отдых штаб дивизии и стрелковые полки (1321, 1323, 1326) получили пополнение людьми и вооружением и начали боевую учебу. 13 августа 1943 года командующий 61-й армией генерал-лейтенант П.А. Белов в торжественной обстановке вручил дивизии боевые знамена. Позднее полкам вручили боевые знамена командиры полков: 1321 стрелковому полку – подполковник Косицин С.Н. 1323 стрелковому полку – майор Пантелеев В.И. 1326 стрелковому полку – майор Шершенкин М.Т.

Получая знамена из рук своего боевого генерала, наши воины поклялись свято хранить боевые знамена. Они были завоеваны в жестоких сражениях с заклятым врагом и покрыты немеркнувшей славой в решающих сражениях за освобождение нашей великой страны от немецко-фашистских захватчиков.

Сухая, лаконичная запись в военном билете папы – Сафонова Игната Акимовича, в графе 24. Имеет ли правительственные награды и какие, стоит запись: Медалями «За боевые заслуги» №45.4938-VIII.1943г. «За отвагу» №1976082г. 10.II.1945г.

Сколько раз я мечтала получить ответ на вопрос, где и за что получены были боевые награды моим папой. И вот через архив, на сайте «Подвиг народа» первый ответ я получила, ликование не было конца и края...

«Во время боевых действий 18 июля 1943 года в составе 1323 СП 415 СД на Брянском фронте в боях за де-

ревню Пробуждение и Алешня Орловской области Игнат Акимович за то, что бесперебойно обеспечивал огневые позиции боеприпасами и вывез из под огня противника 6 раненых красноармейцев с оружием был награжден медалью «За боевые заслуги».

Запись «...бесперебойно обеспечивал огневые позиции боеприпасами...». Сколько в ней скрытого смысла... Перед моими глазами воображение и память рисуют поле боя, рвутся снаряды, вздымается земля, а папа мчится на своей полutorке, полной снарядами, пробираясь сквозь глубокие воронки, к своим бойцам, нужны снаряды... очень много, надо выиграть бой, там гибнут его боевые друзья. И надо успеть хоть кого-то спасти, раненых, но еще живых..., пусть хоть кто-то останется жить...

онов Игнатий Акимович 1901г.р.

к: красноармеец
с 15.01.1942 года Место
ва: Архангельский РВК,
жская обл., Архангельский р-н
службы: 1323 сп 415 сд БрянФ
одвига: 18.07.1943
ж: 17579027

Архивные документы о данном награждении:
I. Приказ(указ) о награждении и сопроводительные документы к нему
- первая страница приказа или указа
- строка в наградном списке
II. Учетная картотека
- данные в учетной картотеке

Медаль «За боевые заслуги»

Саварова Игнатий Акимович за то, что в боях за дер. Пробуждение и Алешня Орловской обл. 18 июля 1943 года бесперебойно обеспечивал огневые позиции боеприпасами и вывез из

Сейчас деревня Алешня входит в сельское поселение Высокинское Мценского района Орловской области, численность населения составляет 183 человека. Поселок Пробуждение входит в сельское поселение Герасимовское Болховского района Орловской области, численность населения по итогам переписи 2010 года составляла десять человек...

Может, кто-то из участников войны еще жив, кто-то из очевидцев тех военных, горьких лет остался на родной земле, политой кровью советских воинов.

Мне хочется поехать на Орловскую землю и пройти фронтовой дорогой моего папы Сафонова Игната Акимовича. Поклониться погибшим, сказать спасибо всем, кто еще жив, постоять у Обелисков и Памятников, их, наверняка, там немало.

415 дивизия участвовала в освобождении Варшавы. Дивизия прибыла в Польшу и сосредоточилась юго-восточнее Варшавы (в районе города Гарволин) в первых числах января 1945 года, пополнилась личным составом и боевой техникой. Части дивизии стали полнокровными. Шла напряженная боевая подготовка. Пополнение в части дивизии прибыло в основном из Молдавии. В составе дивизии воевали против фашистских орд солдаты и офицеры более сорока национальностей. Это – русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, узбеки, евреи, казахи, киргизы, татары, чуваша и военнослужащие ряда других национальностей и народностей. В этот период основной трудностью в учебе был языковой барьер: воинам молдавской национальности надлежало научиться понимать команды на русском языке, а русским и воинам других национальностей сделать все необходимое, чтобы как можно быстрее установить с ними контакт. Эти трудности в ходе учебы были успешно преодолены.

На плацдарме южнее Варшавы было сконцентрировано огромное количество наших войск. Готовилась грандиозная Варшавско-Познанская операция. 14 января 1945 года наступил день удара по врагу – началась артподготовка. Плацдарм затянули пламя и дым от выстрелов. Впереди шли саперы и разведчики, в том числе и 415-й дивизии. 15 января вступили в бой и наши 1323

и 1326 стрелковые полки, а 1321 стрелковый полк был посажен на танки для развития успеха. Вскоре они достигли рубежа Блония – Гродзиск. 1323 и 1326 стрелковые полки тоже пересели на танки и к исходу 16 января вышли на рубеж Ковеничи – Копаны, углубившись в оборону противника на двадцать-двадцать пять километров.

Наступление не прерывалось ни на один час. К исходу дня 17 января полки дивизии заняли южную окраину Варшавы и после небольшого перерыва устремились вглубь польской территории. Продвигались они на танках стремительно. Противник на отдельных рубежах оказывал наступающим частям сильное сопротивление. Было принято решение обойти противника слева и справа.

Вот одной группе танков с десантом 1323 стрелкового полка удалось прорваться в центр города. Завязались уличные бои, пехотинцы вступили в рукопашную схватку с фашистами. В середине дня 18 января 1945 года 1323 стрелковый полк полностью овладел городом Сохачев.

За овладение городами Сохачев, Лович и Скерневице 1323 полк был награжден орденом «Красного Знамени».

Для форсированного наступления на запад, в логово фашистского зверя, 26 января 1945 года по решению командира 9-го гвардейского стрелкового корпуса был создан передовой отряд корпуса из подразделений нашей дивизии в составе: одного батальона 1323 стрелкового, одного артдивизиона 686 артиллерийского полка, армейского полка САУ, разведроты и кавэскадрона дивизии, а также двух кавэскадронов из других дивизий корпуса. Перед ними была поставлена задача: не дать гитлеровским формированиям фольксштурма занять сильно укрепленную в инженерном отношении пограничную полосу.

Так как артдивизион, полк САУ, а также два кавэскадрона других дивизий в назначенный по приказу срок не успели прибыть, то в отряд влился весь 1323 стрелковый полк (весь полк, а это значит и папа мой среди них). В связи с резким изменением обстановки отряду было приказано прикрывать правый фланг 61 Армии до прихода главных сил. Эту задачу передовой отряд 1323 полка, разведроты и сводный кавэскадрон дивизии выполнили с честью. «Вот оно проклятое фашистское логово!» - такую надпись сделали разведчики дивизии на дощечке и прикрепили ее к пограничному столбу.

1323 полк, с ходу овладев городом Треббин (южнее Шлоппе), стремительно продвигался дальше на Запад. Полк далеко оторвался от своей дивизии, что даже не доставала радиосвязь.

Уставшим в непрерывных боях солдатам командир 1323 полка решил дать короткую передышку и разобраться в обстановке. (Как вижу запись 1323 стрелковый полк, так перед глазами образ папы – ведь он там среди них, словно живой...).

415 стрелковая дивизия совместно с 356 стрелковой дивизией в ночь на 23 февраля 1945 года атаковала город Арнсвальде и заняли его.

Фронт все ближе подходил к Германии, бойцы рвались в Берлин – логову фашистов.

Вот и получен второй ответ: «Сафонов Игнат Акимович за то, что в бою за город Арнсвальде (Германия) в составе 1323 СП 415 СД 61 А 1 БЕЛФ из личного оружия уничтожил 3 немецких солдат, за этот бой и участие в стремительной атаке за г. Арнсвальде, где Игнат Акимович действовал решительно и самоотверженно, получил медаль «За отвагу».

Изучая по архивным документам сражение за г. Арнсвальде, необходимо отметить, что враг, отступая, упорно сражался, но разве могли фашисты остановить наших бойцов, разве можно забыть порушенные родные города и села, миллионы погибших и томящихся в плену бойцов и мирных жителей, детей... Бойцы рвались к своей Великой Победе и победили!

Отгремела война, папа вернулся домой, но слишком рано умер, оставив четверых довоенных детей и трех послевоенных малолетних детей. Мне, седьмому ребенку в семье, самой младшей дочке Наташе было пять лет. Со слов мамы меня он очень любил.

***Я вся в тебя мне говорят,
Характером и даже взглядом.
И пусть нельзя вернуть все вспять,
Твоя любовь со мною рядом.***

Сафонов Игнат Акимович 1901г.р.

Звание: рядовой
в РККА с 1941 года Место призыва:
Архангельский РВК, Воронежская обл.,
Архангельский р-н

Место службы: 1323 сп 415 сд 61 А 1
БелФ

Дата подвига: 17.02.1945

№ записи: 24992947

Подвиг:

САФОНОВА Игната Акимовича за то, что в бою за город Арнсвальде /Германия/ 17 февраля 1945 года из личного оружия уничтожил 3 немецких солдат.

Архивные документы о данном награждении:

I. Приказ(указ) о награждении и сопроводительные документы к нему

- первая страница приказа или указа

- строка в наградном списке

II. Учетная картотека

- данные в учетной картотеке

Медаль «За отвагу»

Шло время, двое братьев прошли службу в армии. Сергея мама поручила мне провожать в армию в г. Воронеже, на призывном пункте, так как он в это время уже работал на заводе «Тяжелых прессов», помогая маме растить и воспитывать последних нас двоих. Мне эти проводы очень запомнились на долгие годы.

***Брату я сказала – ты служи
И почаще маме письма шли.
Будем мы все вместе тебя ждать.
Родину учись там защищать!***

Маме было очень трудно всех детей поднимать без мужа, но она выполнила последнюю волю папы, чтобы дети получили хорошее образование. Мы гордимся своим отцом, низкий поклон всем, кто воевал, мы помним и славим их Великую Победу.

***Нет, нет... не зря воевал мой отец,
Страшной войны приближая конец.
Отважно сражался Советский боец,
Отчизне принес он Победы венец!***

Георгий Бурцев

г. Москва

Миронов и Дуся

В стрелковой роте его считали странным, а во взводе и вовсе долго называли блаженным, до того дня, когда политрук под видом своего дня рождения налил ему стакан водки. Миронов был после наряда и очень скоро уснул прямо за столом. Политрук обшарил его карманы и вещмешок. Нашел записную книжку. В ней короткое стихотворение.

*Дочка, Дуся-дорогуся,
Я с победою вернусь
Будь уверенной. И пусть
Нас с тобой покинет грусть
Так что ты не очень хмурься,
И тем более не дуйся.
Слушай деда и бабуся,
Лапка, лапочка, лапуся,
Дорогая моя Дуся.*

Здесь же были и две фотокарточки. Миронов с женой. На отдельной – он с девочкой-подростком.

Алексей женился сразу после срочной службы в начале тридцатых. Жена умерла при родах. Девочку назвали Дусей. Алексей души не чаял в дочке. Но после смерти жены оставил ребёнка на попечение своих родителей и ушел добровольцем на Халхин-Гол. Потом был недолгий период пребывания рядом с дочкой. Затем случился Маннергейм. Теперь вот – Гитлер.

Мионов вечно что-то мурлыкал, напевая себе под нос. Иногда можно было наблюдать необъяснимую улыбку на его лице. Впрочем, письма он получал чаще всех и в основном, написанные детской рукой его несравненной Дуси.

На фронт Алексей попал не сразу. Не отпускали его. На заводе ценили, дали бронь как специалисту, к тому же знали: вдовец, да ещё с ребёнком. Да и родители отговаривали: хватит, навоевался. Однако, как только пошёл Гитлер, он сразу же начал проситься на фронт. Всякий раз ему давали от ворот поворот. Но потом махнули рукой и дали предписание явиться по месту формирования резерва. Поэтому в роту он попал в аккурат только ко Ржеву, осенью сорок второго.

Обстановка тогда менялась по несколько раз в день. Рота закрепилась на коротком участке лесной дороги. Соорудили три дзота и блиндаж. Соединили их траншеей. Но тут вдруг неожиданно поступил новый приказ: оставить эту позицию и перейти на другую. Временно, до прихода другого подразделения, решено было оставить здесь Миронова с пулемётом и противотанковым ружьём – на всякий случай. Во взводе их всего было два: однозарядное Дегтярёва и пятизарядное Симонова. Ему оставили первое. Пулемёт Дегтярёва Алексей знал хорошо и стрелял отменно. А вот с противотанковым ружьём – ПТРД41 – дело обстояло иначе. Точнее,

этот вид вооружения ему держать в руках ещё не доводилось. Правда, командир взвода проинструктировал его подробно, а на прощанье сказал: «Там, в ящике есть печатная инструкция, так что можешь ещё почитать на досуге для закрепления материала. Хотя сомнительно, чтобы здесь появились танки. В общем, не пропадёшь. Через пару дней встретимся. Бывай».

Ночь прошла относительно спокойно, лишь доносились до него залпы и взрывы. А под утро Алексей услышал мотоциклетный треск. Прислушался. Доносился он не из тыла. А через несколько секунд увидел: прямо на него один за другим шли три мотоцикла с немцами. Видимо разведгруппа, сообразил Миронов. Он сначала было припал к пулемёту, но через секунду принял решение не мелочиться. Потянул к себе противотанковое ружьё, помня инструкцию комвзвода, зарядил, прицелился и шарахнул по головному мотоциклу. Тот подпрыгнул и, сделав кульбит, замер грудой искорёженного металла, подмяв под себя седоков. Чтобы не терять время на перезарядку Миронов, быстро пересев за пулемёт, расправился с двумя остальными мотоциклами, так что в обратном направлении, восвояси успел убраться один солдат. Поэтому Миронов не удивился, когда через полчаса показалась цепь автоматчиков. Когда первые десять-пятнадцать немцев полегли, Миронов увидел, что его пытаются обойти. Он перебежал по траншее в другой дзот и оттуда повёл огонь. Вскоре и эта атака была отбита. Через какое-то время ему пришлось бежать в правый дзот, так как нависла новая угроза обхода. И эта группа немцев полегла среди деревьев. Потом –

опять на левый фланг позиции, вновь – направо. Потом – в центр. Опять – налево. Так всё утро он и мотался с одного фланга на другой, создавая у немцев ложное

представление, что на противостоящей к ним позиции находится как минимум один упорный и отважный взвод красноармейцев. В полдень в небе показались «мессершмитты». Когда через час Алексей выбрался из-под земли и остатков дзота, он не узнал обстановку. Едва переведя дух и кое-как приведя позицию в положение пригодное к бою, он с ужасом услышал шум приближающегося танка. Судорожно отыскал противотанковое ружьё. Проверил готовность. И едва успев залечь наизготовку, увидел это мерзкое железное чудовище уже в сотне шагов от себя. Он успел сделать выстрел. Только один. И опять удача. Танк забуксовал на перебитой гусенице и кособоко замер. Из него выбрался экипаж и, отстреливаясь, ретировался. Но Миронову и тут повезло. Немцы ушли, не причинив ему вреда.

Однако не прошло и полчаса, как на дороге показался грузовик с автоматчиками. Миронов дал выстрел из ПТРД. Машина ехала хоть и не быстро, но остановилась так резко, что из кузова медленно вываливались ошалевшие солдаты, и кое-как сориентировавшись, повели огонь в сторону Миронова. И снова ему пришлось бегать из одного дзота в другой, имитируя мощное укрепление.

Вечерело. Пошёл дождь. Оставшиеся живыми немцы ушли. Миронов привёл в порядок блиндаж. Умылся. Переоделся. Перекусил оставленными ему консервами. Свернул самокрутку с самосадам. На солдатский ватник накинул плащ-палатку и выглянул наружу. Стемнело. Дождь прекратился. На небе высыпали звёзды. Алексей, присев на пенёк, чиркнул спичкой, закурил. Вдохнул.

– Где ж ты моя, Дуся-дорогуся? – пробормотал он. – Как ты там без меня? О-хо-хо... – Он с наслаждением сделал затяжку, потом ещё...

С рассветом немцы возобновили атаку. Но к своему удивлению не встретили никакого сопротивления. Рота солдат облазила всю позицию и не обнаружила ни единого русского, кроме окоченевшего военнослужащего с пулевым ранением в голову от снайперского выстрела. Через час на позицию прибыл немецкий генерал.

– Куда же делись обороняющиеся? – с удивлением спросил генерал у офицера.

– Судя по всему, господин генерал, здесь был всего один солдат. Следов других нет.

– Он был один... Это невероятно... И какие же он нанёс нам потери?

– Господин генерал, этот сталинский фанатик подбил танк, уничтожил мотоцикл, вывел из строя грузовик и убил больше сотни солдат. Так же есть предположение, что это он из своего поганого ручного орудия сбил самолёт. Как прикажете поступить с этой скотиной?

– Сначала захоронить всех наших. А этого... Этого тоже похоронить... Индивидуально.

– Господин генерал, это сталинская фанатичная обезьяна... Животное... Русская свинья... Собака... Вот его документы.

– Это солдат, обер-лейтенант. Вот. Посмотрите. Солдат Алексей Миронов!

– Вы читаете по-русски?

– Ну, это не самая большая сложность на земле. В первую мировую я был на русском фронте. Угодил в плен. Некоторое время провёл в России. Познакомился со многими русскими. На обезьян они совсем не похожи. И этот солдат не обезьяна. И уж тем более никакая это не свинья. Нормальный и даже хороший солдат... Если бы у вас была сотня таких рядовых, я не пожалел бы для вас вне очереди звания майора. А вот и фото, погляди-

те! Это, наверное, его семья...Жена...Дочка... У свиней и обезьян такого не увидишь...И не о Сталине он думал – о дочке. Он очень хороший русский солдат... Если бы у меня были бы такие солдаты, я был бы фельдмаршалом. Похоронить с почестью.

– Господин генерал, это невозможно, он убийца наших солдат.

– Похоронить как героя.

– Господин генерал, он не офицер.

– Все мы солдаты: и генералы, и рядовые.

– Господин генерал, он...

– С каменным надгробьем и с салютом. Выполняйте. О готовности доложите. Я проверю.

– Слушаюсь!

Закончилась война. Прошло ещё пятнадцать лет. Однажды летом дети из пионерского лагеря гуляли по лесу и набрали на немецкое захоронение с множеством крестов. А чуть поодаль они обнаружили очень странную могилу, тоже заросшую травой и кустарником, но добротню устроенную. Надпись была сделана на немецком языке; но, как ни странно, гласила она о том, что захоронен здесь был русский солдат Алексей Миронов. Пионеры сообщили о находке старшей пионервожатой. Та – директору. Через несколько дней информация поступила в местный военкомат. Тогдашний районный военком не остался равнодушным, заинтересовался пионерской находкой, побывал на месте и взялся за собственное расследование. Однако скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается. Следствие затянулось настолько, что дело принял уже новый военком. Следом за ним был очередной сменщик. Потом – другой... Третий... Четвёртый... Пятый... Один из них проводил

эксгумацию. Другой наводил справки. Следующий уже пытался выхлопотать посмертную награду Миронову. Пятый или шестой продолжил дело предшественника. Многие подтверждалось данными из архивов. Однако наградить посмертно солдата Алексея Миронова не решился никто из тех, от кого это конкретно зависело. Уж больно надпись на немецком языке многим не нравилась. Впрочем, о наградах сам Алексей и не помышлял. На уме у него была одна лишь Дуся-дорогуся. А коли нет награды, то и не говорили о нём по радио, и не писали статей. Поэтому и Дусю-дорогусю никто не искал.

Евгений Деденко

р. п. Тальменка, Алтайский край

Про войну

*Погибшим в Великую отечественную
войну и оставшимся в
живых посвящается.*

***Мне приснилось как-то утром: будто я и есть мой дед.
В гимнастёрке с сапогами будто бы он был одет.
Пожелтевшее тут фото: дети и его жена,
Посмотрел мой дед, и кто-то говорит: «Твоя родня?»***

***Подбодряли там друг дружку, чтобы больше осмелеть,
И делили спирта кружку, чтоб в бою не оробеть.
И ломали ломтик хлеба: «На, дружище, ешь, держи!»
И противный запах пота, и кусали больно вши.***

***И держали автоматы и ползли ещё в грязи.
И стреляли со словами: «Прости, Господи, прости...»
А потом услышал крики уже раненых солдат
И прощальный стон, и лики умирающих ребят.***

*Вдруг в какое-то мгновенье пули свист и в теле – боль.
И как будто чьё-то пенье, а в глазах как будто соль.
А затем я очутился сразу у родной избы.
Чуть поломанный заборчик, подоконник из резьбы.*

*Что-то делает там баба, то есть дедова жена.
Ни морщинки, ни сединки и ещё ладна, стройна.
Почтальон – совсем девчонка – ей бумажку подаёт.
Её бабушка читает и белугою ревет.*

*Слёзы боли сердце щемят – это трудно описать,
Трудно передать словами, трудно это рассказать.
Ребятишек, мал-мал меньше, пятеро осталось с ней.
Старший был бы, было б легче, но уже он на войне.*

*Самый маленький, споткнувшись, говорит: «А папы нет?»
Мать, слезами захлебнувшись, и – рыдания в ответ.
Подходили тут соседи со словами: «Ой, крепись!»
Обнимали, целовали, говорили: «Ты держись!»*

*Через год в сорок четвёртом старший без вести пропал,
Но потом нашёлся мёртвым. Он герой чужбины стал.
Потерять родного сына – нет страшнее ничего.
Это все невыносимо, а жить надо. Вот и всё!*

*И рыдала она громко, теребила волоса.
Детский хлюп вдогонку звонко, все заплаканы глаза.
С болью в сердце не забуду, буду вечно помнить.
Молча стоим минутой, чтоб такому не бывать.*

Александр Петрухин

г. Новосибирск

Далеко от войны

Утро было солнечным, и день обещал быть жарким. Вверх по Оби шел мощный речной транспорт – пароход «Большевик», бравший за раз десять железнодорожных составов леса. Справа показалось село Нарга, а слева – Могочино. От него до Томска по прямой – сто пятьдесят девять километров, а по трассе все пятьсот. Скоро будет излучина, и транспорт повернет на северо-восток к устью реки Чулым, а от него в обратную сторону на юго-запад. Радист позвал в радиорубку замполита Незаметдинова и показал радиограмму.

– Ну, что случилось? – замполит нехотя взял ее и начал читать и зашептал, – не может быть, у нас с Германией договор. Запрещаю ее показывать кому-либо.

– Я обязан доложить капитану, – сказал Андрей Хабас.

– Я сам ему скажу.

Радист минут через десять доложил капитану о радиограмме и понял по реакции его, замполит ему пока что ничего не сказал. Так к ним ворвалась война. На транспорте почти смолкли разговоры, и не стало слышно песен. И сейчас я хочу рассказать о малоизвестных героических событиях в тылу, далеко от линии фронта.

В то время не хватало судов для вывоза по Оби главного груза – леса. Он был нужен везде: для шпал, в шахты Кузбасса, для строек заводов, для печей и для многого другого. В пароходстве решили три маломерных парохода и один газоход перегнать из Енисея на Обь. Через Карское море маршрут был опасен. В 1942 году там появился немецкий линкор «Адмирал Шеер». Начали готовить экспедицию по проводке судов по Обь-Енисейскому каналу, который к этому времени бездействовал почти полвека. Этот канал – уникальное гидротехническое сооружение. Юго-западнее географического центра России, находящегося на юго-восточном побережье озера ВИВИ в Красноярском крае, перед строительством транссибирской магистрали, почти в конце XIX века был построен судоходный канал – многовековая мечта наших предков, в том числе Петра I, соединить две самые великие реки России, Обь и Енисей, в единую водную транспортную систему. Представьте себе, на теплоходе из Екатеринбурга, Кустаная, Тобольска, Омска, Семей (Семипалатинска), Новосибирска до Байкала, почти десять тысяч километров. Первые практические предло-

жения по строительству канала появились в конце XVIII века, а в XIX был выбран вариант – прорыть канал длиной восемь километров от водораздельного озера до притоков Енисея Большого и Малого Каса. Канал был построен и открыт в 1891 году, но началось строительство мощного конкурента – Транссибирской магистрали, и он был постепенно заброшен. К 1942 году уникальное гидротехническое сооружение частично разрушилось, а реки, входившие в систему, заросли и превратились в ручьи.

Руководителем экспедиции назначили Михаила Григорьевича Назарова. 2 мая 1942 года в Злобино приняли пароходы «Пограничник» - капитан Ефим Егорович Корсаков, «Механик» – капитан и лоцман Леонтий Михайлович Егоров, «Капитан» Василий Николаевич Юхновец и катер-газоход «Газ-25» - капитан Викентий Павлович Оглодок. Героический поход начался 8 мая от устья реки Кас. А.Н. Осипов в документальном очерке «Последний караван Обь-Енисейского канала» пишет: «Речники при движении каравана были вынуждены не только вести суда, протаскивая их по мелководью, но и восстанавливать разрушенные плотины и даже строить временные запруды... при острейшей нехватке инструментов, снаряжения и материалов, а работы велись в полевых условиях, без каких-либо механизмов, в безлюдной тайге, где беспощадный гнус и болотная сырость».

Готовили экспедицию руководители речного флота Красноярского края К.Ф. Мясников, И.М. Назаров, А.А. Рыкшин и начальник управления речных путей Обско-го бассейна А.П. Морозов. Эти опытные специалисты не могли спланировать и осуществить почти бесполезную экспедицию, чтобы решить частные хозяйственные нужды. Скорей всего, можно предположить, что они выпол-

няли скрытые цели. Некоторые исследователи считают, что это была проверка пригодности водного пути как резерва, а возможно, и дублера железной дороги. Тем более БАМа тогда не было. Руководители страны хорошо понимали: если Япония нападет на СССР, вся нагрузка по доставке грузов ляжет на реку Енисей и северный морской путь. Надо было знать наверняка, можно ли сезонно задействовать Обь-Енисейский канал. Общее расстояние, которое надо было пройти, проползти, прорубиться каравану из Енисея в Обь, составляло 1091 километров.

Первые 213 километров по реке Большой Кас прошли почти без проблем. Повернули в речку Малый Кас. Средняя глубина на фарватере была 1.3 метров. До канала оставалось пройти по реке 95 километров, которые состояли из одних крутых поворотов. Александровский шлюз прошли 4-го июня. После него прошли метров пятьдесят с одним изгибом. Первым шел короткий газоход с малой осадкой. За ним на повороте воткнулся носом в берег пароход «Пограничник». Пришлось четыремя командами под руководством заместителя начальника экспедиции Александра Дмитриевича Багаева и прораба Николая Яковлевича Осипова, лопатами спрямлять берег. Следующие два дня ушли на Георгиевский шлюз. Расчищали его от завалов карчей, работая ручной пилой, в народе называемой «дружкой». Пришлось сделать три взрыва. Впереди оставалось пройти еще двенадцать шлюзов. Если иллюминаторы были открыты, то через них, то и дело, ветки кустов и корневища оказывались в каютах. После Безымянного шлюза сели на мель, даже газоход. Пароходы и газоход силами бригады плотников под руководством бригадира Григория Егоровича Прончатова, водолазов под руковод-

ством старшего водолаза Павла Тихоновича Шадрина, матросов, кочегаров, сигнальщиков, механиков, при помощи канатов и ворота протаскивали через мель. Редкие жители, старовера-беспоповцы, иногда выходили из леса, привлеченные раскатистым эхом гудков речных кораблей, которые звучали тревожно и громко в молчаливой тайге. Радист Андрей Генрихович Хабас ловил тревожные сводки Совинформбюро.

11 июня проходили Налимный шлюз, пришлось делать плотину для подпора воды. Когда глубина была достаточна, чтобы двигаться дальше, из плотины вылетели бревна и плотина развалилась. Все пришлось делать заново и ждать набора воды. Всю ночь пилили дрова, загрузили около шести кубометров.

19 июня, после шлюза Мокряки, крепко сели на мель, но за двадцать часов и с ней справились. У шлюза Марьяна Грива при низких берегах речки стало очень мелко, не пройти, углубляли фарватер лопатами. Работы велись без перерыва, днем и ночью. Если сделать перерыв, то илом может затянуть прокопанный фарватер. За сутки продвинулись на тридцать метров. Иногда сыпучие берега не выдерживали закрепленные в них заново построенные плотины, напором воды, как в половодье, они разрушались. 27 июня караван еще ползет через шлюз Марьяна Грива. Тайга подступила к самым берегам и вверху почти сомкнулась кронами через речку. Пришлось снять надстройки пароходов. А из-за малой ширины водного пути с одной стороны демонтировали гребные колеса.

Наконец-то 3 июля караван покидает русло Малого Каса и входит в его приток, еще более мелкий, по которому, если повезет, дойдет до канала и в начале его, шлюза Касовского. Тайга поредела, раздвинулась,

но вместе с этим почти исчезло русло реки, хоть тащи пароходы волоком. Снова тяжелые земляные работы, да еще в воде, в вязкой грязи, в туче комаров и мошек. Сделали разведку и определили, что надо, как минимум, пять километров углубить фарватер речки и расширить ее русло, местами метров на десять. Песчаные берега пришлось укреплять кольями, заплотами из веток и хлыстов. Без этого они разрушались, и русло опять становилось мелким. На этом ручейке строится уже третья плотина. Земляной дерн сняли от берега реки уже на триста метров. Редкий лес вблизи был весь вырублен, и хлысты приходилось таскать за один-два километра. Вбиты тысячи кольев и свай, перетасканы тонны и тонны дерна, вынута лопатами из ручья десятки тонн грязи. Кто работает в холодной воде, страдают от гноса всех больше, голые лица, шеи и руки облеплены комарами, мошки лезут в рот, от укусов которых лица опухают и синеют. Работали все, включая коков и медработников

Уверенность появилась, что дойдут до Оби, после того как 13 июля подошли к Касовскому шлюзу – в начале канала. На восемь километров его надо было углубить и протащить суда. Пошли быстрее, впереди газоход с малой осадкой тащит пароходы. Канал прямой, как натянутая веревка. В водораздельное озеро пришли вечером 14 июля. Глубина до полутора метров, при длине пять километров – ширина семьсот метров. Озеро примечательно тем, что вода вытекает из него в бассейны двух крупнейших рек России, в противоположном друг другу направлении: на восток в Енисей и на запад в Обь. Озеро находится на вершине водораздела. Выходя через четыре дня из озера, газоход «Газ-25» первым вошел в 34-километровый мелководный приток реки Ломоватой – Язевую и пошел не против, а по течению. На

ней три шлюза: Николаевский, Генеральский и Новый Стан. На каждом ворота необходимо ремонтировать и в каждом, при закрытии ворот, трижды поднять воду и протянуть один за одним пароходы. И уже 3 августа на Новом, когда последний раз спустили воду, караван вошел в приток реки Озерной – Ломоватую, по ней надо пройти пятьдесят километров. На ее поворотах заломы из бревен и карчей, на каждом караван задерживается. А речка извилистая, поэтому стоять приходится сутками. Трое суток проходили шлюз Красный Яр и мель у него. Наконец-то 3 сентября после прохода шлюзов Веселого и Ломоватого караван вошел в пятнадцатикилометровый отрезок притока реки Кеть – Озерную. Проход по ней был суточным отдыхом.

Караван 4 сентября пришел к устью реки Озерной при впадении ее в реку Кеть – правого притока Оби у поселка Усть-Озерный. До великой реки осталось пройти пятьсот восемьдесят семь километров по полноводной, даже осенью, по-сибирски широкой, иногда более пятисот метров, реке Кеть. Не могу не сделать сравнение. Почти все знают реку Дон, длина ее 1870 километров, а реки Кеть – 1621. До Оби дошли за сутки. Проходя устье реки Кеть, пароходы и газоход дают прощальные гудки. Прошли! Все трудности позади. Они гордились тем, что, почти на руках, перетаскивали суда из Енисея на Обь. Работа была проделана огромная с затратой душевных и физических сил, невиданных человеческих испытаний, цель экспедиции была достигнута. У всех участников было понимание возложенной на них ответственности и чувство выполненного гражданского долга. Каждый помнил – идет Великая Отечественная война, перемалывая своими жерновами все, что попадает на нашей Родине.

Все пароходы после капитального ремонта работали до конца войны, кроме газохода, который не выдержал испытаний. В дальнейшем «Большевик», переименованный в «Старый Большевик», попадет в караван PQ-16, и обновленная, но штатская, команда совершит невозможное. Его посчитали утонувшим, а всех погибшими, но весь израненый, обгоревший скелет, но с грузом прорвется и догонит караван. За подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза: капитану И.И. Афанасьеву, первому помощнику К.М. Петровскому, рулевому Б.И.Аказенку, а сам теплоход был награжден орденом Ленина. Но это будет намного позже. Все участники Енисейско-Обской экспедиции, наверное, были достойны награды, но по каким-то причинам награждены не были.

Шестой Герой Советского Союза

Михаил Васильевич Водопьянов стал первым в мире летчиком, который посадил самолет на Северном полюсе. 18 ноября 2019 года исполнилось сто двадцать лет со дня рождения Героя Советского Союза.

М. Водопьянов родом из крестьянской семьи. Во времена Гражданской войны он вступил добровольцем в ряды Красной Армии, где воевал с отрядами Колчака и Врангеля. Гражданская война, как ни странно, привила Михаилу Васильевичу мечту о небе – он был обозным в Дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец».

После Гражданской войны Михаил Водопьянов под руководством «пионера» российской авиации Харитона Слаторосова становится авиационным мотористом, а

потом и бортмехаником. Впоследствии Михаил Васильевич, окончив летную школу «Добролет» и Московскую лётно-техническую школу, становится не только летчиком, но и полноценным специалистом в области авиации.

Первым важным достижением советского летчика стало открытие пассажирской линии из Хабаровска на Сахалин протяженностью в 1130 километров, которая неофициально стала называться «Трассой героев». В 1934 году он участвует в героическом спасении экипажа парохода «Челюскин», за что награждается Золотой звездой Героя за № 6. В 1935 году ему была поставлена задача изучить трассу Севера для организации почтово-пассажирских перевозок, и он совершает перелет через двенадцать городов в сложнейших условиях: Москва, Свердловск, Омск, Красноярск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Охотск, Магадан, Анадырь, Мыс Шмидта.

21 мая 1937 года М. Водопьянов первым в мире произвел посадку на макушке Земли и высадил группу зимовщиков. Этот полет назвали полетом в будущее, за что он был награжден орденом Ленина.

Во время Советско-финской войны был командиром тяжелого бомбардировщика и принимал непосредственное участие в боевых действиях. После ее окончания, в 1940 году, Водопьянов постоянно летает на ледовую разведку Северного морского пути. За день до начала Отечественной войны он с экипажем проводил воздушную разведку, которая продолжалась двадцать пять часов, и только после посадки узнал о начале боевых действий. Командир дивизии М. Водопьянов уже в августе 1941 года летал бомбить Берлин. В дальней-

шем он почти каждую ночь вылетал и бомбил заводы, на станциях эшелоны врага в Кенигсберге, в Данциге.

После Победы М. Водопьянов принимает участие в секретных экспедициях «Север» и «Север-2» и за это награждается еще одним орденом Ленина. Он же, для того времени, поставил абсолютный рекорд по летному возрасту, летая до пятидесяти пяти лет.

У Михаила Васильевич был писательский талант – он являлся членом Союза писателей СССР и автором более 20 книг о покорении неба. С женой Марией Дмитриевной вдвоем вырастили и воспитали семерых детей. М. Водопьянов не только один из первых Героев Советского Союза, но и кавалер девяти орденов: по четыре ордена Ленина и Красного знамени, одного ордена Отечественной войны 1-ой степени. К великому сожалению в 1980 году он ушел из жизни. Отдавая должное подвигам Водопьянова Михаила Васильевича, в Москве, Липецке и Севастополе его именем названы улицы. А на Ходынском поле поставлен памятник, увековечивший его подвиг – посадку самолета на Северном полюсе.

«Заповедник Геринга»

Так называли немцы ад, из которого бежали десять заключенных, совершив беспримерный подвиг, во главе с летчиком Девятаевым Михаилом Петровичем.

На западной оконечности острова Узедома в Балтийском море располагалась секретная база Пенемюнде. Заключенные называли это место – «Остров дьявола». Фау-2, детище Вернера фон Брауна, в будущем отца

американской космонавтики, уходили в ночь на Лондон с десяти стартовых площадок.

Командовал сверхсекретным подразделением обер-лейтенант Грауденц. Сам летал на новейшем бомбардировщике «Хейнкель-111», на котором стоял вензель (Густав Антон) «Г.А.» Именно на нем был совершен побег группы военнослужащих СССР 8 февраля 1945 года. За штурвалом был старший лейтенант М. Девятаев.

Маленький Михаил был в семье Девятайкиных тринадцатым ребенком, ровесник 1917 года. После окончания семилетки поступил в Казанский речной техникум, одновременно занимаясь в аэроклубе. В это время его и перекрестили в Девятаева. Как только призвали его в Красную Армию, он очутился в Чкаловской военно-авиационной школе имени Ворошилова, которую окончил в 1940 году. На фронте с первого дня войны и уже 24 июня сбил первый самолет противника, за что был награжден Орденом Красной звезды. В сентябре 1941 года был ранен и после госпиталя продолжал службу в тихоходной авиации. Благодаря А.И. Покрышкину в мае 1944 года вернулся в истребительную авиацию, в его дивизию, но 13 июля М. Девятаев был сбит. Приземлившись на парашюте, тяжело раненый попал в плен.

Сейчас, по прошествии семидесяти пяти лет после знаменитого побега он действительно из всех побегов в истории Второй мировой войны является уникальным, самым героическим и дерзким. Они, десять военнопленных, голодных и изможденных, сумели захватить самолет «Heinkel-111» с совершенно секретной аппаратурой на сверхсекретном полигоне и поднять его в воздух. Даже сам самолет был тайной об оружии возмездия Третьего Рейха. На нем стояла аппаратура слежения и контроля полётов знаменитых немецких ракет

Фау. Надо отдать должное: лётчик-истребитель Михаил Девятаев смог разобраться с управлением вражеского бомбардировщика, за штурвалом которого он никогда не сидел. В своей книге «Побег из ада», он вспоминал об этом так: «Рёв самолётов, их вид, их близость с громадной силой всколыхнули мысль о побеге». С этого момента все было подчинено подготовке к нему. Поднять бомбардировщик одному было не по силам, и он начал подбирать команду. Ядром экипажа стали еще двое: Иван Кривоногов и Владимир Соколов. Они изучили весь распорядок педантичных немцев и воспользовались этим.

8-го февраля, обезвредив сопровождающего, сняли с него одежду. В нее переоделся Пётр Кутергин и, взяв автомат, на виду охранников на сторожевых вышках повел всех к самолету. Когда взрехали оба мотора, никакой тревоги на аэродроме не было. Все привыкли к частым полетам данного самолета и не обращали на него внимание. Самолет начал набирать скорость. Все видели, что полоса заканчивается, а самолет взлетать не хочет. Михаил догадался, что после посадки тримеры руля высоты были оставлены, по-простому, в посадочном положении. Чтобы взлететь, надо было найти за секунды в большой кабине, среди сотен тумблеров и приборов управление тримерами. Это было невозможно. М. Девятаев моментально принимает решение, развернув самолет, идти повторно на взлет. Аэродром ожил, на нем началась суета. Вот-вот начнут стрелять. И летчик закричал:

— Помогайте!

Соколов и Кривоногов бросились к Девятаеву, и все троим навалились на штурвал. Когда самолет оторвал шасси от полосы, под ними было Балтийское море. По-

сле набора высоты они вошли в облака. С момента переобдевания в охранника прошла двадцать одна минута. Вы можете себе представить двадцать одну минуту страха и отваги, риска и нервов, героизма. На перехват были подняты истребители. Но они не знали маршрут беглецов. Тем более немцы были уверены, что самолет угнали пленные англичане.

При пересечении самолетом с беглецами линии фронта их обстреляли наши зенитчики и «удачно», самолет подбили. Один из двигателей загорелся, но М. Девятаев не был бы летчиком, если бы не справился с этой ситуацией. Боковым скольжением он сбил пламя, но самолет пришлось посадить на поле, в кабине после обстрела появились раненые. Была зима. Навстречу нашим бойцам в полушубках с автоматами, готовых взять экипаж в плен, из самолета вышли, поддерживая друг друга, десять полускелетов в полосатой одежде, грязные, забрызганные кровью, в деревянных башмаках. Каждый из них весил примерно сорок килограммов. Наши солдаты их несли в часть как детей, на руках.

Можно представить, что после этого побега творилось на «Острове дьявола». Летчика из дивизии А.И. Покрышкина Михаила Петровича Девятаева за угон сверхсекретного самолета А. Гитлер объявил личным врагом. Англичане, начиная с 1943 года, не могли уничтожить бомбардировками из-за ложного аэродрома и ложных целей «Заповедник Геринга». И только после точного указания координат целей М. Девятаевым наша и союзная авиация наносили удары пять дней. Перед этим последняя ракета с полигона поднялась 17 февраля 1945 года. Самая большая заслуга М. Девятаева состоит ни в том, что вырвался из плена сам и вырвал еще девять человек, а в том, что во время жестокой войны помог

уничтожить одно из главных подразделений фашизма, оружие возмездия. Помог Советскому Союзу в создании баллистических ракет. Он несколько раз ездил на данный остров с Сергеем Павловичем Королевым.

По ходатайству трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина 15 августа 1957 года Михаилу Петровичу Девятаеву было присвоено звание Героя Советского Союза. И в этом же году на Волге его назначают капитаном одного из первого судна «Ракета».

Тридцать пять лет назад М.П. Девятаев побывал со своей семьей на этом острове. Показал сыновьям, где что было, бараки, самолет. Прошли они по взлетной полосе аэродрома до самого обрыва над морем.

Елена Кастерина

г. Благовещенск

*О вечном говорила боль в глазах,
Видавших то, что нам с тобой не снилось.
Скупая ветеранская слеза
С щеки морщинистой к нему в ладонь катилась.*

*«Я дожил... А иные не дошли...
Чтоб нам сегодня праздновать победу.
Они в сырую землю полегли,
Чтоб наши внуки радовались свету».*

*Стоит военный, грудь вся в орденах:
За Будапешт, за взятие Берлина...
И вспоминает тех, с кем был в боях.
Из них осталось меньше половины.*

*Все меньше ветеранов с каждым днем
Нещадно время косит их ряды.
Мы горькую с тобой сегодня пьем
И к Вечному огню несем цветы.*

*Мы помним всё... Рассказы о войне
Звучат в сознании четко, как набат.
Давай с тобой немного помолчим
Войны минувшей доблестный солдат.*

*Кровавым заревом подёрнут небосвод.
В дыму пожарами, рёва канонады
Девчущечка с косичками ползёт
К позициям разбитого отряда.*

*Бледнеют губы. Лишь бы доползти.
Уверена, что я ещё успею.
Трудней последних метров нет пути.
Блиндаж и путь открыт на батарею.*

*Блиндаж... а дальше раны, стоны, кровь,
Орудья перемешаны с землёю.
А худенькая девочка ползёт,
Пытается бойца прикрыть собою.*

*И тянет, тянет из последних сил.
Вот мать не получила похоронку.
А тот боец, очнувшись, все просил
С косичками ту отыскать девчонку.*

*Пытался... только где её найдёшь.
Она опять под пулями ютится.
- Терпи браток... немного... доползёшь...
- Спасибо внучка, доченька, сестрица.*

**«Спасибо деду за победу!» –
известный лозунг с малых лет.
- Я завтра, дед, к тебе приеду,
хотя тебя в живых уж нет.
И через пару дней весенних
пойдём мы вместе на парад.
Увидишь, сколько там военных
на нас из прошлого глядят.
Пройдёшь со мною по брусчатке
совсем как в тот далёкий год,
Когда отсюда прямо в пекло
ушел и твой бессмертный взвод.
Они сегодня вместе с нами:
их внуки, правнуки пришли.
И в каждом пламенное сердце
стучит, пульсирует в груди.
Бессмертный полк не поредет.
Он будет жив, пока все мы
Проходим строем по дорогам
великой Матушки-Земли.
Покуда помнят наши дети
и внуки свято подвиг чтут,
Бессмертный полк не постареет,
ведь деды в памяти живут.**

Борис Калашников

г. Москва

Фронтовые фотографии

*Как шедевры художников старых,
Прибавляя с годами в цене,
Фото смотрят на нас из альбомов,
Память тех огневых рубежей.*

*Это дядьки наши и деды,
Не вернувшиеся с войны,
Не дошедшие до победы,
Не дожившие до весны.*

*По одному или взводом,
Как заснял репортёр фронтовой,
Молодые совсем ещё парни,
А над ними уж крест роковой.*

*Не пришли они, не вернулись.
И молитвами не воскресить
Всех закопанных в братских могилах,
Всех, которым бы жить, да любить.*

**Нам глаза с этих давних портретов
Святят словно в ночи маяки,
И нельзя взять ни вправо, ни влево
С освещённого ими пути.**

**Не предать эту светлую память,
Веру в правду не расплескать.
Будем помнить, пока живые,
Пока можем ещё дышать.**

Были, есть мы и будем братьями

*Знаю, и до мига последнего
Навсегда у меня в сознании,
Что отца моего израненного
С поля боя нес друг-украинец.*

*Общей кровью, могилами братскими
Мы друг к другу навеки привязаны.
Судьбы вдовьи, шинели солдатские,
Помнить это мы вместе обязаны.*

*Наша память живет преданиями.
Чтоб понятней, скажу короче:
Были, есть мы и будем братьями,
Кто бы нам и чего ни пророчил.*

*Как бы разные шавки ни тявкали,
Ядовитой слюной ни капали,
Все мы братья, братья по родине,
Миллионы при том – по матери.*

Вероника Богданова

г. Лабытнанги

На грани смерти...

(военный цикл)

***...Незабываемые годы,
Незабываемые дни:
Штурм высоты, атака с ходу
И взрывов дальние огни.
А ты ползёшь, с землёй сливаясь,
Наизготовку – автомат,
И старшина сказал, прощаясь:
«Держись, сынок... Держись, солдат!»
...Он пережил бойцов немало,
Ему годившихся в сыны...***

***...Мы всё запомним, чтоб не стало
На свете шанса для войны...***

*На грани неба и земли
В тиши рассвета
Тревожат песней соловьи
Начало лета.
На грани мира и войны –
Почти за гранью –
Досматривают люди сны
Июньской ранью.
Но чуток сон, и ночь кратка
Солнцеворота...
Уже, пронзая облака,
Мчат самолёты,
С нечеловеческой тоской.
Натужно воя...
А где-то ночью над рекой
Сидели двое,
Слова чуть слышные любви
Уносит ветер...*

*Любовь, Господь, благослови –
На грани смерти...*

Помолюсь...

*...Помолюсь за тебя я тихонечко,
Хоть неверием сердце измучено...
Мир июньский – беспечный и солнечный –
В ночь сменила война неминуемая.*

**И пришла эта боль несказанная –
Та, которой теперь всё измерено,
И сквозь боль наполняю я заново
Душу – верой, отринув неверие...**

**Я молитву шепчу осторожную,
А сердечко трепещет – поможет ли,
Одолеет ли смерть неизбежную
Крест, тайком в вещмешок твой положенный?..**

**Даже ангелы – светлые вестники –
Пред войной оказались бессильными!
...Под рубаху надетые крестики
Обернулись крестами могильными.**

**Над бомбёжками и над атаками,
Над пожарищами рукотворными
Кровью белые ангелы плакали.
Становясь от бессилия – чёрными...**

**Я – не ангел, я женщина. Стало быть,
Мне бессильно рыдать не положено,
Я до лучших времён свои жалобы
Отложу – но свершу невозможное!**

**Помолюсь за тебя! Слышишь, милый мой?
И плевать мне, что ангелы – чёрные!
Это скорбно кружат над могилами
И не ангелы вовсе, а – вороны!**

*Для тебя, мой любимый, всё сделаю,
Злую долюшку переиначу я!..
Но в атаку – за Родину! – смело вы
Умирали, вчерашние мальчики,*

*Но покрытый бинтами кровавыми
Выжил ты в лазарете горячечном...
Сгиньте, вороны: были неправы вы,
Милый в списках убитых не значитесь!*

*...Похоронку – бумажку обманную,
Ту, что после атаки досталась мне,
Молча пальцами рву деревянными.
И боюсь я поддаться усталости,*

*Чтоб молитва моя исступлённая
Не смолкала ни ночью, ни днём!
Плачьте, ангелы! – Сердце влюблённое,
Слёзы спрятав, спасёт под огнём...*

Победа

*Звучало это слово, как молитва,
Смерть отводило и вперёд вело,
Давало силы в яростную битву –
И в сердце билось, всем врагам назло!*

***И вся страна – от края и до края –
Вставала с этим словом на устах,
Работая, воюя, умирая,
Отчаянно одолевая страх...***

***И, уходя из дома, наши деды
На запад шли, уверовав в тебя.
И пробил час.
И ты пришла, Победа!
И мир вздохнул, ликуя и скорбя.***

***Пусть год от года этот мир моложе,
Но боль войны не стала просто сном,
И в сердце всё чеканнее и строже
Звучит, тревожа память, метроном.***

***Сквозь пепел лет прорвётся из бывшего,
Как светлый отблеск вечного огня,
Победа – нестаряющее слово,
Что наполняет гордостью меня.***

Баллада о матери

***По этой гулкой лестнице из камня
Не ходят люди в гости и домой.
По ней к солдату-сыну ходит мама
И просит, чтоб вернулся он живой.***

*Уже давно салюты отгремели
Над крышами в победном том году,
И почтальонши просто не посмели
После победы в дом нести беду.*

*Одна из них, совсем ещё девчонка,
Сказала: «Может, это ерунда,
Наверное, ошиблась похоронка
И не к тому пришла, и не туда?..»*

*...Конверт смертельный спрятан был надёжно
От глаз людских, а после – позабыт...
А мама ждёт и верит, что, возможно,
Война лихая сына возвратит.*

*Быть может, он тоскует на чужбине,
В беспомоществе живя за годом год...
А мама вечно молится о сыне
И ждёт его. Зимой и летом – ждёт!*

*...По лестнице взойдя, гранит шинели
Вновь гладит лёгкой сморщенной рукой...
Ах, как давно салюты отгремели,
Но матери не принесли покой.*

*У каменного строгого солдата –
Знакомые мальчишечьи черты.
Таким он на войну ушёл когда-то,
Таким – над постаментом он застыл:*

***Серьёзные глаза и чуб упрямый,
Цветы у ног, когда приходит май...
О, Боже, дай здоровья нашим мамам
И сыновей у них не отнимай!***

***Их никогда не будет с нами рядом:
Погибшие не встанут во плоти.
Нарушен был космический порядок,
Не дав ушедшим в жизни воплотить
То, что мальчишку делает мужчиной
И ценится в любые времена:
Ни дома нет, ни дерева, ни сына –
Мужчинами их сделала война,
Их женщиной единственную стала
И уложила в землю, как в постель...
Кого-то возвела на пьедесталы –
Гранитные – за тридевять земель,
Ну, а иных, в безвременье оставив,
Лишила вовсе права на погост...
Лишь журавлей тоскующая стая
Проводит души их до самых звёзд.
И смотрят звёзды сверху виновато
На мир, лишённый сыновей своих...
А здесь, внизу, состарились девчата,
Что в бой когда-то проводили их.***

Глаза Победы

*Июньская душная ночь разразилась грозой,
И капли дождя, торопясь, отстучали морзянку,
Что эта гроза обернётся войной спозаранку,
И каждая капля прольётся кровавой слезой.*

*Всё дальше к востоку гремели раскаты войны.
Горели деревни. Стонал Ленинград под блокадой.
Дымилась снега... Только, путая гром с канонадой,
Сжимались сердца от предчувствия новой весны*

*И верили свято: она непременно придёт,
Под Курском неустово танковый строй размыкая,
Цветами над каменоломнями Аджимушкая
Приветствуя степью – и на запад наш путь повернёт!*

*Давно за спиной Сталинграда ночные огни,
Форсирован Днепр, и пылают навстречу закаты...
И, майской грозой умытаясь, считают солдаты
Уставшей войны по минутам последние дни.*

*Теперь уже майская ночь на излёте войны
Салютные залпы транслирует в чутком эфире,
И смотрит Победа на радость в израненном мире –
Глаза Богородицы юной девчонке даны,*

*И в этих глазах – сыновей потерявшая мать,
Голодный ребёнок, в атаке погибший солдат,
Успевший шепнуть перед смертью: «Ни шагу назад!»
И эти глаза нам нельзя ни забыть, ни предать...*

***Мы – прошлой войны нерождённые дети.
Погибли мальчишками наши отцы.
Один – в сорок первом, другой – в сорок третьем...
На плач наш беззвучный никто не ответит, –
Кровавую жатву собрали жнецы.***

***Мы – концлагерей бесприютные тени,
Нас жгли и душили за то, что мы есть.
И нас – миллионы, ушедших в забвенье...
Убив, не поставили нас на колени, –
Нас с дымом печей вознесли до небес...***

***Мы – с мёртвых полей не взлетевшие птицы.
Нам не было места для гнёзд на земле,
А небо, где нам на крыло становиться,
Изранили в кровь артобстрелов зарницы...
А птицы не могут гнездиться во зле!***

***Мы – вечной разлуки заложницы – вдовы.
Не выплакать слёз нам до самого дна.
Мы ждать до скончания века готовы
И рваться на зов, если снится нам снова,
Что мужа живым отпустила война.***

***Мы все – той войны незажившие раны,
Нам в памяти вашей болеть суждено.
Болеть отрезвляюще и постоянно –
За всех, кто погиб. За живых ветеранов.
Лишь с этою болью вам выжить дано!***

Роман Челядинов

г. Санкт-Петербург

Помни

*Мы последние, кто видит ветеранов,
Мы последние их слышим голоса.
Помни, как сражался Колобанов,
Он один, а немцев было двадцать два!
Это поколение Гастелло
Воинов и смелых партизан,
Если враг подбил коварно в небе,
Самолет пускали на таран!
Шли бои, а на заводах дети
Норму выполняли на станках,
Мужественно преодолевая
Голод, холод, взрывы, боль и страх.
Их фашисты мучили блокадой,
Жгли, травили газом в лагерях.
Помни, как в пылающей Хатыни
Встал старик с ребенком на руках.
Бились все от мала до велика.
Сколько было женщин на фронтах!*

***Помни, как сражались Павличенко,
Шанина с винтовкою в руках.
Это поколение героев.
Извините, всех не перечесть.
Лишь о настоящем человеке
Обещай мне в повести прочесть.
Знай победоносные сражения,
Подвигам и павшим счету нет.
И фашистам за все преступления
Оправдания не было и нет.
Мы последние, кто видит ветеранов.
Если что не так, прости нас бог!
Помни, правнук, как они не дали
Твою землю вырвать из-под ног!***

***Еще вчера нам пели птицы,
Там, где сегодня льется кровь.
И тот, кто падал, обессилев,
В атаку поднимался вновь!
Пехота, танки, самолеты
За мать, за Родину, за дом!
За вас, советские девчонки,
Катюши разразится гром!
Пройдут года, и станет дедом
Красноармеец, что принёс
Священный праздник День Победы.
Мы благодарны вам до слёз!
А сколько вас, сынов Отчизны***

**Война с собою забрала.
Ваш подвиг, стимул нашей жизни,
Несокрушимый, как скала!
Хранят сердца родных бойцов –
Сынов, мужей, дедов, отцов.
Их миллионы на земле.
Так, может, скажем нет войне!**

**Я не верю, что есть атеисты.
На войне, под свинцовым дождем
Кто ни разу не вспомнил про бога,
Находясь под прицельным огнём,
Пробегая по минному полю,
И горя в раскаленной броне.
Я не верю, что есть атеисты
Среди тех, кто бывал на войне.
Он носил на груди орден Ленина,
Коммунистом себя называл.
А когда повидался со смертью,
Вместе с бранью молитву читал.
Может быть и шутил не уместно,
Оскверняя и хая святых,
Но бесспорно ему помогала
Только вера остаться в живых!
Я не против, конечно же можно
Атеистом себя называть.
Да и это никак не мешает
«Отче наш» перед смертью шептать.**

Ольга Дудолодова

г. Красногорск

Подвиг Матвея Кузьмича

*(О подвиге в феврале 1942 года
Героя Советского Союза 83-летнего
крестьянина М.К.Кузьмина)*

***Есть в Московском метро эта станция,
И назвали её – Партизанская.
Там стоит удивительный памятник,
Возвышаясь в величии каменном, –***

***Дед Кузьмич. Он простым был крестьянином –
Стал советским Иваном Сусаниным!
Из Куракино, Псковской губернии,
Сын России, отважный и верный.***

***В центре зала стоит, не с обочины,
Но бежит мимо люд озабоченный,
Как река, пьедестал огибая,
Не вникая, не замечая...***

*С длинным посохом он, в русских валенках –
Знать, собрался в дороженьку дальнюю,
В долгополом тулупе крестьянском
И с тревогою смотрит в пространство:*

*Будто свыше внезапно окликнули –
Чтоб решался на дело великое.
Или просит он силушки – выдюжить,
Что судьбой предназначено – выдержать?*

*Посох – как богатырская палица.
А натруженной левой ладонью
Сердце он успокоить пытается –
Видно, бьётся оно до боли.*

*Должен был он фашистов вывести
К нашим в тыл, через яр и болота.
Посулили продуктов, милостей,
Дорогое ружьё для охоты.*

*Согласился. Как шёл по деревне –
Ненавистно соседи косились.
А с его порученьем тем временем
Тайно в лес ускользнул сын, Василий –*

*Чтобы наших позиций достичь,
Доложить командиру бригады.
И накрылись фашистские гады –
Под огонь ты их вывел, Кузьмич!*

**Пусть бегут, не заметив твой памятник,
Озабоченные москвичи.
Если снова страна вспыхнет пламенем –
Встанут строем её Кузьмичи!**

Побег из плена

*Шёл сорок пятый год, зима. В Балтийском море
На острове германском Узедом,
Согнав людей с подвластных территорий,
Фашисты строили аэродром.*

*Там был советский лётчик Девятаев,
Захваченный фашистами в бою.
Лишь только к Родине любовь святая
Питала жизнь его у смерти на краю.*

*Под именем чужим попал на остров
Гражданским узником. Теперь бетон мешал
И, ко всему приглядываясь остро,
Угнать фашистский «Хенкель» замышлял.*

*Как резок ветер на пустом пространстве,
Как бьёт поддых, за каждый нерв берёт!
Но Девятаев с тайным постоянством
Следил, как к вылету готовят самолёт.*

*Сперва побег считали невозможным.
Но нет от гибели иного избавленья!
И вот, со свалки самолётной, осторожно
Ему таскали пульты управленья.*

*Володя Соколов – он знал немецкий –
Переводил названья рычагов.
И так знакомился с системой неизвестной
Наш Михаил под носом у врагов.*

**Однажды очень крупно повезло.
Он с крыльев снег сметал, стекло протёр.
И наблюдал, взобравшись на крыло,
Как вражий лётчик прогревал мотор.**

**И вот – восьмое февраля. Ясна погода.
Фашисты «Хенкель» снаряжают на подъём.
Сигнал к обеду. Немцы бросили работу,
Мгновенно опустел аэродром.**

**Удобный случай! Тут же, за уборной
Убили конвоира, взяли ствол,
И Кутергин, в его одевшись форму,
Как под конвоем к самолёту всех повёл.**

**Пробили дверцу. Сразу Михаил
В кабину. Где аккумулятор?! Нету!
Да так и на пол вдруг осел, без сил.
Но вмиг запасный раздобыли где-то**

**И в бортовую сеть включили слева,
Струбины сняли с элеронов и рулей.
Мотор взревел – пока что для прогрева.
«Все в фюзеляж, ребята! Поживей!»**

**Пошла машина, набирая ускоренье!
Уж ручка – до отказа на себя. Вперёд!
Уже штурвал в нейтральном положенье –
Но нет подъёма! Скорость есть, но где же взлёт?!**

**Чуть оторвались от земли – паденье.
Кончается для взлёта полоса!
И кувырок грозит в одно мгновенье
Если сейчас нажать на тормоза.**

**А за обрывом – море. Лётчик до упора
Дал левый тормоз. Правому мотору
Усилил обороты. Самолёт
Дал бешеный по кругу разворот,**

**И пылью свет затмило, будто ночью.
Он был всего в двух метрах, и – обрыв!
«Дави на руль, вы, оба, что есть мочи!»
Вдвоём нажали. Бег. И наконец – отрыв!**

**Чуть штопором не врезались в волны!
Но – вверх, к свободе! Их пытались сбить.
Они скрывались в тучи, в мраке полном
Летели целых полчаса. Но счастье жить**

**Уже бурлило в десяти сердцах.
Их на родной земле встречали братья,
И радость без начала и конца,
И Родины холодные объятья.***

* Участники побега были заподозрены в шпионаже. Только в 1957 году М.П.Девятаеву было присвоено звание ГСС, хотя уже до плена он сбил 10 фашистских самолётов. Сведения взяты из книги М.П.Девятаева «Побег из ада».

Памяти солдата

*Умирают листья даже в мае.
В жажде жизни, в жажде роста, цвета.
По законам, по каким – не знаю,
Опадают, не дождавшись лета.*

*Молодые, нежные, в прожилках,
Полные весенней гулкой влагой,
Красотою жизни не проживши
И земного не вкусивши блага.*

*Вот и день тот был погожим, вешним,
До Победы срок уже не длинный...
Семьдесят пять лет, как Коля Стрешнев
Пал в бою на улице Берлина.*

*Сколько раз война его щадила.
Помню, как форсировали берег,
«Если русские на Прут», – шутил он
С озорством, – «так немец враз на Серет».*

*Всю войну прошёл без передышки,
Награждён медалью «За отвагу».
Уж почти была фашистам крышка!
Но – упал на подступах к Рейхстагу.*

*Погибали наши даже в мае,
Вкуса Мира так и не отведав.
По законам, по каким – не знаю –
До сих пор мы платим за Победу.*

Владимир Касаткин

г. Вышний Волочёк

Солдат-победитель

*В войне победивший советский солдат
В деревне свой век доживает.
В картонной коробке награды лежат,
Он редко их так надевает.
Изба покосилась, да с крышей – беда,
Ремонт бы затеять... Вот только
Здоровье – не то, ведь с войны навсегда
Под сердцем на память осколки...
А будто недавно, победной весной,
В свою воротившись деревню,
Отстроили дом с молодой женой,
Сыграв всей семьёй новоселье.
По совести жили – всё, как у людей,
Работали вместе в колхозе.
В любви и достатке растили детей –
Житейская лирика в прозе.
Года пролетели, как птицы, стремглав,*

***По кругу – из осени в осень.
Разъехались дети. Жена умерла
Без малого лет уж как восемь...
Один-одинёшенек в ветхой избе
Свой век в тишине коротает.
Бессонница часто, и силы – не те,
Но он не сдаётся. Он знает:
Девятого Мая наденет солдат
Награды на старенький китель.
И выйдет на семьдесят пятый парад
Великой войны победитель!***

Михаил Демиан

г. Курск

Победы вкус

*Победы вкус – вкус сладкого вина,
Которое так сердце веселит.
Ура слетает с благодарных губ.
Закончилась жестокая война,
И долгожданный мир вокруг царит.
О, как же дорог сердцу он и люб!
Но горький вкус остался на устах
У тех, в чьей памяти еще живет
Неизгладимый ужас прошлых лет.
Их не поставил на колени страх
И не сравнял с землей фашистский гнет,
Но навсегда остался в сердце след.
Ведь вычеркнуть из памяти нельзя
Четыре года нестерпимых мук,
Агонии, в которой мир стонал;
Когда, народу гибелью грозя
И превращая в пепел все вокруг,
Враг землю жалом смерти поражал.
И сотни тел тех, кто вкушал вчера*

**Устами молодыми жизни плод,
Безмолвно остывали средь камней
Увы, была недолгой их пора,
Но тот, кто храбро пал за свой народ,
Достоин вечно жить в сердцах людей.
Далась отнюдь не легкой ценой
Победа нашим дедам и отцам,
Героям, отстоявшим мир для нас.
Хранить его за каменной стеной
То поколение завещало нам,
Чтоб на земле вовек он не угас.**

Во имя мира и свободы

**Вовек не будут преданы забвенью
Воспоминания родной земли
О том, как наши прадеды в сраженье
Во имя мира и свободы шли.
Земля тряслась, в страданиях стеная,
И бушевал огонь свинцовых стрел,
Пронзая и на части разрывая
Грудь тех, кто лишь недавно повзрослел.
Невинной кровью недруг упивался,
Стервятники клевали плоть людей,
И в небеса протяжно поднимался
Вопль женщин, потерявших сыновей.
Казалось, пред миром, что был прежде,
Вдруг встала неприступная стена.
Но теплилась в сердцах людей надежда**

*На то, что скоро кончится война.
Не прекращался бой ни днем, ни ночью,
И, не смыкая глаз, в атаку шли,
Чтоб жаждущую крови стаю волчью
Прогнать навек с лица родной земли.
И как бы враг ни скалил зубы грозно,
Родной наш край был у него отбит.
Так пусть же над землею грациозно
Орел свободы каждый день парит.
Пусть обратится в прах война навеки,
В небытие падет ее венец,
И крепко верит сердце человека,
Что царству мира не придет конец.
Народ, тогда врагу непокорённый,
Свободы не позволил нас лишить.
Докажем же, что мы ее достойны,
Стараясь на планете мир хранить.*

Прекрасный мир

*Прекрасный мир, где войнам места нет, -
Мечта любого жителя планеты.
Там дети появляются на свет
С устойчивым к войне иммунитетом.
Там люди с диким ужасом в глазах,
Услышав грохот, не бегут в укрытье,
Не порождают разногласья страх,
И не решают их кровопролитьем.
Не слышится там материнский плач*

***В пришедшей в запустение халупе,
И не клюет оголодавший грач
Сырой земле не преданные трупы,
Подростки у Мартеновской печи,
Согнувшись, не выстаивают смены.
Там на орала перекованы мечи,
И мир не ждут плохие перемены.
Там чтут и ценят дружбу, верность, брак,
Жизнь земляков и иноземных граждан.
Давайте ж, люди, жить отныне так,
Чтоб этот мир смог явью стать однажды.***

Вам, наши защитники!

Мария Целуйко

Исход

*Полукруги надбровий
Своевольно слились.
Казаки своей кровью
За Отчизну клялись!
За Царя! Холод стали...
Вехе злой вопреки,
Свою клятву давали
На века казаки.
И в полях обожженных
Осыпались хлеба.
Дома ждали их жёны,
Поджидала судьба.
Свет в сверкающей раме.
Дед мой – белый казак,
Битый злыми ветрами.
Шашки, кони, Колчак.
Знак двадцатого года-
В поле выжжен ковыль.
И опять – непогода,
Да косматая пыль.
На листве кукурузы –
Изощрённый узор.
Беляки... Краснопузы...
Да винтовка в упор.
Верность в сердце до тризны!
Сабля, кони, штыки.*

**Присягали Отчизне
И Царю казаки!
В деревнях обгорелых
Не закат, не восход...
Косит смерть красных, белых.
Вот он, страшный Исход!**

Уходил навсегда солдат

(Акростих)

**У порога больших столетий
Ходит быль во мгле тишины.
Опалённым дыханьем ветер
Демонстрирует лик войны.
И повсюду гарь, чёрный пепел,
Лязг железа и блеск штыков.
На долины, поля и степи
Ад кромешный валил стрелков.
В память лет, чьи дни величавы,
С огневых рубежей времён,
Ежечасно рождалась Слава
Горьким списком родных имён.
Даль в дыму, словно пласт тумана,
Артобстрел и враги стеной.
Смерть за смерть! А за рану – рана!
Отчий край за твоей спиной.
Лихолетьем рождались даты.
Дым завесой, жильё – блиндаж.
Артогонь! И напев набата...
То, что в песне не передашь.**

Сергей Костин

Ревело небо

*Ревело небо, гулом самолётов,
Патроны на исходе, но пацан,
Возненавидя вражеских пилотов,
Повёл свою машину на таран.
Ему каких то с хвостиком шестнадцать,
Он военкому, не стыдясь, соврал,
Мол, взрослый и уже за восемнадцать
И не единожды винтовку в руки брал.
Но в этом пекле, возраст не помеха,
А малыши со взглядом мужиков,
И лишь вперёд
Бежать, лететь, и ехать.
Чтобы разбить безжалостных врагов!!!*

Татьяна Юдина

Памяти защитников Родины

*Отгремели салюты,
Отгорели закаты...
Сколько вас не пришло
С поля боя, ребята.
Сколько этих полей
От Москвы и до Бреста,
Сколько слёз матерей...
Имена не известны –
У безвестных могил
Пламенеют гвоздики...
Наш народ победил!
В этой скорби великой.
О мальчишках, кто к нам
Не вернулся из боя,
Мы застыли в строю.
Мы чтим память героев.*

Леля Панарина

Пусть вспыхнут сорок сороков...

«Дороге жизни» посвящается

*Молилась пред иконой мать и голосила...
Наутро сына провожать... И смерть ходила...
Стучала ставнями в окно, как призывала...
Над Ладогой совсем темно... И льда так мало...
«Пусть вспыхнут сорок сороков, да куполами,
Во славу транспортных полков. Пред образами
Пусть клирос – праведная грусть, им станет стланью,
И защитит Святую Русь своюю дланью.
Пускай доедет мой сынок до Ленинграда...».
И ладанку под поясок... «Моя отрада!
Пусть Бог хранит тебя в пути, вернись скорее!
Заступница, предотврати!». Закрылись двери...
Полторка в последний путь ушла с рассветом...
«Ребята, только б дотянуть... Да встретить лето...» –
Парнишка вставил ключ в замок... «Вперёд! К Победе!
Её отметим – будет срок!». Колонна едет...
Обманчив лёд... Колонна шла, считая метры –
«Не меньше ста!» – кричал комбат в порывы ветра –
«Ещё немного поднажми! Прорвёмся, Мишка!
Уже виднеются огни! Держись, братишка!»
Не будет литься через край хмельное зелье,
«Прошу, Тоска, не завывай, а пой свирелью!
И пусть мелодия твоя да будет бравою!»
Но пасть раскрыла полынья у переправы...*

Анна Смотрина

Господа офицеры

*Господа офицеры,
Белой гвардии чрево,
Вы сражались за веру,
За Христа, за царя.
И борясь за идею,
Ничего не имея,
Погибали в траншеях,
Не жалея себя.
Господа офицеры,
Предано ваше дело,
И от раны на теле
Ваша кровь на снегу,
Но вы молча лежите,
На судьбу не ропщите,
Императора чтите,
Даже в смертном бреду...
Брат пошёл против брата,
Под советским диктатом.
Он теперь стал солдатом,
Честь свою перешёл.
А чего он добился?
Мир тогда изменился,
В мире том он крутился,
Но покой не нашёл...
Патриоты России,*

*Вас жестоко сгубили
И в крови утопили
Благородство души.
Стали вы лебедями
И, летя над полями,
Упались степями
И спокойствием тиши...*

Натали Давыдова

Защитникам Отечества

*Ни орденов и не медалей,
Лишь только за плечами годы,
Про вас газет мы не читали,
А вы сносили все невзгоды.
В суровых зимах, в летний зной
Вы были на посту всегда,
Вы охраняли наш покой,
Чтоб не коснулась нас беда.
И в этот праздник, раз в году,
Мы чтим заслуги наших стражей,
Стоящих там не за звезду,
А охранявших души наши.*

Галина Самусенко

Деду

*Знаешь, дед, я ведь уже старая.
Я гораздо старше тебя.
Слева смотрю и справа я,
фотографию теребя –
память из далёкого прошлого
прямиком в двадцать первый век.
Дед, лицо у тебя хорошее –
добрым к людям был человек.
Строги чёрных бровей излучины,
тёмно русых волос волна...
Были б, знаю, мы неразлучными,
не вмешайся она – война.
Вместе б осенью за грибами мы,
на рыбалку – опять вдвоём...
а глаза у нас с тобой мамыны...
Целый век без тебя живём...
Что ж, на этом свете не даром всё,
и страна разочлась с бедой.
Только видишь – я уже старая.
Ну а ты всегда молодой.*

Анастасия Мартюшева

Герою Советского Союза В.А. Александрову

*Между нами тридцать лет,
И стеною встали горы.
На стене висит портрет,
Где Вы живы и здоровы...
И ещё идёт война
Там, в Афганистане.
Похоронка не пришла
Любимой Вашей маме.
И пока ещё есть время
До последней той атаки.
Но враги, увы, не дремлют –
Лезут моджахеды в драку.
Им, душманам, невдомёк,
Что конец их грёзам –
Остановит ведь поток
Наш сержант с «Утёсом».
Это было так давно
На высоте дальней.
Но я вижу, как в кино,
Эпизод печальный –
Как отважный тот сержант,
Потеряв сознание,
На руках своих ребят
Умирал израненный...
Прошло с малым тридцать лет*

*С дня того и боя...
На стене висит портрет
Юного героя.
Он – частица контингента,
Превратился в тишину.
И цветы у монумента –
Всем солдатам и ему...*

Leoni Alexandrova

Письмо сыну

*Здравствуй, сынок, обнимаю тебя!
Пишу я украдкой и не спеша.
Время летит, мой малыш повзрослел,
Ты принял присягу, теперь ты солдат.
Знай, есть у тебя еще Родина-Мать!
Закончились шутки и детские войны,
Там взрослые игры и факты из жизни.
Достойно служи и меня не стыди,
А слабых ты честно всегда поддержи,
И с ними шагай наравне впереди,
Одoleвая врага на пути.
Бог тебе дал отважность, терпенье.
Я же молюсь и жду возвращенья.*

Анастасия Павленко

Мы помним, мы гордимся!

*Я хочу вам поведать рассказ
О великом моем земляке.
Он прожил эту жизнь без прикрас
И погиб на той страшной войне.
Его имя носила дружина,
Его подвиги знаем мы все,
Он погиб, защищая Отчизну,
Чтобы нам мирно жить на Земле.
Он попал в окружение к немцам,
На себя вызвал шквальный огонь
Поступил по геройски Боечко,
За Отчизну пролил свою кровь.
Капитан, комаровец, Боечко
Совершил подвиг свой на Днепре,
Награжден был за это посмертно,
Слава вечная, воин, тебе!*

Дмитрий Петрович Боечко (1918–1943) – капитан Рабоче-крестьянской Красной Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1944).

Елена Кастерина

Безвременно ушедшие – живые...

*Безвременно ушедшие – живые...
Гранит хранит их образ, имена.
Поистине великая Россия
солдатами – героями полна.
Какой бы враг на русичей не поднял
оружье смертоносное свое
Поверьте, что всегда найдутся воины,
чтоб разогнать лихое воронье.
Чтоб защитить свою родную землю:
луга, поля, деревни, города.
Без разницы какое будет время –
герои не уходят в никуда.
Они встают неведомо откуда,
то в одиночку, то к плечу плечо.
На первый взгляд совсем простые люди,
но любящие землю горячо.
Они приходят в трудные минуты,
когда на люд обрушилась беда.
Захватчиков шутя сметают пути,
а после исчезают на века.
Чтобы потом, когда настанет время,
встать на защиту Матушки – Земли.
Герои, восхваляемые всеми –
обычные российские сыны!*

Светлана Рожкова

С Днём Защитников Отечества!

*Память славы боевой хранит музей!
И в сердцах живых, и в старых ранах,
В фотографиях, и лицах ветеранов,
И в реликвиях минувших дней
Оживают подвиги страны!
Славе этой будем мы верны!
Чести и достоинству солдат,
Воинов, не раз встававших в ряд!
Чтобы отстоять свою страну,
Защитить детей, мать и жену!
Боевых товарищей спасти!
Славу, честь и доблесть обрести!
Русь спасала человечество не раз!
Защитит Отечество и в час,
Когда новою бедой грозитя враг,
Помнит пролитую кровь Победный флаг!
Родины своей надёжный щит,
Дух Свободы над Землёй парит!
Отлито в гранит, в металл и камень
Эхо дней войны! И вечно с нами
Те, кто шёл сквозь пламя, гарь и дым,
Те, кто умер слишком молодым!
Кто пронёс сквозь пуль смертельных град,
Сквозь осколочных снарядов звездопад,
Разрывных гранат – салютов конфетти,*

***Веру Счастье в Мире обрести!
Умер, ожил, в полк «Бессмертный» встав;
Чтобы тряся в страхе супостат!
Те, кто выжил, удостоившись наград,
Кто сегодня с нами жизни рад!
Будем благодарными за всё,
Что сегодня Радость нам несёт!
Будем павших памяти верны!
Слава Воинам, Защитникам страны!
Тем, кто снова «под ружьё» встаёт!
Тем, кто снова Родину спасёт!***

Светлана Колина

Последний бой

***Утробный гул. Дрожит земля.
Последний выплюнув патрон,
Смолк пулемёт. Всё было зря,
Остались двое: я и он.
На мёрзлых комьях спит комбат,
Засыпал плечи серый снег,
И смолкли голоса ребят,
Я здесь один: один за всех.
Нависло небо надо мной,
Качаясь мутной пеленой.
Отчаянный неравный бой...
Приказ: стоять любой ценой...
Нащупал на груди кисет,***

**Ещё разочек затянусь.
Кроваво-чёрно-грязный цвет,
Я обещал, что я вернусь.
Там на руках качала мать.
А я смеялся ей в ответ...
Кричать, кричать, кричать, кричать,
Был батальон... теперь уж нет...
А в горле ком, сдавило грудь,
Сухие слёзы по щеке.
Ну, может выжил кто-нибудь
На этом выжженном клочке?
А пауки ползут опять,
Зловещий грозный мощный вой.
Вперёд, гранату крепче сжать.
Я так хотел прийти домой...**

Гульназ Гайрулина

Защити меня...

*Обними меня сильно-сильно
И укрой от мирских обид.
Больше быть не могу двужильной
И железной не в силах быть.
Раздавила меня усталость...
Пожалей, чуть-чуть пожалей.
Это, милый, совсем не шалость,
Просто я хочу быть твоей
Хрупкой, маленькой, беззащитной...
На широкой твоей груди
Я котёнком свернусь уютно...
Защити меня, защити...*

Гульнур Зарипова

В чем сила русского солдата?!

(1855 год, из письма французского солдата из Крыма: «Мы не из трусливых, но когда у русского в руке штык— дереву, и тому бы я посоветовал уйти с дороги.)

***В чем сила русского солдата?!
Давно гадают за границей господа.
Да потому что Родина им свята.
И бесконечно дорога земля.
Ни пяди от земли своей любимой,
В бою солдат врагу не отдавал.
И бились с ним, с неистовою силой.
За каждый город, улицу, подвал.
Безусые мальчишки становились.
В шеренгу рядом с братом и отцом.
Солдатами девчонки обратились.
В сраженьях, не дрожа перед врагом.
И чем сильнее жгли нас, убивали,
Тем больше укреплялся дух солдат.
С невероятной силой отвечали.
Еще могуче становясь в сто крат.***

***Какая в этом тайна, в чем секрет?
А может в том, что слышали всегда:
Готовы все лишения терпеть —
Лишь для того, чтоб не пришла Война.***

Маша Халикова

Ответственность, забота и любовь...

*Ответственность, забота и любовь –
Вот качества Защитника, я верю.
Он смотрит вдаль и в трудный путь готов –
Стремится к целям, раскрывая двери.
И есть Мужчины, что мудры, сильны,
Храбры и уважения достойны:
Прошёл мой Прадед через две войны –
И сгнули во мраке эти войны.*

*А в дни, когда орудий гул утих,
Уже на мирном поприще трудился.
Он вырастил с Женою пятерых
Детей – и каждый честно им гордился.*

*«Как много испытаний и побед.
Иди вперёд, не бойся, не кричи – но
Будь крепок телом, духом твёрд», – так Дед
(А для меня он образец Мужчины).
Учил сынишку – Дядю моего.
А сам был добрым – не умею лгать я.
Меня поймёт, должно быть, большинство –
У многих женщин есть Отцы и Братья,
Надёжные и верные Мужья,
Друзья и однокурсники, коллеги.
И всем им от Души желаю я*

**Здоровья, сил и остановок в беге.
Быть искренне любимыми одной –
Единственной «Подругой Жизни» (все мы
Ждём счастья). Как «за каменной стеной»,
За вами будут пусть Родные, Семьи.
Велик пример в моём роду Мужчин,
Чья жизнь была простой и плодотворной.
И слава Богу, что любимый Сын
Растёт для нас поддержкой и опорой.
Ещё под снегом сонная земля,
Ещё добраться нужно до тепла и
Весны. Но в славный Праздник февраля
Защитников сердечно поздравляю!**

Рита Кашина

Две солдатских кружки

*Холодно и зябко, слякоть на дворе.
Хлипкий дождь и стужа – словно в Ноябре.
Утром как-то лучик Солнышка блеснул,
Спрятался за тучку, снова улизнул...
А мы печь растопим, смолячка зажжём.
Русский дух запустим, и чайку попьём.
Будет нам печурка пламенем трещать,
сквозь зазорчик в дверке огнем играть.
А мы сядем близко, рядом, у печи.
Две солдатских кружки греют кирпичи...
В двух солдатских кружках крепким будет чай;
Ты про наши подвиги Друг, не забывай!*

*Прошли не только стужу, но и тонкий лёд;
Когда толкали в спину, - кто ко дну пойдёт...
Устали те, кто ждали – их на свете нет!
Мы с тобой летаем, нам костёр поёт:
Смелых Солнце любит,
Удача верных ждёт!
Крылья на готовы –
мы идём на взлёт!*

Полина Зайцева

Герои нашего народа

Они мертвы...

Они не возродятся снова

И не воскреснут от молвы –

Солдаты страшной той войны,

Герои нашего народа.

И не устану повторять,

Среди них мой прадед –

Это гордость!

И гордость не моя-твоя,

А гордость нашего народа.

«Ведь были люди боевые,

Да говорят еще какие!»

А вот сейчас – где встретишь их?

Все зависают в телефонах,

Пытаются казаться круче,

И не на поле, за футболом,

А за компом, и с грязной кучей

Посуды, стирки и пыли.

Они мертвы...

Они не возродятся снова

И не воскреснут от мольбы.

Давайте же ценить живых

Героев нашего народа!

Елена Завизион

Воин России

*Просыпайся, солдат!
Зори плачут навзрыд.
Нависает пожар над потухшей землей.
Просыпайся, солдат!
Видишь, дом твой горит,
Им уже не вернуться. Проигран их бой.
Бой с собой.
Им бы снова заснуть на пожухлой траве,
И увидеть во сне, через чьи-то глаза
Как дрожит стая птиц на ветру в синеве
Как над миром опять нависает гроза.
Им бы вспомнить все то,
Что рождало их цель.
В нашем прошлом, что снова
Сковала стена.
А за ней – бесконечное полчище, цепь
Черных дней, что рождала война.
Чья вина?
Может, тех, что учили людей забывать?
Разрывая незримую тонкую нить
Чтоб народ стал – чужой.
Чтоб Отчизна – не мать.
Вместо чести – желание жить.
Все ... разбить?
Нет. Восстань. Ты не можешь позволить толпе*

***Растерзать твой бессмертный народ.
Много дней не отпущено миру.
Войне скоро должен прийти свой черед.
Нужно только успеть... до начала войны
Научить их смотреть ночью сны.
Ожидать с нетерпением прихода весны.
И ценить красоту тишины.
Надо только успеть души в них воскресить,
Пробудить в них отвагу и честь.
Человеку России назначено быть.***

В.М. Ленинград

С Оли
Людмила
МАНСК
ПОЛТА
От Лодзь
Берлин
Дондас

Здесь были Куликов
Е.С.
Женя Дворова
Старый Сталина
Раднен

АЛИКС

МИРО
ДЕУ ЕР

МЕНТО В
Барри
Браун
КЕННИКОТО
СР
АНСК
БЕРСИ

МИТУРИНСК-БЕРЛИН
10-5-55
ЛЕНИНГРАД
ИИ БОЛЬШАЯ

ОТ МОСКВЫ ДО
БЕРЛИНА 1054
МАЙОР ОЖОВИЧ ВМ

КИЕВ-БЕРЛИН
РАСОТКИН

Я с доброй душой
Торник ОЛЕЛОВКИ

МУРНАВК, Белянин, СРЕДНЕВОЛЖСКИЙ
ЖОВСКИЙ МОС

МАРТИНОВ
Б. Мухоматов

КРУТЬКО
МОС

МАРТИН